
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ
ПРАВА

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

*Журнал включен ВАК Минобразования и науки РФ
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

1 (38) • 2010

САРАТОВ • МОСКВА

Уважаемые коллеги!

Редакция приглашает к сотрудничеству и выражает заинтересованность в опубликовании на страницах журнала статей, обзоров, рецензий и других материалов.

Главный редактор,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор СФ ИГП РАН

А.В. Малько

Ответственный секретарь,
кандидат юридических наук,
ученый секретарь СФ ИГП РАН

К.Е. Игнатенкова

Заведующий редакцией, кандидат
юридических наук, доцент, заместитель
директора СФ ИГП РАН

А.Е. Михайлов

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ
ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ**

Текст печатается в текстовом редакторе MS Word шрифтом Times New Roman 14 кегля (размера) через 1,5 интервала (28–30 строк на странице). Все поля по 2 сантиметра. Сноски оформляются 12 шрифтом, нумерация сквозная. Объем статьи не должен превышать 8–10 страниц. Рукопись должна быть подписана автором (соавторами). Одновременно с рукописью в редакцию высылаются 2 копии электронной версии статьи на дискете.

К рукописи обязательно должны прилагаться:

- сведения об авторе (соавторах) с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, должности, домашнего и служебного адресов и телефонов, адреса электронной почты;
- выписка из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения), для аспирантов также и отзыв научного руководителя о рекомендации присланной статьи к опубликованию;
- аннотация статьи (материала) на английском и русском языках (2–3 предложения, не более 5–6 строк), транслитерация фамилий и инициалов авторов и перевод названия материала на английский язык;
- ключевые слова (выражения) (5–7) на русском и английском языках;
- приставный библиографический список с указанием издательства.

Не допускается направление идентичных материалов в другие издания без предварительного уведомления редакции.

Рукописи, оформленные без учета данных правил, редакцией не рассматриваются.

Рукописи и рецензии авторам не возвращаются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Направление материалов в журнал предполагает согласие автора на их опубликование в электронной версии.

**По поводу представления на страницах журнала «Правовая политика и правовая жизнь» юридических вузов, а также юбиляров образовательных и научных учреждений обращаться в редакцию журнала по телефонам:
(845–2) 29-92-18, 29-91-22; e-mail: igp@sgap.ru, roc@sgap.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

- Малько А.В. (г. Саратов), Саломатин А.Ю. (г. Пенза)*
Сравнительное правоведение:
необходимость интеграции науки и образования 10
- Кочубин А.О. (г. Москва)*
Перспективы развития
Шанхайской организации сотрудничества 18
- Хатунов С.Ю. (г. Ставрополь)*
Тяжкие телесные повреждения в средневековой Англии 22

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Слободнюк С.Л. (г. Магнитогорск)*
Утопическое правосознание, естественное право
и соблазн свободы 27
- Чепус А.В. (г. Ростов-на-Дону)*
Кодификация законодательства как одно из направлений
правовой политики Российского государства 34
- Голубев В.Б., Секретарева Т.М. (г. Йошкар-Ола)*
Права человека в сфере охраны здоровья
при применении принудительных мер медицинского характера 38

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Данилов М.В. (г. Саратов)*
Политизация современного общества:
теоретические и прикладные аспекты 44
- Иванов С.С. (г. Саратов)*
Персоналистская экономика: возможности и перспективы 47
- Кошкин А.П., Мельков С.А. (г. Москва)*
Коммуникации власти с российским обществом:
проблема институционализации
политико-общественных импульсов 54
- Верецагин С.Г. (г. Владивосток)*
Формы разрешения социально-политических конфликтов
в налоговой сфере: революции, восстания, бунты 61

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ — УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

- Костишко Б.М., Беспалова М.П., Кириллов М.В.*
Ульяновский государственный университет: 20 лет успеха 72
-

Магомедов А.К.	
Восточный поворот российской энергетической политики: мотивы и оценки	81
Артемова С.Т.	
Развитие идей о конституционном правосудии в России в дореволюционный период	88
Беспалова М.П.	
Особенности развития местного самоуправления в Российском государстве в советский период	96
Романов В.В.	
Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг.	103
Кириллов В.М.	
К вопросу о циркуляции политических элит в постсоветский период развития политической системы Ульяновской области	111

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВУЗЫ РОССИИ —
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Передерий С.В.	
Российская государственность в свете вызовов глобализации: некоторые проблемные вопросы	115
Сучков М.А.	
США на Кавказе: интересы и цели	120
Миргород Д.А.	
Влияние глобализации на государство	124
Парастатов С.В.	
«Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах	128
Драганов А.А.	
Иран и Большой Ближний Восток в парадигме современных региональных геополитических процессов	133
Зинченко М.С.	
Проблема политизации ислама в современном мире: вопросы теории и практики	138
Осипов С.К.	
Религиозный фактор в эволюции политической системы России	144
Соловьева В.А.	
Управление интернет-пространством в условиях информационного противоборства	150

Трибуна молодого ученого

- Грачев Т.С. (г. Пятигорск)*
К вопросу о «классическом» понимании
принципа единства прав и обязанностей 156
- Карабеков М.М. (г. Пятигорск)*
Правовые акты Президента Российской Федерации
как средство реализации правовой политики 160
- Пестова Т.П. (г. Бузулук)*
Понятие и признаки локально-правовой политики 163

Материалы круглого стола

Проблема формирования правоохранительной политики (г. Саратов, 26 ноября 2009 г.)

- Малько А.В. (г. Саратов)*
Правоохранительная политика в современной России:
пути формирования 167
- Синюков В.Н. (г. Саратов)*
Реформа профессиональной подготовки в МВД
в контексте модернизации правоохранительной системы 169
- Игнатенкова К.Е. (г. Саратов)*
К вопросу о новейших приоритетах
российской правоохранительной политики 174
- Михайлов А.Е. (г. Саратов)*
О некоторых современных проблемах становления
правоохранительной политики в России 177
- Петров М.П. (г. Саратов)*
Об объекте реформы правоохранительной системы . . . 179
- Нырков В.В. (г. Саратов)*
К вопросу о соотношении мер защиты и ответственности
в системе правоохранительных средств 183
- Коржигов О.Н. (г. Астрахань)*
Формирование гражданского общества и правового государства
в современной России: правоохранительный аспект 185

Обзоры и рецензии

- Улиско А.Н. (г. Саратов)*
Региональные проекты — концепции и разработки:
Обзор Всероссийской научно-практической конференции
«Актуальные проблемы нормотворчества»
(г. Саратов, 6 октября 2009 г.) 187
- Кузнецов И.И. (г. Саратов)*
Обзор заседания регионального отделения
Российской ассоциации политической науки 189
-

<i>Матузов Н.И., Малько А.В., Нырков В.В. (г. Саратов)</i>	
Рекламное правовое пространство в общетеоретическом ракурсе (рецензия: Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): монография. Н. Новгород, 2010. 796 с.)	193
<i>Колесников Е.В., Степанова Ю.В. (г. Саратов)</i>	
Рецензия: Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика: монография / под ред. Н.И. Матузова. Пенза, 2009. 148 с.	203
<i>Золотухина Т.А. (г. Ростов-на-Дону)</i>	
Рецензия: Иванников И.А., Рубанова Н.А. Медицинское право: учебное пособие. М., 2008. 208 с.	206
<i>Баранов П.П., Овчинников А.И. (г. Ростов-на-Дону)</i>	
Рецензия: Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М., 2010. 392 с.	209

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Николая Михайловича Кони	214
---	-----

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Ключевые слова, контактная информация	217
---	-----

CONTENTS

CONTEMPORARY-LEGAL POLICY

<i>Malko A.V. (Saratov), Salomatin A.Y. (Penza)</i>	
Comparative law: necessity of the integration of science and education	10
<i>Kochubin A.O. (Moscow)</i>	
Shanghai Cooperation Organization Security Development perspectives	18
<i>Khatunov S.Y. (Stavropol)</i>	
Maims in the medieval England	22

LEGAL LIFE OF SOCIETY

<i>Slobodnyuk S.L. (Magnitogorsk)</i>	
Utopian legal conscience, natural law and freedom temptation	27
<i>Chepus A.V. (Rostov-on-Don)</i>	
Codification of legislation as one of the directions of a legal policy of the state	34
<i>Golubev V.B., Secretareva T.M. (Yoshkar-Ola)</i>	
Human rights in the sphere of health protection concerning application of compulsory treatment	38

POLITICAL LIFE OF SOCIETY

- Danilov M.V. (Saratov)*
The politization of modern society:
theoretical and applied aspects 44
- Ivanov S.S. (Saratov)*
Person-oriented economy:
opportunities and prospects 47
- Koshkin A.P., Melkov S.A. (Moscow)*
Authority communications with the Russian Society:
the problem of political and social impulses institutionalization 54
- Vereschagin S.G. (Vladivostok)*
Forms of resolving of social political conflicts in the sphere of taxation:
revolution, revolts and riots 61

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION — ULYANOVSK STATE UNIVERSITY

- Kostishko B.M., Beshpalova M.P., Kirillov M.V.*
Ulyanovsk state university: 20 years of success 72
- Magomedov A.K.*
Eastern paradigm of modern Russian energy policy:
motives and appraisals 81
- Artyomova S.T.*
The development of the ideas about constitutional justice
in Russia during the pre-revolutionary period 88
- Beshpalova M.P.*
Features of the development of local self-government
in Russia during the Soviet period 96
- Romanov V.V.*
Functioning of local units of the political police
in the context of trade fairs 1825-1860 103
- Kirillov V.M.*
To the question of circulation of political elites
in the Post-Soviet period of development
of political system of Ulyanovsk region 111

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION — PYATIGORSK STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

- Perederiy S.V.*
Overestimation of priorities: about undecided problems
of Russian national policy 115
-

<i>Suchkov M.A.</i>	US in the Caucasus: interests and objectives	120
<i>Mirgorod D.A.</i>	The influence of globalization on a state	124
<i>Parastatov S.V.</i>	«The Macedonian question» in the context of modern geopolitical process in Balkans	128
<i>Draganov A.A.</i>	Iran and Big Middle East in the paradigm of modern regional geopolitical processes	133
<i>Zinchenko M.S.</i>	The problem of politicization of Islam in the modern world: questions of theory and practice	138
<i>Osipov S.K.</i>	The religious factor in evolution of political system in Russia	144
<i>Solovyova E.A.</i>	Cyberspace using in the context of informational confrontation	150

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Grachev T.S. (Pyatigorsk)</i>	To the question about «classical» understanding of the principle of unity of rights and duties	156
<i>Karabekov M.M. (Pyatigorsk)</i>	Law documents of the President of the Russian Federation as mean of realization of legal policy	160
<i>Pestova T.P. (Buzuluk)</i>	Concept and signs of a local privilege-legal policy	163

ROUND TABLE DISCUSSION'S MATERIALS

Problem of law-enforcement policy's forming (Saratov, 2009, 26 of November)

<i>Malko A.V. (Saratov)</i>	Law-enforcement policy in modern Russia: ways of formation	167
<i>Sinyukov V.N. (Saratov)</i>	Reform of professional training in Ministry of Home Affairs in the terms of law-enforcement system' modernization	169
<i>Ignatenkova K.E. (Saratov)</i>	To the question about latest priorities of Russian law-enforcement policy	174
<i>Mihaylov A.E. (Saratov)</i>	About some modern problems of formation of law-enforcement policy in Russia	177

Petrov M.P. (Saratov) About the object of reform of law-enforcement system	179
Nyrkov V.V. (Saratov) About correlation of measures of protection and responsibility in the system of law-enforcement means	183
Korzhikov O.N. (Astrakhan) Civil society and legal state' formation in modern Russia: law-enforcement aspect	185

REVIEWS AND SURVEYS

Ulisko A.N. (Saratov) Regional projects — conceptions and models: Survey of All-Russian scientific-practical conference «Actual problems of law-making» (Saratov, 2009, 6 of October)	187
Kuznetsov I.I. (Saratov) Survey of sitting of the regional department of Russian association of political science	189
Matuzov N.I., Malko A.V., Nyrkov V.V. (Saratov) Advertising legal space in general theoretical view (Review: Baranova M.V. Law and advertising (general theoretical aspect): monograph. N. Novgorod, 2010. 796 p.)	193
Kolesnikov E.V., Stepanova Y.V. (Saratov) Review: Guk P.A. Judicial rule-making: theory and practice: monograph / ed. by N.I. Matuzov. Penza, 2009. 148 p.	203
Zolotukhina T.A. (Rostov-on-Don) Review: Ivannikov I.A., Rubanova N.A. Medical law: textbook. M., 2008. 208 p.	206
Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. (Rostov-on-Don) Review: Mazurenko A.P. Russian law-making policy: conception and reality. M., 2010. 392 p.	209

PERSONNELS

To the jubilee of N.M. Konin	214
--	-----

KEY WORDS, CONTACTS

Key words, contacts	217
-------------------------------	-----

• СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА •

А.В. Малько,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала Института
государства и права РАН*

А.Ю. Саломатин,

*доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор,
зав. кафедрой Пензенского государственного
университета, руководитель центра
Сравнительного правоведения политического и
социально-правового мониторинга*

Сравнительное правоведение: необходимость интеграции науки и образования*

Развитие сравнительного правоведения как научной и академической дисциплины в XIX–XXI столетиях наглядно демонстрирует эволюцию социума. В XIX в., когда общество делало только первые шаги на пути к промышленному перевороту и модернизации, интерес к зарубежному праву был еще довольно спорадическим, однако достаточным для появления первых профессиональных компаративистских обществ и журналов. С распространением с 1860-х гг. в юридической науке социологически-позитивистского направления в компаративистике утвердились представления об однолинейности всемирного правового развития и понимание сравнительного правоведения как универсальной истории права. Ученые стремились отыскать для каждой конкретной ситуации единственно правильное правовое решение, норму для разных национальных правовых систем¹.

В 1900 г. в условиях индустриализации и усиления международных контактов юристы ряда стран попытались определить сферы сотрудничества, собравшись на первый международный конгресс в Париже. Однако только в 1920-е гг. с учреждением Международной академии сравнительного правоведения (МАСП) в Гааге был найден должный способ институционализации этого сотрудничества. При первоначальном составе в 30 членов Академия была разбита на 4 региональные секции — латинского, англо-американского, центрально- и североевропейского, восточного и колониального права.

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)», проект . 2.2.1.1/3152.

¹ См.: Кресин А.В. Проблема периодизации развития сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение в российском высшем образовании / под ред. А.Ю. Саломатина. Пенза, 2009.

С организацией первых конгрессов МАСП в 1932 г. и 1937 г., где были представлены соответственно 31 и 35 стран¹, закрепилась традиция международных обменов идеями. В то время сравнение еще не преодолело определенную локальную ограниченность. «В 1900 г. в континентальной Европе сравнительное право сводилось к сопоставлению французского и германского права, а точнее, Кодекса Наполеона и Германского гражданского уложения»², но и в 1920-е гг. европейские компаративисты еще только начинали открывать для себя англо-американское право.

Выход за узкие рамки западного права произошел только после Второй мировой войны, в связи с крахом мировой колониальной системы и демократизацией самого Запада. Международные конгрессы МАСП проходили регулярно, через каждые 4 года. За конгрессом в Лондоне в 1950 г. последовали конгрессы в Париже (1954 г.), Брюсселе (1958 г.), Гамбурге (1962 г.), Упсале (1966 г.), Пескаре (1970 г.), Тегеране (1974 г.), Будапеште (1978 г.), Каракасе (1982 г.), Сиднее (1986 г.), Монреале (1990 г.), Афинах (1994 г.), Бристоле (1998 г.), Брисбене (2002 г.), Утрехте (2006 г.). Они сопровождались презентацией нескольких сотен генеральных докладов и содокладов и публикацией около сотни сборников национальных докладов³.

Сравнение используется не только в гражданском праве, оно проникает практически во все отрасли, прежде всего — в отрасли публичного права. Можно сказать, что во второй половине XX в. сравнительное правоведение в сознании подавляющего большинства ученых-юристов уже не ассоциировалось со сравнительно-правовым методом, как это было в 1920—1940-е гг., а воспринималось как самостоятельная отрасль знания и академическая дисциплина⁴.

Вместе с тем надо отдавать себе отчет, что наша планета в последние десятилетия XX в. входит в новую, постмодернизационную стадию развития, а это порождает нестабильность не только в обществе, но и в сфере науки и образования. Гигантски разросшийся материал, собранный компаративистами, при отсутствии должного теоретического стержня порождает у некоторых юристов пессимистические настроения. В частности, видный американский ученый М. Рейманн называет несомненными успехами сравнительного правоведения появление после 1945 г. работ по иностранному праву, преимущественно описательного характера с элементами сравнения; работ по мировой географии правовых семей; работ о целях, подходах и недостатках сравнительно-правового метода. Однако, несмотря на обилие трудов, по мнению М. Реймана, имеется «смехотворно малое число статистических данных об изучаемых и сравниваемых правовых системах». Большое количество

¹ См.: *Clark D.S.* The Modern Development of American Comparative Law: 1904-1945 // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 55/ 2007. Fall. P. 612—613.

² *Судилов А.Х.* Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности. М., 2007. С. 81.

³ Например, в связи с XVII конгрессом, прошедшим в 2006 г., были изданы доклады американских, бельгийских, германских, японских, нидерландских, польских, швейцарских компаративистов. Среди проблемно-отраслевых публикаций отметим книги о правовых, биологических и социальных аспектах родительства, о роли прецедента в развитии права и др.

⁴ См.: *Марченко М.Н.* Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 107, 108.

опубликованных материалов, лишенных прочной теоретической основы, приводит к непониманию того, что же все-таки необходимо сравнивать¹.

В то же время большинство компаративистов не разделяют критической оценки. В Европе царят иные настроения, поскольку в связи с общими интеграционными процессами там предпринимаются активные попытки унификации национального законодательства — прежде всего в сфере семейного права, контрактов, страхования, движимой собственности и т.д. Один из основателей российской компаративистики Ю.А. Тихомиров справедливо отмечает при дефиците инструментально-методических разработок чрезвычайно сложную, иерархичную структуру современного сравнительного правоведения: макроуровень сравнительно-правового анализа включает в себя сравнение национальных правовых систем, правовых семей, правовой системы межгосударственных объединений и системы международного права. При этом «происходит смена векторов притяжения — наряду с парными сравнениями возрастает роль “многочисленных” сравнений». Второй блок сравниваемых элементов составляют: а) правовые нормы; б) законы и иные правовые акты; в) правовые институты; г) подотрасли законодательства; д) отрасли законодательства; е) правовые массивы; ж) системы законодательства; з) предметы и методы правового регулирования; и) юридические понятия и термины; к) юридическая техника. Третий блок — ситуационно-целевой, то есть для транснациональных и других проектов изыскиваются новые правовые решения. В четвертом блоке, или круге сравнения, можно выделить: а) правовые концепции; б) правосознание; в) правовую культуру; г) правомерное и неправомерное поведение. Пятый блок охватывает: а) юридическое образование; б) юридическую профессию. Шестой блок включает государственные и общественные институты, опосредуемые правом².

На предстоящем летом 2010 г. конгрессе МАСП предполагается рассмотреть темы разной отраслевой направленности и теоретико-содержательного уровня. По теории и истории права — это «Правовые культуры и правовые трансплантанты», «Религия и светское государство». Теме унификации права будет посвящен доклад «Сложность транснациональных правовых источников». К сфере частного права относятся доклады «Ущерб при катастрофах: ответственность и страхование», «Материнство для другой», «Однополые браки». Актуальна тема доклада «Изменения климата и право». Два выступления посвящены праву интеллектуальной собственности, одно — трудовому праву. Гораздо уже представлено уголовное право — единственный доклад этой секции связан с предпринимательским правом и охватывает проблему уголовной ответственности корпораций. Секция международного публичного права поднимает также комплексные проблемы — «Защита иностранных инвестиций» и «Международное право во внутринациональных правовых системах». Сфере международного частного права принадлежат доклады «Защита потребителей в международных отношениях» и «Недавние

¹ См.: *Reinmann M.* The Progress and Failure of Comparative Law in the Second Half of the Twentieth Century//The American Journal of Comparative Law. Vol. 50. 4. Fall. P. 674–676, 686.

² *Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение и интегрирующая роль международного права. Киев; Москва; Симферополь. 2008. С. 5–6.

кодификации международного частного права». Теме прав человека будут посвящены доклады «Плюрализм политических мнений и концепция СМИ», «Являются ли права человека всеобщими и обязывающими?».

Представленная структура сравнительного правоведения сегодня как нельзя лучше соответствует состоянию современного общества с его усложнившимися социальными и политическими связями, а также развивающейся глобализацией¹. В этой ситуации компаративистика, безусловно, требует плюралистического и многоуровневого подхода. Особенно это касается образовательной деятельности, которая существенно отстает от сферы научных исследований. К сожалению, в российской высшей школе используется достаточно ограниченное число учебников и учебных программ. Системно-правовой подход, реализуемый в отношении главных правовых семей, нашел свое отражение в книгах М.Н. Марченко². В учебниках, написанных А.Х. Саидовым, охвачена более широкая область юридической географии. Кроме традиционных 3–5 семей и систем автор подвергает сравнительному рассмотрению также скандинавское, латиноамериканское, японское, индусское, дальневосточное право, обычное право Африки³. Что касается классического по своей глубине труда Ю.А. Тихомирова, то он базируется на системно-отраслевом подходе, поскольку наряду с рассмотрением правовых семей дается сравнительное описание развития некоторых отраслей права (конституционного, гражданского, административного, финансового, уголовного) в отдельных государствах (включая Россию)⁴.

В последнее время в юридической науке применительно к сравнительному правоведению получает развитие и правосистемный подход. Исходя из того, что «правотворческие, правоприменительные, правоохранительные и судебные органы являются неперменной составной частью правовой системы общества»⁵, О.Ф. Скакун в своем учебнике рассматривает не только систему права, но и судебные, а так же полицейские системы отдельных государств. Примерно так же построен курс сравнительного правоведения в Пензенском государственном университете⁶.

Мы далеки от того, чтобы считать какой-то один конкретный подход идеальным. Опыт показывает, что оптимальным является синтез различных подходов в том или ином сочетании⁷. Более того, желательно, чтобы ознакомление студентов с миром компаративистики происходило постепенно:

¹ См.: Саломатин А.Ю. Политическая модернизация и постмодернизация (к вопросу о комплексной оценке общественных процессов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. 4.

² См.: Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002; *Его же*. Правовые системы современного мира М., 2008.

³ См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: краткий учебный курс. М., 2006; *Его же*. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности. М., 2007.

⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996.

⁵ Скакун О.Ф. Общее сравнительное правоведение. Основные типы (семьи) правовых систем права. Киев, 2008. С. 52.

⁶ О программе дисциплин см.: Малько А.В., Саломатин А.Ю. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Правоведение. 2009. 2.

⁷ См.: Саломатин А.Ю. Преподавание Сравнительного правоведения: попытка синтеза подходов // Сравнительное правоведение в российской высшей школе / под ред. А.Ю. Саломатина. Пенза, 2009.

от общего — к конкретному, затем — отраслевая конкретизация сравнительно-правового метода (см. схему).

Схема. Последовательность изучения компаративистских дисциплин студентами-юристами

Логика здесь простая. На первом курсе, когда происходит формирование основ мировоззрения будущего юриста и когда осуществляется преподавание базовых общепрофессиональных дисциплин, таких как теория государства и права, история государства и права зарубежных стран, отечественная история государства и права, целесообразно дать студентам первоначальные знания о сравнительно-правовом методе и правовых семьях. Основная подготовка в области компаративистики должна остаться за выпускным курсом бакалавриата. Именно к этому времени студенты пройдут основные отрасли права и изучат блок дисциплин, связанных с зарубежным и международным правом¹, что подготовит их к восприятию материала о правовых системах ведущих мировых держав. При этом мы предлагаем не ограничиваться хрестоматийными тремя государствами Европы (Великобритания, Германия, Франция) и США, а рассмотреть ведущие государства всех континентов (включая Австралию, Бразилию, ЮАР, Китай и т.д.).

В магистратуре с ее узкими специализациями оптимально было бы взять для сравнительно-правового анализа отдельные отрасли права (сравнительное гражданское право, сравнительное уголовное право, сравнительное трудовое

¹ Речь идет о таких дисциплинах, как конституционное право зарубежных стран, международное право, международное частное право.

право, сравнительное коммерческое право, сравнительное административное право и т.д.)¹. При этом необходимо предусмотреть выполнение магистерских работ со сравнительно-правовой проблематикой. Стоит подумать и о введении курса сравнительного государствоведения, тем более что начали появляться первые учебники по этой дисциплине². А украинский компаративист Н.Н. Онищенко вообще предлагает ввести комплексную дисциплину «Сравнительное правогосударствоведение»³.

Разумеется, подобная обширная программа по сравнительно-правовой подготовке студентов нуждается в серьезном кадровом обеспечении.

Необходимым алгоритмом представляется творческое сотрудничество как преподавателей, так и вузов между собой. Например, в Пензенском государственном университете (ПГУ) создан неформальный клуб преподавателей, ведущих различные дисциплины, связанные с использованием сравнительно-правового метода⁴.

В настоящее время изучается вопрос об обмене преподавателями между Саратовской государственной академией права и Пензенским государственным университетом. Пензенцы с удовольствием прослушали бы спецкурс, подготовленный для кафедры европейского права и сравнительного правоведения на тему «Принципы и методы сравнительного правоведения». В свою очередь своим саратовским коллегам они могли бы предложить краткий спецкурс «Правовая система США», курсы лекций для магистров «Конституционное правосудие в России и за рубежом», «Судебные системы зарубежных стран». Однако главным резервом в деле ускоренного продвижения сравнительного правоведения в студенческую аудиторию является интеграция науки и преподавания. Российскими исследователями создан неплохой компаративистский задел — в первую очередь это касается Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и сектора сравнительного правоведения.

Эти и другие научные разработки необходимо адаптировать к потребностям высшей школы, насытить ими учебные курсы. Именно этим и занимается Центр сравнительного правоведения, политического и социально-правового мониторинга при Пензенском государственном университете. В 2005 г. им были опубликованы Планы семинарских занятий по дисциплине «Сравнительное правоведение», в 2008 г. в издательстве «Норма» вышел первый в нашей стране учебно-методический комплекс по данной дисциплине с методическими рекомендациями, подробным списком

¹ Это тем более желательно, поскольку подготовлены серьезные учебники в этой области. См.: *Осакве К.* Сравнительное гражданское право. М., 2008; *Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Се-ребренникова А.В.* Уголовное право зарубежных стран. М., 2009; *Административное право зарубежных стран* : учебник / под ред. А.Н. Козырина и М.А. Шатиной. М., 2003; *Киселев И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран : учебник. М., 2005; *Бушев А.Ю., Макарова О.А., Попондопуло В.Ф.* Коммерческое право зарубежных стран. СПб., 2003.

² См.: *Голубева Л.А., Чернооков А.Э.* Сравнительное государствоведение. СПб., 2009.

³ См.: *Онищенко Н.Н.* К вопросу о понятии «сравнительного правогосударствоведения» (некоторые подходы к анализу и изучению) // Сравнительное правоведение в российском высшем образовании / под ред. А.Ю. Саломатина. Пенза, 2009.

⁴ Преподавателями ПГУ, в частности, читаются следующие курсы: «Сравнительное правоведение» (д.ю.н., д.и.н., проф. А.Ю. Саломатин), «Уголовное право зарубежных стран» (к.соц.н. С.Т. Сулейманова), «Судебные системы зарубежных стран» (к.ю.н., доц. Д.И. Артемова).

литературы и учебником¹. Специалисты Центра изучают российский и зарубежный опыт преподавания компаративистики, выходят на контакты с иностранными партнерами (например, с научными и учебными заведениями Киева, Харькова, Одессы, университетом Бордо-IV). Опубликован сборник учебно-методических и научных материалов «Сравнительное правоведение в российском высшем образовании», где коллеги из разных стран и регионов делятся своими методиками преподавания и научными достижениями².

Вместе с тем Центр сравнительного правоведения при Пензенском государственном университете проводит и собственные научные исследования, которые используются в учебном процессе. Все они так или иначе связаны с разработанной пензенской научной школой концепцией модернизации и постмодернизации в сфере государства и права³. В чем заключаются истоки, содержание и перспективы модернизационных и постмодернизационных процессов? Как они соотносятся с формированием гражданского общества, правового государства, глобализацией? В чем выражаются особенности осовременивания государства и права в разных странах и почему нецелесообразно считать какую-то одну модель модернизации идеально правильной? На эти вопросы путем использования сравнительно-правового метода пензенские специалисты пытаются дать ответы⁴. Их изыскания находят свое применение в преподавании учебных курсов по темам «Сравнительное правоведение», «Политология», «История государства и права зарубежных стран».

Однако пензенских компаративистов занимают и более частные проблемы. А.Ю. Саломатин и Е.А. Агеева анализируют историю Верховного Суда США⁵, что дало возможность разработать спецкурс по теме «Конституционное правосудие». Н.В. Макеева и С.Т. Сулейманова работают над проблемой модернизации уголовной политики⁶, Е.А. Дадаев посвятил свою работу сравнительному анализу законотворческой деятельности в различных странах⁷.

¹ См.: *Малько А.В., Саломатин А.Ю.* Сравнительное правоведение : учебно-методический комплекс. М., 2008.

² См.: Сравнительное правоведение в российском высшем образовании / под ред. А.Ю. Саломатина. Пенза, 2009.

³ См.: Модернизационные и постмодернизационные процессы в сфере политики, права и экономики // Научно-педагогические школы Пензенского государственного университета / под ред. М.А. Щербакова. Пенза, 2008. С. 414–429.

⁴ См.: Модернизация права: зарубежный и отечественный опыт : сборник научных статей // отв. ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. Пенза, 2004; Модернизация государства: зарубежный и отечественный опыт : сборник научных статей / отв. ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. Пенза, 2005; Реформирование права: зарубежный и российский опыт: материалы Круглого стола / отв. ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. Пенза, 2005; Проблемы правовой модернизации в России : сборник научных материалов / отв. ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. Пенза, 2006.

⁵ См.: *Саломатин А.Ю., Агеева Е.А.* Деятельность Верховного Суда США в середине XX в. под председательством Э. Уоррена как пример беспрецедентного судейского активизма. Пенза, 2008; *Саломатин А.Ю.* Очерки истории Верховного Суда США. Пенза, 2009.

⁶ См.: *Макеева Н.В.* Реформирование уголовного законодательства в процессе модернизации: российский и зарубежный опыт // Реформирование права: зарубежный и российский опыт. Пенза, 2005; *Сулейманова С.Т.* Некоторые актуальные вопросы российского и зарубежного уголовного права в свете современных постмодернизационных тенденций // Реформирование права: зарубежный и российский опыт. Пенза, 2009.

⁷ См.: *Дадаев Е.В.* Субъекты федерации и их органы законодательной власти (на примере России и США). Пенза, 2009.

В настоящее время формируется новое направление работы по созданию научно-образовательного Центра сравнительно-правовой политики на основе сотрудничества Саратовского филиала Института государства и права РАН и Пензенского государственного университета. Данный научно-образовательный центр выступит формой интеграции академической науки и вузовского образования, позволит оперативнее внедрять научные разработки в учебный процесс. Отечественной юридической наукой выработан определенный задел по проблемам российской правовой политики, но его необходимо дополнить комплексным сравнительным анализом правотворчества и правоприменения. В данном случае желательно не только осуществлять экспертную оценку зарубежного правового опыта в контексте его возможного применения в российских условиях, но и на основе сравнения обобщить законодательство российских регионов.

Разумеется, любое масштабное предприятие нуждается в должном финансировании. К сожалению, если научные разработки разово материально подкрепляются РГНФ и РФФИ, то деятельность по внедрению достижений юридической науки в практику высшей школы остается пока вне сферы внимания государства. Между тем за рубежом научные исследования осуществляются главным образом в высшей школе, и около трети своих средств университеты получают от грантовой деятельности¹. Например, во Франции компаративистские центры существуют не менее чем в десяти университетах (в Париже, Бордо, Марселе, Лионе, Страсбурге, Тулоне и др.) и имеют самую разнообразную тематическую специализацию².

В то же время в области сравнительного правоведения существует немало проблем, которые отдельными научными грантами, выделяемыми на исследование по узкой тематике, не решить. Необходимо подумать о подготовке хрестоматии, что сопряжено со значительной работой в Интернете, закупками иностранной научной литературы и периодики, наконец, издательскими расходами, поскольку центральные издательства весьма прохладно относятся к выпуску любой литературы, кроме учебников. Поездки опытных компаративистов в вузы России также нуждаются в финансировании, поскольку они не всегда совершаются на основе взаимовыгодных обменов преподавателями между вузами. Было бы полезным проведение обучающих семинаров, круглых столов, научных конференций, что также вызывает потребность в финансовых ресурсах. Наконец, стоит подтолкнуть российскую компаративистику и организационными методами, а именно, ввести в номенклатуру ВАК в специальности 12.00.01 направление «Сравнительное правоведение», что побудит молодых преподавателей больше заниматься данной проблематикой.

Синтез науки и образования является острой жизненной потребностью современного общества. Особенно явно эта потребность возникает перед

¹ См.: Пуляева Е.В. Обеспечение качества юридического образования: правовые аспекты // Журнал российского права. 2009. 11. С. 71.

² В частности, только в Университете Бордо-IV существуют Центр африканских исследований, Центр сравнительных конституционных исследований, Центр сравнительного трудового права и права социальной защиты, а в Тулонском университете специальный Центр занимается как сравнительно-правовыми, так и сравнительно-политическими исследованиями. См.: Le Devenir du Droit Compare' en France. Puam, 2005. P. 9, 11.

сравнительным правоведением в силу его известной фрагментарности и плюрализма научных подходов. В то же время фрагментарность и плюрализм очень удачно вписываются в концепцию подготовки бакалавров и магистров, в которой соответственно 50 % и 70 % дисциплины учебного плана составляют вариативную часть. В этой ситуации было бы оптимальным внедрение научных достижений в сфере компаративистики в практику высшей школы в виде базовой дисциплины и кратких спецкурсов.

А.О. Кочубин,
*аспирант Российской академии
государственной службы
при Президенте РФ*

Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества в сфере безопасности

Обострение общей геополитической ситуации в мире имеет свои проявления в странах, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества. Регион, охватывающий страны-члены ШОС, испытывает на себе активное влияние мировых политических тенденций и угроз безопасности. По прогнозам аналитиков, к 2020 г. ситуация вокруг этого региона будет обостряться¹. Основными причинами этого обострения являются пересечение интересов геополитических субъектов, деятельность ТНК, оргпреступность и общая криминогенность, сложность миграционной ситуации, конфликты с местным населением, этническая и религиозная нетерпимость.

Сложность геополитической ситуации в регионе определяют следующие факторы:

– агрессивное стремление США к утверждению своих позиций в регионе, в том числе военного присутствия; обвинения России в имперских амбициях, в манипулировании конфликтами и проч. В 2006 г. в американском Конгрессе состоялось слушание Хельсинкской комиссии США (комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе) на тему «Шанхайская организация сотрудничества: подрывает ли она интересы США в Центральной Азии?» Участники комиссии пришли к выводу о том, что скрытая цель организации — «ослабить американское влияние в регионе»². По их мнению, добиться изоляции США в Центрально-Азиатском регионе Россия и Китай могут только одним способом — созданием военного блока, способного противостоять НАТО. Американские эксперты отмечают, что появление такого военного союза возможно лишь на базе ШОС. Выводы западных специалистов осно-

---

¹ См.: *Никитин А.И.* Проблемы и перспективы взаимодействия ШОС и ОДКБ в сфере обеспечения международной безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию : материалы Третьего заседания Форума ШОС (Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 г.). М., 2008. С. 64–70.

² *Клименко А.Ф.* Перспективы взаимодействия России, Индии и Китая в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты // Военная мысль. 2007. 6. С. 3–4.

ываются на том, что участников ШОС объединяют общие внешнеполитические интересы, что облегчает процесс создания нового блока. Эксперты из Вашингтона рассчитали, что, во-первых, совокупный военный потенциал стран-участниц позволит создать практически равнозначный противовес НАТО в любой точке региона и защитить более слабые в военном отношении государства-члены организации; во-вторых, финансовый потенциал участников военного блока на основе ШОС способен сделать возможной максимальную интеграцию вооруженных сил между этими странами; и самое главное — превращение Шанхайской организации в евразийский военный блок будет способствовать более скорому и эффективному развитию его участников, так как снизит политическое и военное давление со стороны третьих стран. Что касается расширения ШОС, то возможность пополнения организации новыми членами также вызывает беспокойство. Как пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор», «Россия и Китай могут предпринять еще один шаг в направлении образования евразийской военной конфедерации, которая будет соперничать с НАТО»¹;

— обострение обстановки в Афганистане, связанное с неудачей усилий проамериканской международной коалиции и возрождением движения талибов, которые контролируют ряд соседних с Пакистаном провинций и заметно усиливают свое присутствие на севере и западе страны. Обостряется проблема наркотрафика из Афганистана, роста наркооборота. Наблюдается усиление противостояния по религиозно-этническому признаку, несовпадение интересов ряда заинтересованных стран и международных организаций;

— нестабильность обстановки в Пакистане, угроза очередного обострения индо-пакистанских противоречий, вплоть до возникновения конфликта, чреватого применением сторонами ядерного оружия;

— перспектива вооруженной агрессии против Ирана;

— возможность принятия в НАТО Украины, Грузии, Азербайджана (приближение НАТО вплотную к границам региона);

— неурегулированность проблемы Нагорного Карабаха;

— расширение геостратегических интересов Китая;

— трудности в процессе интеграции постсоветского пространства;

— усиление конфликтного потенциала Центральноазиатского региона.

В такой ситуации проблема безопасности государств-участников ШОС приобретает все более актуальное звучание. Однако к единому мнению относительно функции обеспечения безопасности в деятельности ШОС специалисты пока не пришли. Одни эксперты считают, что ШОС еще не определилась в отношении стратегии развития, в том числе в отношении проблематики безопасности². По мнению других экспертов³, ШОС могла

¹ Клименко А.Ф. Указ. соч.

² См.: Лукин А.В., Илькаева О.Е., Тиморшина А.М. Дальнейшее развитие ШОС: проблемы и рекомендации // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию... С. 7–8.

³ См., например: Никитин А.И. Проблемы и перспективы взаимодействия ШОС и ОДКБ в сфере обеспечения международной безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию... С. 64–70.

бы заниматься в основном экономическим сотрудничеством, а проблемы безопасности и военного сотрудничества были бы сконцентрированы в Организации договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ).

Ряд китайских и российских экспертов не согласны ни с первой, ни со второй позицией, полагая, что вопросы безопасности в деятельности ШОС относятся к числу основных. К примеру, директор Центра энергетических исследований Китайского фонда международных исследований Ван Хайюнь считает, что вопросы безопасности всегда были стержнем развития сотрудничества в рамках ШОС. Он предложил укреплять правовую базу, особенно в таких сферах, как обеспечение региональной стабильности, в частности, создать банк антитеррористических данных, продолжить проведение антитеррористических учений, обмен информацией, создать механизм общего реагирования, общую базу данных, организовать подготовку кадров¹. По мнению К.А. Кокарева, «вопрос безопасности, изначально давший импульс к объединению усилий центральноазиатских стран, России и Китая в поддержании мира и спокойствия в обширной приграничной зоне, за прошедшие годы отнюдь не утратил своего значения. Более того, он был дополнен многими составляющими, среди которых безопасность энергетических, природных и водных ресурсов, безопасность экономическая, продовольственная, финансовая, информационная, экологическая и даже сохранение самобытности в области культуры, что также в той или иной мере затрагивает сферу безопасности»².

Резюмируя позиции экспертов по вопросу о роли и месте безопасности в деятельности ШОС, можно констатировать, что преобладающим является мнение о необходимости продолжения и расширения сотрудничества по решению проблем безопасности в рамках организации.

Участие России в ШОС представляется исключительно необходимым вектором реализации геополитических интересов и укрепления национальной безопасности. Одной из важнейших составляющих безопасности страны в ближайшем геостратегическом пространстве являются коллективные системы безопасности, в деятельности которых Россия играет активную роль с момента их образования. Наиболее значительными и действенными из них являются ШОС и ОДКБ³.

Российские интересы в области безопасности — это, прежде всего, создание еще одного, в дополнение к ОДКБ, контура безопасности по периметру юго-восточных границ Российской Федерации, своевременный обмен информацией и ее обработка для принятия мер по нейтрализации террористических угроз и экстремистских выступлений.

Развитие деятельности ШОС в области укрепления безопасности соответствует интересам России и позволяет оптимизировать ее геополитику на

¹ См.: Ван Хайюнь. Укрепление сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию... С. 91–94.

² Кокарев К.А. К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию... С. 95–96.

³ См.: Россия в коллективных структурах безопасности в ближайшем геостратегическом пространстве // Военно-исторический журнал. 2009. 7. С. 30–34.

юго-восточном и восточном направлениях. Совместное, консолидированное мнение стран — членов ШОС, в том числе Российской Федерации, по основным проблемам международной безопасности позволяет им выступать с единой позицией, единым фронтом на мировой арене и, используя свой политический, экономический и военный потенциал, в перспективе стать мощным центром силы, одним из геополитических полюсов многополярного мира.

В целях укрепления региональной и международной безопасности ШОС использует большой потенциал и широкие возможности взаимовыгодного сотрудничества государств-участников в военно-политической и торгово-экономической области на двусторонней и многосторонней основе.

Убедительным подтверждением данного тезиса послужила встреча лидеров стран-участниц и стран-партнеров ШОС в Екатеринбурге 15–16 июня 2009 г. Общие подходы участников ШОС к выстраиванию более справедливой и рациональной архитектуры межгосударственных отношений на фоне кризиса традиционных структур обеспечения безопасности и финансовой стабильности отражены в подписанной главами государств — членов ШОС Екатеринбургской декларации¹. Была подписана Конвенция ШОС против терроризма, которая укрепляет правовую базу контртеррористического взаимодействия в рамках ШОС. Было утверждено Положение о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в Центральном азиатском регионе. Наконец, были подписаны Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности и Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС.

Главы государств-членов ШОС подчеркнули, что в условиях мирового финансового кризиса обеспечение безопасности и поддержание стабильности на пространстве ШОС приобретают первостепенное значение. Следует также отметить, что на встрече в Екатеринбурге было принято решение о предоставлении статуса партнера по диалогу ШОС Республике Беларусь — стратегическому партнеру России.

Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества последовательно движется в направлении создания прочной системы региональной безопасности, выполняет важную миссию обеспечения безопасности и стабильности. Для Российской Федерации активизация участия в ШОС представляет благоприятную возможность интеграции в региональные центральноазиатские процессы, укрепления российского геополитического влияния и состояния национальной безопасности.

---

¹ См.: Екатеринбургская декларация глав государств-участников Шанхайской организации сотрудничества 16 июня 2009 г. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/36603> (дата обращения: 12.12.09).

С.Ю. Хатунов,
кандидат экономических наук,
зам. директора Ставропольского филиала
Московского гуманитарно-экономического
института

Тяжкие телесные повреждения в средневековой Англии

Несмотря на то, что степень тяжести такого преступления, как тяжкое телесное повреждение, от столетия к столетию снижалась, в средние века оно все же входило в категорию тяжких преступлений, именуемых фелонией, так как оно и ряд таких же преступлений «решительно отличались от всех мелких преступлений»¹. Тяжкое телесное повреждение принадлежало к числу тех немногих фелоний, которые не наказывались смертной казнью², хотя и «заслуживали приговора “о жизни или членах”»³. В древние времена нанести тяжкое телесное повреждение означало ограничить человека в правах и сделать его недееспособным, что чаще всего приводило к его ранней смерти.

Описание тяжких телесных повреждений встречается уже в первой англосаксонской правде — правде Этельберта. Сорок статей из общего объема правды в 90 статей посвящены телесным повреждениям и увечьям⁴. В правде Альфреда из 77 статей таких 33⁵. Так же как любого другого преступления против личности, частота упоминания тяжкого телесного повреждения в англосаксонских правдах и законах со временем уменьшается. Вероятно, это связано с тем, что преступления против личности по количеству упоминаний в законах всегда уступали преступлениям против собственности в период раннего средневековья. Однако вопросы наказуемости того или иного деяния, повлекшего тяжкое телесное повреждение, оставались прежними, так как англосаксонские правды и законы строго придерживались системы материальной формы искупления греха, которая основывалась на стоимостной характеристике вергельда жертвы в зависимости от ее общественного положения. В англосаксонский период тяжкое телесное повреждение не вошло в число неискупаемых преступлений и расценивалось все же как правонарушение, а не уголовное преступление.

В англо-нормандский период тяжкое телесное повреждение трактуется уже как уголовное преступление, несмотря на редкие ссылки в законах. В тот же период нанесение тяжких увечий занимает особое место в системе наказания. Несмотря на то, что это практиковалось и в англосаксонский период, при норманнских королях этот вид наказания ставится в один ряд со

---

¹ Pollock F., Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. Cambridge, 1923. Vol. 2. P. 470.

² См.: Стифен Дж.Ф. Уголовное право Англии в кратком очертании. СПб., 1865. С. 59.

³ Pollock F., Maitland F.W. Op. cit. Vol. 2. P. 470.

⁴ См.: The Laws of the Earliest English Kings. / Ed. F.L. Attenborough. Cambridge, 1922. P. 8–15.

⁵ См.: Ibid. P. 86–93.

смертной казнью, а в ряде случаев даже заменяет ее. В правление Вильгельма I смертная казнь заменялась на различные виды увечий¹, которые наносились преступникам в зависимости от совершенного ими преступления. Возврат смертной казни в период правления Генриха I ознаменовал следующее: на практике наказание за ряд преступлений, за которые не подвергали смертной казни, а все еще наказывали путем нанесения тяжких увечий, постепенно стали заменять денежными штрафами. В правовом трактате XIII в. Britton в вопросах наказания за нанесение тяжких телесных повреждений безгранично властвует принцип талиона («око за око, зуб за зуб») как практическое руководство². В другом правовом трактате Fleta подобная точка зрения звучит не столь радикально³.

Тяжкое телесное повреждение в период общего права становится преступлением, при этом почти полтора столетия оно является фелонией (тяжким преступлением). Наказания за нанесение тяжких телесных повреждений на практике и в теории сильно отличались, что подтверждается Ф. Поллоком и Ф. Мейтлендом. Они утверждали, что признанный виновным в нанесении тяжкого телесного повреждения ответчик по частному обвинению, которое предъявил потерпевший, должен был «лишаться жизни и членов». В то же время виновные «редко, можно сказать, почти не лишались жизни и редко лишались членов; тем не менее, мы приведем дело 1221 г., в котором человек, который ранил другого в руку и, проиграв в судебном поединке, подвергся увечью, вселяющему ужас»⁴. Судебная практика второй половины XII в. согласно трактату Гленвиля в отношении тяжких телесных повреждений все еще оставалась на уровне обычного права, так как эти преступления входили в число дел, находившихся в юрисдикции шерифа, которые разбирались «согласно различным обычаям в различных судах графства»⁵. Однако ранее сделанная Гленвилем оговорка⁶ свидетельствует о том, что при наличии отягчающих обстоятельств такое преступление могло квалифицироваться обвинителем как фелония и рассматриваться в королевском суде.

Определение тяжкого телесного повреждения в трактатах было, как правило, связано со способностью или неспособностью отстоять свои интересы в судебном поединке⁷. В трактате Брактона дано следующее определение тяжкого телесного повреждения: «Тяжким телесным повреждением может считаться, когда кто-либо оказался неспособным к сражению особенно из-за того, кому он предъявляет частное обвинение, поскольку на его голове оголены кости или выступает большой осколок кости, как было сказано, [или] сломана какая-либо кость на его теле, или нога или рука, или отрублены часть ноги или руки, или палец, или другой член, или нанесенной раной повреждены сухожилия и конечность, или пальцы стали искривленными,

¹ См.: Potter H. An Historical Introduction to English Law and its Institutions. London, 1948. P. 345.

² См.: Britton / Ed. F.M. Nichols. Oxford, 1865. Vol. 1. P. 123–124.

³ См.: Fleta / Ed. H.G. Richardson, G.O. Sayles. London, 1953. P. 96.

⁴ Pollock F., Maitland F.W. Op. cit. Vol. 2. P. 488.

⁵ Трактат о законах и обычаях королевства Английского, который называется Гленвилевским. Ставрополь, 2002. С. 190.

⁶ См.: Там же. С. 50 (Гленвиль, 1.2).

⁷ См.: Там же. С. 186 (Гленвиль, 14.1).

или выбит глаз, или что-либо другое, причинившее телу человека то, посредством чего он оказался менее способным и успешным при отрицании своей виновности. ... Тяжкими телесными повреждениями являются такие повреждения, с которыми человек оказывается неспособным к сражению»¹.

Направленность определения тяжкого телесного повреждения в других, не столь авторитетных трактатах XIII–XIV вв., осталось такой же, а именно, под тяжкими телесными повреждениями понималось лишение дееспособности того члена, который необходим в судебном поединке². Отказ от безальтернативного направления одной из сторон на судебный поединок или любую другую ордалию для определения виновности или невиновности, особенно после четвертого Латеранского собора 1215 г., отменившего такой способ процессуальных действий, повысил значимость жюри присяжных, вердикту которого обязаны были подчиниться и обвинитель, и ответчик. В трактате «Зерцало судей» утверждается, что не только с помощью судебного поединка можно доказывать свою виновность или невиновность, вопреки утверждениям противоположной стороны, но с помощью жюри присяжных³. Однако из трактата не следует, что в судебной практике полностью отказались от судебного поединка или других видов ордалий, хотя он был написан на рубеже XIII–XIV вв. **Вероятнее всего, подавляющее большинство** ответчиков по частному обвинению предпочитали вверить свою судьбу жюри присяжных, чем ордалию, непредсказуемость которой пугала многих. Несмотря на это, в первой половине XIII в., согласно судебным протоколам, ордалию активно применялись независимо от совершенного преступления⁴. **В XIV в. не появилось ничего нового в вопросе определения тяжкого телесного повреждения, и действовало определение Брактона.** Это определение помогает отличить тяжкое телесное повреждение от прочих видов ранений. А если учесть, что такое отличие имело и процессуальное значение⁵, то использование доктрины Брактона в этом вопросе для любого суда было основополагающим в средневековой Англии. Проанализируем, как этот вопрос рассматривался в королевском суде в начале XIII в., до появления трактата Брактона, на примере ряда судебных дел.

Первые из судебных дел, которые будут проанализированы, слушались в королевских разъездных судах в начале XIII в. — в 1201–1203 гг. Слушания записаны в протоколах заседаний разъездных судов в графствах Корнуолл, Линкольншир, Бедфордшир, Эссекс, Стаффордшир и Шропшир: 7 дел о нанесении тяжких телесных повреждений⁶ и 5 дел о нанесении ран⁷. Все дела — уголовные и возбуждены по частному обвинению. Почти во всех делах о нанесении тяжких телесных повреждений факт нанесения таких повреждений устанавливался согласно судебному решению⁸ или путем освидетельствования

¹ *Bracton H.* On the Laws and Customs of England. Cambridge, 1968. Vol. 2. P. 409–410.

² См.: Britton / Ed. F.M. Nichols. Vol. 1. P. 123; Fleta / ed. H.G. Richardson, G.O. Sayles. P. 96.

³ См.: The Mirror of Justices / Ed. W.J. Whittaker and F.W. Maitland. London, 1893. P. 109–110.

⁴ См.: Select Pleas of the Crown, 1200–1225 / Ed. F.W. Maitland. London, 1888. P. 1–138.

⁵ См.: *Pollock F., Maitland F.W.* Op. cit. Vol. 2. P. 490.

⁶ См.: Select Pleas of the Crown, 1200–1225 / Ed. F.W. Maitland. P. 2–35.

⁷ См.: Ibid. P. 6, 9, 18, 28–29, 44–45.

⁸ См.: Ibid. P. 2–3, 4.

потерпевшего представителем власти в графстве, например, шерифом или коронером¹, а также королевским сержантом (слугой)² или представителем жюри присяжных, обычно рыцарем из их числа³. В то же время в делах о нанесении ран только в одном деле имело место освидетельствование, которое рыцарь проводил по просьбе лорда потерпевшего, так как лорд заявил, что «состояние его [вассала] безнадежно»⁴. В другом деле о нанесении ран, где говорится о четырех нанесенных в голову ранениях, нанесение ран не могли освидетельствовать, так как они не показаны вовсе⁵. Ранения в голову, упоминавшиеся еще в двух делах о нанесении ран, в одном из которых ранения нанесены железными вилами⁶, так и не были показаны суду, хотя обвинители «предлагали доказать [это] с помощью своего тела, которое суд должен принять во внимание»⁷. Отказ частного обвинителя показать раны или предъявить обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений вполне закономерен, так как связан с незначительными повреждениями. Лишь в одном деле о нанесении ран характер описанной раны, а именно, резаная рана головы⁸, может дать нам основания утверждать, что такую рану можно квалифицировать как тяжкое телесное повреждение, хотя потерпевший обвиняет своего обидчика только в нанесении ран, видимо потому, что тот был несовершеннолетним, и эти раны были нанесены не им самим, а его вассалами. Однако даже в этом случае, вероятнее всего, обстоятельства дела, описанные в протоколе, также как и в других случаях, были сильно искажены обвинителем. Упомянутые примеры даны для анализа трактата Гленвиля, где утверждается, что резаная рана черепа или ушиб черепа являются тяжкими телесными повреждениями. Сравнение дел с трактатом Гленвиля подтверждает, что теория расходится с практикой, поскольку практика проповедует более «живое» право.

Приведем ряд примеров обвинения в нанесении тяжких телесных повреждений. Итак, тяжкие телесные повреждения, по мнению тех, кто выдвигал частные обвинения, — опасные для жизни ранения «по причине того, что расколотые три кости были извлечены из его [обвинителя] головы»⁹; «нанесены ему [обвинителю] ранения в голову так, что двадцать восемь осколков кости были извлечены»¹⁰; когда обвиняемый «злонамеренно вонзил ему [обвинителю] в кисть руки палку, а впоследствии вонзил ему [обвинителю] в руку [от плеча до кисти] меч»¹¹; когда обвиняемый злонамеренно «выбил ему [обвинителю] глаз, чтобы искалечить этот глаз»¹²; когда «вонзают ему [обвинителю] в руку [от плеча до кисти] и ломают малую кость его руки [от

¹ См.: *Select Pleas of the Crown, 1200–1225*. P. 3, 10.

² См.: *Ibid.* P. 15.

³ См.: *Ibid.* P. 5.

⁴ См.: *Ibid.* P. 28.

⁵ См.: *Ibid.* P. 6.

⁶ См.: *Ibid.* P. 18.

⁷ *Ibid.* P. 9.

⁸ См.: *Ibid.* P. 44.

⁹ *Ibid.* P. 2.

¹⁰ *Ibid.* P. 4.

¹¹ *Ibid.* P. 5.

¹² *Ibid.* P. 10.

плеча до кисти], в силу чего его [обвинителя] искалечили ...и держали его, когда ...жена [обвиняемого] отрезала одно из его [обвинителя] яичек»¹; когда «отрубили большой палец руки, и сделали они [обвиняемые] это по совету и с согласия»²; когда «отрубили его [обвинителя] пальцы руки и сделали его [обвинителя] калекой»³. Эти краткие описания тяжких телесных повреждений сильно отличаются от тех, которые дает Гленвиль, но являются основой для Брактона.

Однако анализ того, как разрешались упомянутые выше дела о нанесении тяжких телесных повреждений, показывает, что «суровые нормы, которые были применимы к убийству, смягчались, если не было смертельного исхода»⁴. Сравнение дел о нанесении тяжких телесных повреждений с делами об убийстве, по-видимому, основано на деле, которое Брактон занес в свои «Записные книжки». В этом деле рассматривалось преступление, а именно, нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии необходимой обороны, когда суд освободил обвиняемого от уголовной ответственности⁵. Это дело не могло не заинтересовать Брактона, поскольку послужило основанием для проведения параллелей между делами об убийстве и делами о нанесении тяжких телесных повреждений. Однако тяжкие телесные повреждения связывала с убийством квалификация последствий ран, нанесенных при совершении преступлений. Так, нанесение тяжких телесных повреждений со смертельным исходом квалифицировалось как убийство. Установление факта смерти, наступившей в результате нанесенных ран, было главным при определении степени виновности обвиняемого. В то же время любое тяжкое телесное повреждение могло не квалифицироваться как фелония, если суд разрешал уплатить штраф. В Ежегоднике периода правления Эдуарда II записано: «Заметим, что если тяжкое телесное повреждение представлено в разъездном суде, и стороны пришли к соглашению, и все, что привело к соглашению, должно быть подвергнуто денежному штрафу в разъездном суде»⁶.

Таким образом, двойственное положение такого преступления, как нанесение тяжких телесных повреждений, когда определение тяжести содеянного может колебаться между фелонией и мисдиминором, свидетельствует о том, что к категории фелоний это преступление отнесено формально и только из-за его связи с убийством.

¹ Select Pleas of the Crown, 1200–1225. P. 15.

² Ibid. P. 25.

³ Ibid. P. 35.

⁴ Pollock F., Maitland F.W. Op. cit. Vol. 2. P. 490.

⁵ См.: Bracton's Note Book. London, 1887. Vol. 3. P. 107.

⁶ Year Book of Edward II. Vol. 5. The Eyre of Kent of 6 and 7 Edward II (1313–1314) / Ed. F.W. Maitland, L.W. Vernon Harcourt and W.C. Bolland. London, 1909. P. 141.

С.Л. Слободнюк,
*доктор филологических наук,
доктор философских наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
зав. кафедрой Магнитогорского
государственного университета*

Утопическое правосознание, естественное право и соблазн свободы

Приступая к разговору об утопическом правосознании, необходимо сначала решить простую задачу: обозначить систему координат, в которой предполагаемое рассуждение не будет противоречить закону достаточного основания. При ближайшем рассмотрении нетрудно увидеть, что эта задача только кажется несложной. В самом деле, если мы попытаемся, как это теперь нередко делается, дать некое общее, усредненное определение понятия «правосознание», то сразу столкнемся с научной разногласицей. Например, «Большая юридическая энциклопедия» — издание, явно предполагающее подобную подачу материала — в статье «Правосознание» сообщает, что правосознание есть «совокупность представлений, взглядов, оценок и эмоций, посредством которых выражается отношение человека и общественных объединений к действующему праву»¹. Однако скрытое тождество индивидуального и общественного, присутствующее в обороте «отношение человека и общественных объединений», порождает ряд вопросов, и каждый вопрос уводит нас все дальше от желаемой однозначности.

Даже оставаясь в границах упомянутого энциклопедического издания, мы обнаруживаем, что правосознание как самостоятельная форма общественного сознания «включается в работу и на стадии правотворчества, и на стадии реализации права, присутствует во всех элементах механизма правового регулирования»; что на него оказывает большое влияние «государственная церковь»; что оно является «основным элементом» правовой культуры личности; что оно, «неразвитое и деформированное», привело к распространению правового идеализма в России, а по мнению Л.И. Петражицкого, «только индивидуальное правосознание, субъективное переживание индивидом сознания двусторонней <...> связанности воли является реальным в правовом регулировании»². Другими словами, правосознание способно выступать в тех же ролях, право на исполнение которых традиционно отводилось мировоззрению, мироотношению, мирозерцанию либо общественному сознанию в целом.

---

¹ Большая юридическая энциклопедия. М., 2006. С. 3936.

² Там же. С. 1087, 3869, 3889–3890, 3936, 4351.

Если немного расширить круг поисков, то любой исследователь рискует «захлебнуться» в потоке рассуждений, размышлений, исследований и имен, тем или иным образом связанных с проблемой правосознания: Л. Фейербах и М. Штирнер, Ф. Ницше и О. Шпенглер, А. Новгородцев и Н. Алексеев, И. Ильин, Б. Кистяковский, Н. Трубецкой. Этот список можно продолжить. Поэтому, отказавшись от развернутого сопоставления различных интерпретаций правосознания, просто обозначим те из них, которые имеют генетические связи с утопическими построениями различного уровня.

Однако решение этой задачи невозможно без четкого определения понятия «утопическое». Безусловно, наиболее очевидное и верное толкование сообщит нам, что «утопическое» есть то, что имеет отношение к «утопии». А «утопия» есть место, которого нет, и в зависимости от контекста может обозначать либо конкретный литературный жанр, либо способ познания бытия, потому что утопия есть модель воображаемого общества, которое отличается идеальным устройством и т.д.

Оспаривать верность приведенных формулировок бесполезно, но предложить иной взгляд на утопию и утопическое вполне реально. Для этого надо просто отделить понятие «утопия» от собственно утопии. Такой подход продиктован вовсе не желанием превратить анализ в словесную игру, а тем, что собственно утопический континуум в отличие от названного понятия весьма устойчив и никогда не меняет своих атрибутов. К числу последних относятся не только относительная изолированность утопического государства от соседей или его «вынос» в другое время. Описания, представленные у Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Э. Кабэ, Э. Беллами, показывают, что одним из краеугольных камней утопического бытия выступает идея справедливости. Это наблюдение, на первый взгляд, может показаться довольно тривиальным. Поэтому еще раз повторимся — идея справедливости, но не справедливости, *осуществляемой* путем реформ в различных областях общественной жизни, и не справедливости-воздаяния по заслугам и грехам. Утопия в ее каноническом виде есть модель справедливого общественного устройства, где справедливо все. И это правило никогда не имеет исключений. Пусть не раз менялись в зависимости от исторических условий ценности великих утопистов и любые мыслимые идеалы, главное оставалось неизменно — несправедливости в утопическом обществе нет.

Двойное отрицание употреблено отнюдь не случайно. Представляется, что оно точнее передает рассматриваемую особенность утопии, чем устоявшаяся формула «справедливость для всех». В самом деле, «все» в утопическом пространстве-времени есть только те, кто причастны к утопическому государству. По отношению же к остальным справедливость *вершится* теми, кто не знает несправедливости, то есть утопийцами всех времен и пород.

На этом мы оставляем философско-филологические тонкости вопроса и переходим к непосредственному рассмотрению предмета. Поскольку в пределах одной статьи невозможно дать исчерпывающее осмысление феномена утопического правосознания, ограничимся анализом концептуально-значимых моментов. Последние отразились не только в правовых трудах, но были зафиксированы и в различных художественных текстах.

Опираясь на факт подобного совпадения, можно было бы предположить генетическое родство «правоведческого» правосознания с правосознанием «художественным». К сожалению, само понятие правосознания было в литературных и литературно-философских творениях не слишком употребительно. Разве что Андрей Белый в одной из статей дает длиннейший пассаж, повествующий об отношениях личности и общества, субъекта к «объективному коллективу», об их стремлении «к гипертрофии» и о том, что «объект коллектива чувственно распухает в громаду Римской империи и одновременно защищается от трения личностей стальными абстракциями права»; о том, что «в одновременных концепциях индивидуальной утопии человека как храма Космоса и храма человечества, как организма всех в одном (Civitas solis Кампанеллы) встречаются нас первые прорезы культуры в собственном смысле, снимающей противоречия личности и общества»; о том, что в современном автору обществе «интеграция культуры не удастся: гуманизм вырождается в буржуазную культуру <...>, где искомое пересечение мира, Бога, коллектива и личности в индивидуум Я полагается в личности, только в личности»; и наконец о том, что «*в борьбе двух абстракций культуры „Я“ (социализм с ложным идеализмом) обнаруживается весь компромисс традиционного правосознания*»¹ (курсив наш — С.С.).

При желании, конечно, не возбраняется связать эти мысли с воззрениями И. Ильина, но, учитывая искреннюю многолетнюю вражду выдающихся представителей русской культуры, следует, скорее, удивиться существенным совпадениям их позиций в вопросе о правосознании. Так, И. Ильин в своих размышлениях «О сопротивлении злу силою» писал: «В основной своей идее и в своем нормальном действии правовой закон есть *формула зрелого правосознания*, закреплённая мыслью, выдвинутая волею и идущая на помощь незрелому, но воспитывающему себя правосознанию; при этом именно волевой элемент закона представляет собою начало психического понуждения. Правовой закон отнюдь не насилует человека, не попирает его достоинства и не отменяет его духовного самоуправления; напротив, он только и живет, только и действует, только и совершенствуется от свободного личного приятия и самовмещения»². По сути перед нами две стороны одной медали: Белый говорит о деструктивной стороне в развитии современного ему правосознания, Ильин пытается вычленив консервативную сторону исследуемых процессов. Последнее, впрочем, объясняется тем, что Белый тяготеет к разрушительной, а Ильин — к охранительной стороне гегелевского учения.

Зато применение мыслей Ильина к утопическому контексту первых десятилетий XX столетия выявляет совершенно иную картину. Чтобы подтвердить правомерность этого утверждения, необходимо принять мысль об изначально кризисном характере утопических исканий. Здесь возможны два пути: либо давать развернутый сопоставительный анализ различных явлений, характеризующих мировоззренческие кризисы, либо обратиться к судьбе одной из наиболее значимых утопий в истории человечества, а именно — утопии обретаемого рая земного. В первом случае мы рискуем «захлебнуться»

¹ *Белый А.* Пути культуры // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 310–311.

² *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. М., 1992. С. 26.

в материале. Во втором — получаем возможность пользоваться данными, выдержавшими проверку временем.

Кроме того, вопрос о связи названной утопии с кризисом правосознания давно и всесторонне был разработан П. Новгородцевым в его работе «Об общественном идеале». Новгородцев подходит к проблеме весьма основательно, но в то же время его не смущает тот факт, что для доказательства своих идей ему приходится немного «доработать» фактический материал, к примеру, наследие Герцена. «Его разочарование и страдания, — пишет Новгородцев, — прежде всего отрешили его от веры в земные утопии¹. Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим. Эта вера в грядущий земной рай, к которому идет история, кажется теперь Герцену просто смешною¹. Не согласиться с Новгородцевым трудно, если не знать, что слова про рай земной звучат в диалоге между некой дамой и неким доктором. А если продолжить прерванную цитату, то от нашего согласия мало что останется: «Вера в будущее за гробом дала столько силы мученикам первых веков; но ведь такая же вера поддерживала и мучеников революции; те и другие гордо и весело несли голову на плаху, потому что у них была непреложная вера в успех их идей, в торжество христианства, в торжество республики. Те и другие ошиблись — ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли после них и увидели это. Я не отрицаю ни величие, ни пользу веры; это великое начало движения, развития, страсти в истории, но вера в душе людской — или частный факт, или эпидемия², — говорит *доктор*. Допустить, что Новгородцев свершил случайный промах, мы не можем. В его работе видно прекрасное понимание позиции Герцена. Таким образом, налицо внедрение в исследование субъективного авторского начала, или, говоря без обиняков — произвола, который однако имеет вполне объективный характер, поскольку является прямым следствием мировоззренческого кризиса начала XX столетия, поразившего все уровни общественного сознания России и лишь частично — западный мир.

Одним из наиболее характерных проявлений этого кризиса была вполне осознанная избирательность в подборе материалов для строительства новых концепций. В области правовой мысли это, как нам кажется, довольно ярко выражалось в желании поднять на щит естественное право. Подобные настроения пронизывают предисловие Новгородцева к книге Л. Дюги «Конституционное право», а также встречаются у В.Э. Вальденберга, который в разборе теории Э. Юнга после пары вводных предложений, ссылаясь на современные исследования, утверждает: «Многие известные в истории философии учения о естественном праве вовсе не представляют таких научных нелепостей, какие в них по традиции привыкли видеть... напротив, они исходили их достоверных фактов, в общем, правильно их понимали и поэтому могут быть, в некоторых отношениях, полезны и современной науке... многие коренные для философии права вопросы не могут быть удовлетворительно

---

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 109. С. 415–416.

² Герцен А.И. С того берега // Собрание сочинений : в 8 т. М., 1975. Т. 3. С. 318.

решены, если идею естественного права считать окончательно отвергнутой», «без признания этой идеи юридическая наука не может выполнить своих прямых практических задач, а философское мировоззрение не может достичь необходимой цельности»¹. Подтверждением тезису о кризисной природе нового обращения к естественному праву является история русской утопии, имевшая, помимо хорошо известных, несколько «окраинных» разновидностей. К последним, без сомнения, относились и утопии *обретаемого и обретенного* рая, которые творились Ф. Сологубом, А. Блоком, Н. Гумилевым. В первом случае мы имеем дело с утопией волюнтаристской, поскольку именно воля создает и определяет все в творимом пространстве–времени. Во втором случае речь может идти об утопии справедливого возмездия, а в третьем — об утопии равного воздаяния.

Впрочем, несмотря на различия, все эти утопии объединяют два обстоятельства. Первое — воплотившись, они сразу сбрасывают белые одежды, являя миру свою подлинную суть. «Творимая легенда» Сологуба вырождается в мир, стонущий под властью злого Адонай, которого привели людская слабость и верховная воля «творца» легенды, которая не знает *внешней цели*. Гумилевский Колумб (поэма «Открытие Америки»), вроде бы получив в награду за свои свершения земной рай, на деле обретает только насмешки, ненависть, обвинения в шарлатанстве. А что касается *темного рая* Блока, просто вслушайтесь в жуткий клич апостолов революции: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем / Мировой пожар в крови — / Господи, благослови!»².

Второе объединяющее обстоятельство — подобные утопические стремления отражали и дополняли сложный мировоззренческий феномен, суть которого раскрыл в одном из диалогов романа «Пирамида» Л. Леонов: «В сущности своей основная социальная идея современности о праве обездоленных на радость почти совпадает с центральной заповедью Нагорной проповеди, настолько впитавшейся в характер русской нации, что и проявляется не только в протонародном, упрощенном истолковании революции ... но и в литературных произведениях, как, например, в эпохальном шедевре, где будто бы сам Он, в белом венчике из роз, сын Божий совершает ночной обход столицы во главе матросского патруля»: «Ну, наивный мой браток, ... возможно, через пару ближайших поколений мы на собственной шкуре расшифруем этот ... ребус — куда, зачем и, главное, кто именно, загримированный под Христа, уводил простодушных ребят в самую темную ночь нашей страны»³. Особое внимание здесь должен привлечь вовсе не сам избитый тезис о кровном родстве коммунистической и евангельской идеи. Гораздо большего внимания в данном случае заслуживают скрытые *акценты*, проставленные автором — «в сущности своей основная социальная идея современности о праве обездоленных на радость почти совпадает с центральной заповедью Нагорной проповеди». Обращение к библейскому тексту показывает, что о праве обездоленных на

¹ Вальденберг В. Новая теория естественного права // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 117. С. 226.

² Блок А.А. Двенадцать // Собрание сочинений : в 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 3. С. 351.

³ Леонов Л.М. Пирамида : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 38.

радость говорится в восьми из девяти заповедей блаженства (Мф., 5:3:11). Вместе с тем без труда обнаруживается и различие между евангельским и коммунистическим пониманием этого права. В первом случае — «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф., 5:3); во втором, видимо — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Это различие внешнее. Если же внимательно всмотреться в суть сравниваемых идей и соотнести результаты сравнения с контекстом эпохи, то результаты будут довольно неожиданны: центральной заповедью, укорененной в народном сознании, оказывается не только заповедь любви; основным стремлением является обретение максимально полной власти здесь и сейчас.

Кому-то подобные выводы могут показаться легковесными. Ведь в Евангелии от Матфея сказано: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф., 5:38–39). Действительно, там сказано именно так, но кризисное мировоззрение, как уже отмечалось, было весьма избирательно в выборе приоритетов. Вторая половина евангельского высказывания игнорируется, поскольку теперь над миром гремит призыв экспроприировать экспроприаторов, то есть — «грабь награбленное!». Как известно, этот лозунг не просто прилежно воплощался в жизнь. Он стал императивом, на долгое время определившим пути деформации народного правосознания. Однако столь успешная метаморфоза правосознания была бы совершенно невозможна, если бы не евангельские установления, укорененные в нем. В недрах Нагорной проповеди, как ни удивительно, вполне комфортно разместилась довольно странная идея о том, что человек в своем нравственном самосовершенствовании должен руководствоваться не только заповедями блаженства, но и ветхозаветным принципами: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя ... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (Мф., 5:29–30). Замечу, что богословские толкования, как правило, стараются обойти стороной эти строки Евангелия, ограничиваясь невнятными рассуждениями о символическом значении слов Спасителя.

Возникает вопрос: если идея возмездия равным за равное может, что следует из Нагорной проповеди, быть направлена на меня самого, то что мешает направить ее на мир? Тем более, что царствие небесное пока далеко, а мы «соль земли», мы «свет мира» (Мф., 5:13–14). Неважно, что это сказано нищим духом, чистым сердцем, кротким, которым Христос обещает будущее блаженство. Нас уже гнали, нас уже били, поэтому пришло *наше* время. Время свободы: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!»¹

«Свобода» в контексте исканий начала XX в. — не просто некое понятие, не просто некий идеал, цель, мечта. Свобода есть абсолют, определяющий устремления общественного сознания, в какой бы форме оно не проявлялось. Свобода есть высшая справедливость. Христианское смиренномудрие и люциферические дерзания, крестьянский рай и пролетарское счастье, чаяние конституций и провозглашение богочеловеческого состояния мира — все это

¹ Блок А.А. Двенадцать. С. 350.

ради свободы. Свободы индивидуума, общества, человечества. Свободы как высшего воплощения счастья, но, как показал опыт, недостижимого счастья.

Вывод, который можно сделать на основании сказанного, не слишком приятен: идея свободы, воплощаясь в общественном сознании, провоцировала утопические настроения. Именно идея свободы, совмещаясь с деструктивными доминантами мировоззрения, способствовала внедрению идей естественного права в утопические построения современников. Ведь избирательный подход, принятый на вооружение кризисным мировоззрением, позволяет игнорировать, что, скажем, по Гоббсу естественное право «есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, то есть собственной жизни», а «под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом»¹. Он позволяет устанавливать свой порядок осмысления и множить количество интерпретаций, размывающих основу базового понятия. Это делал уже Н. Данилевский, утверждавший, что «свобода слова не есть право или привилегия политическая, а право естественное»; позднее — С. Франк, говорящий о «естественном праве критики», которое вытекает «из неотъемлемого права личности на свободу и даже из обязанности блюсти свободу», и даже Н. Гумилев, воспевавший последнюю страшную свободу, которая ожидает мир под властью вернувшихся друидов².

Впрочем, чего еще было ожидать, если даже в сфере профессиональной правовой мысли утопическое правосознание чувствует себя весьма вольготно? Если это не так, мы вряд ли сможем разумно объяснить, почему «экспроприация экспроприаторов» довольно грубо отождествляется с утопией земного рая. Мы не сможем объяснить, почему Е. Замятин и Л. Леонов, восприняв идею возрождения естественного права, воплотили ее в своих утопиях, но оно в ходе воплощения стало в лучшем случае «животным», если не «растительным». Однако стоит лишь допустить мысль о том, что утопическое правосознание имеет действительное влияние на развитие правовой мысли, и все вопросы будут сняты. Если скрытым центром исканий становится только природа человека, сводимая к свободе как таковой, не следует удивляться тому, что по истечении определенного времени она обернется своей противоположностью, причем в абсолютной форме.

¹ Гоббс Т. Левиафан // Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 98.

² См: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 237; Франк С.Л. С нами Бог // Духовные основы общества. М., 1992. С. 377; Гумилев Н.С. Канцона третья // Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 267.

А.В. Чепус,
кандидат юридических наук,
преподаватель Российской академии
государственной службы при Президенте РФ

Кодификация законодательства как одно из направлений правовой политики Российского государства

Успешная реализация в стране курса на формирование правового государства и гражданского общества предполагает необходимость постоянного улучшения ряда социально-культурных, экономических, политических и иных условий. Появляется необходимость приведения законодательства в соответствие с новыми реалиями. Более того, законодательство должно содержательно соответствовать смыслу и целям осуществляемого государством реформирования важнейших сфер общественной жизни. Этим спровоцирован так называемый «правотворческий бум»¹, происходящий в стране в последние годы. Данное обстоятельство вместе с известной множественностью и противоречивостью нормативных правовых актов является причиной существенных затруднений в процессе правоприменения. Таким образом, назревает необходимость систематизации законодательства, создания стабильной, структурированной нормативной конструкции.

Однако перечисленные признаки стабильности и структурированности могут быть обеспечены в полной мере лишь в том случае, если издаваемые кодифицированные акты будут являть собой результаты адаптации права к новым социальным условиям. Сегодняшний этап развития общественных отношений можно охарактеризовать как переходный, и говорить о завершении формирования упомянутых условий не приходится. В отсутствие программ кодификации после принятия того или иного кодекса, как правило, готовится ряд уточняющих и дополняющих его законов и подзаконных актов. Однако акты, утратившие актуальность в связи с принятием кодекса, нередко остаются без изменения.

В юридической литературе кодификацию понимают как форму (вид) систематизации, при которой происходит глубокая всесторонняя внутренняя переработка нормативного материала, заключающаяся в создании нового, сводного, систематизированного нормативного правового акта². Однако некоторые исследователи высказывают мнение, что кодификация представляет собой не систематизацию законодательства, а особую самостоятельную форму законотворчества³.

В процессе кодификации составитель обычно стремится не только объединить и систематизировать зарекомендовавшие себя действующие нормы, но и

---

¹ См.: *Рахманина Т.Н.* Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. 4.

² См.: *Бабаев В.К.* Правотворчество // Общая теория права : курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 331–332; *Сигалов К.Е.* Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. 23.

³ См.: *Пиголкин А.С.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 2000. С. 130.

переработать их содержание, изложить нормативные предписания стройно и внутренне согласованно, обеспечить максимальную полноту регулирования соответствующей сферы отношений. Кодификация направлена на то, чтобы критически переосмыслить действующие нормы, устранить противоречия и несогласованности между ними, ликвидировать повторения, устаревшие положения, пробелы, дублирование норм.

Существует ряд препятствий, затрудняющих эффективное осуществление процесса кодификации. Не останавливаясь на каждом подробно, учитывая то, что они были рассмотрены в юридической литературе¹, обратимся к основным проблемам, с которыми сегодня сталкивается Российское государство при осуществлении правовой политики в законотворческой сфере.

Согласно мнению некоторых ученых, принятие кодексов в переходных условиях является ошибкой, и на этот процесс (за исключением процессуальных кодифицированных актов) необходимо объявить своего рода мораторий². На наш взгляд, предлагаемая мера является слишком радикальной, поскольку опыта применения такого моратория не имеется, к тому же его введение лишь усугубит и без того сложное состояние национального законодательства. В первую очередь это коснется законотворческого процесса, так как для принятия того или иного закона будет необходимо проанализировать огромный пласт разрозненных некодифицированных актов.

Помимо законотворческого процесса обязательно пострадает практика применения законов. Кодексы, как правило, закрепляют основные положения регулируемой отрасли. В процессе практической деятельности для правильного применения той или иной нормы необходимо, в первую очередь, обратиться к кодексу (если это кодифицированная отрасль законодательства). В отсутствие кодексов возникнет множество вопросов о правильном применении норм права, что только усложнит деятельность Пленума Верховного Суда РФ: даже изданные им постановления по разрешению поставленных вопросов не заменят единого кодифицированного акта, закрепляющего нормы, которые регулируют определенную сферу общественных отношений.

Таким образом, наиболее разумным решением представляется не запрет кодификации законодательства в переходный период, а совершенствование законодательной техники, повышение квалификации специалистов в данной области.

Одной из немаловажных проблем при осуществлении правовой политики в законотворческой сфере в России является отсутствие должной организации кодификационной деятельности. В настоящее время решению данной проблемы уделяется большое внимание. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 1998 г. 170 «О мерах по повышению эффективности работы, связанной с формированием Свода законов Российской Федерации»³, ведется подготовка создания федерального

¹ См., например: *Чухвичев Д.В.* Особенности законодательной техники при проведении кодификации // *Право и политика.* 2005. 10.

² См.: *Рахманина Т.Н.* Указ. соч.

³ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1998. 7, ст. 829.

Свода законов. Уже разработан соответствующий проект. Началась работа по систематизации законодательства и в российских регионах — в ряде субъектов Федерации приняты нормативные правовые акты о сводах и собраниях законодательства.

Систематизация законодательства и подготовка свода законов Российской Федерации организационно обеспечена специальной комиссией, которая действует при Президенте РФ и подотчетна ему. В подготовке свода законов должны принимать активное участие Государственная Дума, Администрация Президента, Правительство, Министерство Юстиции и иные федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации в связи со сложностью и трудоемкостью этого процесса, обусловленного состоянием современного российского законодательства, а именно, наличием огромного массива нормативных правовых актов. Научное обеспечение подготовки и проведения работ по созданию федерального свода законов в нормативном порядке возложено на ряд научных учреждений и организаций: Институт государства и права РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московскую государственную юридическую академию и другие.

Помимо проблем, связанных с низким уровнем юридической техники, нестабильностью социальных и политических условий, трудностей организационного характера можно выделить некоторые другие факторы, препятствующие эффективному проведению кодификации.

1. «Правотворческий бум». В настоящее время в Российской Федерации принимается в среднем около 150 законов в год. Можно констатировать резкое ускорение темпов законотворческой деятельности, следствием чего явилась определенная хаотичность, бессистемность в принятии нормативных правовых актов. Высокая скорость принятия законов, как правило, весьма неблагоприятно отражается на их качестве. В таких условиях перед законодателем вполне обоснованно встает вопрос о целесообразности проведения работ по кодификации законодательства, подвергающегося ломке и обновлению. Ведь для того, чтобы осуществить кодификацию и впоследствии успешно использовать полученный акт, необходимо наличие стабильной, не подвергающейся постоянным изменениям основы кодифицируемого материала.

2. Субординация кодексов. В практике российского законотворчества фактически действует (правда, не всегда последовательно) принцип приоритета кодекса над отраслевыми законами. Многие из принятых кодексов, по образному выражению юристов, «самопровозглашают» свое верховенство. В Бюджетном кодексе РФ, например, закреплён приоритет норм Кодекса над положениями федеральных законов, иных нормативных правовых актов, составляющих бюджетное законодательство, в случае их противоречий. Трудовой Кодекс РФ также провозглашает свое верховенство внутри отрасли (ч. 8. ст. 5).

Однако подобная практика отнюдь не безупречна. С формально-юридической позиции нормы кодекса не обладают приоритетом в иерархии правовых норм. По юридической силе, по процедуре принятия кодексы — те же федеральные законы и, следовательно, подчиняются утвердившемуся в теории и практике правотворчества правилу о приоритете среди актов одинаковой юридической силы того, который принят позднее.

---

3. Кодификация российского законодательства в контексте развития международной правовой политики Российского государства. В связи с усилением экономической, политической взаимозависимости между странами многократно увеличился объем и интенсивность информационно-правового обмена, появились новые формы международного сотрудничества. Под воздействием глобальных процессов, происходящих в мировой социальной системе, формируется новая система ценностей и, соответственно, новые ценностно-нормативные регуляторы.

Проблема состоит в том, что документальное закрепление этапов интеграции Российской Федерации в мировое сообщество — подписание и ратификация различного рода международных договоров, заключение соглашений с другими странами — напрямую затрагивает стабильность российского законодательства. Процесс «прививания» мировых правовых стандартов приводит к необходимости постоянного изменения и дополнения национальных нормативных правовых актов.

Во избежание кардинальных преобразований вновь принимаемых кодифицированных актов можно было бы предложить закрепить в них в качестве принципов положения, максимально приближенные по значению к исходному тексту международного акта, устанавливающего данные основополагающие начала. Однако эта идея имеет серьезные недостатки. Во-первых, в таких кодексах не будет отражена специфика национального законодательства, а значит, они могут ему противоречить. Во-вторых, принципы и общие положения таких кодексов не будут напрямую связаны с нормами, направленными на регулирование конкретных правоотношений.

Наиболее предпочтительной представляется концепция, согласно которой необходимо повышать качество подготовки специалистов по международному праву, обращая особое внимание на технический аспект процесса адаптации подписанных и ратифицированных международных норм, тренировку практических навыков юристов, работающих в данном направлении, активное привлечение их к участию в работе с указанными нормами. Необходимо также, на наш взгляд, создать механизм контроля и оценки их деятельности.

Обозначенные проблемы тормозят процесс кодификации, однако не блокируют его полностью. В связи с этим представляется важным рассмотреть перспективы применительно к некодифицированным отраслям российского законодательства. Таковыми, например, являются медицинское и пенсионное законодательство.

Принятие единого кодификационного нормативного правового акта, регулирующего пенсионные правоотношения, в форме кодекса позволит устранить дублирование нормативного материала, уменьшить количество бланкетных норм, сделать пенсионное законодательство легко обозримым (в первую очередь для простых граждан России), что повысит эффективность всей отечественной пенсионной системы. Полагаем, что кодификация должна идти по пути создания трех специализированных кодексов: медицинского, пенсионного и социальной защиты, по подобию системы природоресурсных и транспортных кодификационных нормативных правовых актов, регулирующих свою, относительно узкую сферу общественных отношений.

Эффективность процесса кодификации определяется оперативностью выявления и успешностью решения проблем кодификации. Исследование истории кодификации в России позволит более объективно и всесторонне оценить значение каждой отдельно взятой проблемы. Это сделает возможным создание весьма эффективных, основанных на историческом опыте методик устранения препятствий, возникающих на пути кодификации законодательства. Иными словами, синтез исторической практики и современных идей являет собой довольно мощный механизм осуществления кодификационной деятельности¹.

Проблемы и перспективы кодификации российского законодательства как одного из направлений политики государства — тема, требующая дальнейших исследований и разработок. Необходимо сопоставление российского кодификационного опыта с зарубежным. Подобный подход поможет более масштабно осветить существующие проблемы кодификации, выявить закономерности, на основе которых развивается успешная кодификационная деятельность, разработать новые способы и методы решения стоящих перед современным российским законодателем кодификационных задач.

¹ См.: Желонкина Е.А. Специфика кодификационного процесса в дореволюционной России как результат правотворческой политики государства // Правотворческая политика в современной России : сборник научных трудов по материалам всероссийского круглого стола / под общ. ред. А.В. Малько, Н.В. Исакова, А.П. Мазуренко. Саратов; Минеральные Воды, 2009. С. 136–140.

В.Б. Голубев,

*кандидат философских наук,
зав. кафедрой Марийского государственного
университета*

Т.М. Секретарева,

*соискатель Марийского государственного
университета*

Права человека в сфере охраны здоровья при применении принудительных мер медицинского характера

Проблема защиты прав и законных интересов граждан в сфере охраны жизни и здоровья имеет важное социальное, политическое и правовое значение. Данная проблема особенно остро встает в области применения принудительного лечения к психически нездоровым гражданам. С одной стороны, общество вынуждено защищать свои интересы путем помещения их в больницы и ограничения их прав, поскольку они могут неосознанно совершать общественно опасные действия, но, с другой стороны, оно обязано охранять и не ущемлять их права, установленные законом.

Международные правовые акты широко регламентируют права индивидов, уделяя особое внимание нуждающимся в оказании психиатрической помощи. Государствами-участниками СНГ принята Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принуди-

---

тельного лечения, ООН закрепила принципы защиты психически больных людей. Существуют и другие акты.

Согласно ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., никто не может быть подвергнут произвольному или незаконному вмешательству в его личную жизнь¹. Кроме того, при осуществлении своих прав и свобод, как указано во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., каждый должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка в демократическом обществе.

Российский законодатель воспринял положения и идеи международных правовых актов, стремясь сделать психиатрическую помощь более гуманной и демократичной и уделить особое внимание правовой защите лиц, страдающих психическими расстройствами, обеспечению их прав как прав человека и гражданина Российской Федерации.

Так, психические расстройства и расстройства поведения отнесены к социально значимым заболеваниям. На федеральном уровне распоряжением Правительства РФ от 11 декабря 2006 г. 1706-р утверждена Концепция Федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2011 годы)»², в которой сказано, что анализ структуры заболеваемости и причин смертности населения Российской Федерации указывает на необходимость принятия стратегических решений на государственном уровне в отношении основных социально значимых заболеваний: психических расстройств и расстройств поведения, сахарного диабета и других.

Повышение эффективности их лечения и реабилитация являются приоритетами государственной политики в сфере здравоохранения, следовательно, важно тщательное изучение и анализ законодательства в данной области, а также устранение в нем пробелов.

На современном этапе законодательство об охране здоровья граждан интенсивно развивается. К примеру, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы стали подробно регламентировать порядок применения принудительного лечения к психически неполноценным гражданам, преступившим закон, гарантируя им тем самым защиту от произвола. Был принят Закон РФ от 2 июля 1992 г. 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»³, в который периодически вносятся дополнения. К последним значимым изменениям относится принятие Государственной Думой РФ Федерального закона от 22 апреля 2009 г. 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением»⁴.

Данный процесс имеет не только большую юридическую, но и социальную, политическую значимость, так как «отсутствие должного правового регулирования процесса оказания психиатрической помощи может привести к

¹ См.: Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. 12.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 51, ст. 5478.

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 33, ст. 1913.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. 19, ст. 2282.

использованию психиатрии в немедицинских целях, для ограничения свободы граждан в борьбе с политическим, религиозным, социальным инакомыслием»¹.

По статистике в Российской Федерации лицами, к которым применялось принудительное лечение по поводу психических расстройств, общественно опасные деяния совершаются повторно в среднем в 30 % случаев. В то же время отсутствие принудительного лечения может повлечь ограничение и ущемление прав и законных интересов потерпевших от общественно опасных деяний лиц, имеющих расстройства психики. Поэтому, создавая нормы права, законодателю в настоящее время необходимо сосредоточить внимание на защите самого общества от больных, страдающих расстройствами психики, поскольку невозможно точно предсказать, насколько значительную угрозу для остальных граждан они представляют.

В связи с этим считаем важным исследование положительных и отрицательных моментов действующего законодательства, а также нового, недавно принятого и вступившего в силу Федерального закона от 22 апреля 2009 г.

92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением».

Согласно законодательству лица, страдающие психическими заболеваниями и нарушившие уголовный закон, могут быть подвергнуты судом принудительным мерам медицинского характера, то есть недобровольному лечению. Уголовный кодекс РФ закрепляет 4 вида принудительных мер медицинского характера: лечение амбулаторно, в общих, специализированных психиатрических больницах или стационарах специализированного типа с интенсивным наблюдением. Выбор определенного вида мер обуславливается не только совершенным деянием и его объективными и выраженными внешне характеристиками (признаками деяния, его тяжестью), но и, в большей степени, он определяется, исходя из личностных свойств человека, зависящих от наличия конкретной психической болезни (степени нарушения психической деятельности, тяжести заболевания, его общественной опасности в связи с невозможностью адекватно воспринимать окружающую действительность). Учет психического состояния лица при выборе принудительной меры имеет приоритетное значение. Так, принудительное лечение в психиатрическом стационаре назначается судом лишь в том случае, когда характер психического расстройства лица требует условий лечения, ухода, содержания, которые могут быть осуществлены только в психиатрическом стационаре, и если оно по своему психическому состоянию нуждается в постоянном наблюдении.

Суд назначает принудительные меры медицинского характера с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы и всех исследованных доказательств по делу. Заключение экспертизы не является обязательным для суда и при рассмотрении дела суд проверяет и оценивает его наравне с другими доказательствами.

Вместе с тем необходимо указать, что судья не обладает медицинскими знаниями и навыками определения у лица наличия заболевания, относя-

---

¹ *Пиццита А.Н.* Оказание медицинской помощи в принудительном порядке (без добровольного информированного согласия) в рамках действующего законодательства РФ // Юрист. 2005. 10. С. 31.

щегося к психическим. Одного факта присутствия лица и наблюдения за ним в ходе рассмотрения уголовного дела недостаточно, чтобы определить степень нарушения у него психического здоровья, уровень его опасности для общества. Для этого нужно учитывать мнение специалистов в своей области — психиатров.

Необязательность согласия судьи с мнением экспертов косвенно следует из ч. 2 ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса РФ, согласно которой если лицом совершено деяние небольшой тяжести, то суд выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительной медицинской меры. Это означает, что суд может принять единственное решение — не применять принудительное лечение, несмотря на то, что, по мнению психиатров, изложенном в заключении, лицо может нуждаться в применении принудительной меры медицинского характера.

Так, постановлением мирового судьи от 27 апреля 2006 г. И., совершивший в невменяемом состоянии общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ (небольшой тяжести), был освобожден от уголовной ответственности, и в отношении него была применена принудительная мера медицинского характера — помещение в психиатрический стационар специализированного типа, поскольку судья согласился с мнением психиатров о необходимости обследования и лечения лица в стационаре. Однако данное решение было отменено вышестоящей судебной инстанцией как противоречащее требованиям закона¹.

Наименее строгой мерой уголовно-правового характера является амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра. Это новый вид принудительных мер медицинского характера. Данная мера впервые была закреплена в УК РФ.

Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра назначается лицам, которые не представляют опасность для общества и могут соблюдать режим, предписания врача и понимают причину и смысл примененной к ним меры. Значимость меры состоит в том, что лица, к которым она применима, могут сохранять привычные образ жизни и социальные связи, исправляются и лечатся, не изолируясь от общества. Эта мера включает в себя систематическое посещение лицом районного врача-психиатра или явку в психоневрологический диспансер или психоневрологический кабинет и выполнение всех предписаний: реабилитационных, психопрофилактических и других мероприятий.

Согласно статистике по России, примерно 15–20 % людей, признанных невменяемыми, направляются на принудительное лечение в специализированные и специализированные с интенсивным наблюдением стационары². В соответствии с п. 6 Положения об учреждениях, оказывающих внебольничную и стационарную психиатрическую помощь, при оказании психиатрической помощи в медицинских учреждениях должны быть созданы условия для реализации прав лиц, страдающих психиатрическими расстройствами, предусмотренные Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав

¹ См.: Судебный вестник Чувашии. 2007. 3.

² См.: Георгадзе З.О. Судебная психиатрия: 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 222.

граждан при ее оказании», другими законами и нормативными правовыми актами¹. Граждане, находящиеся на стационарном обследовании, обладают широким кругом прав, что, безусловно, является достоинством сегодняшнего законодательства, поскольку любой человек независимо от его психической полноценности может быть защищен государством и пользоваться правами, которые оно предоставляет всем своим гражданам без исключения.

Согласно Закону «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», лица, помещенные в стационары по решению суда, имеют право обращаться непосредственно к главному врачу или заведующему отделением по вопросам лечения, обследования, выписки, подавать без цензуры жалобы и заявления в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру, суд и адвокатуру, встречаться с адвокатами, исполнять религиозные обряды и др. Кроме того, они признаются нетрудоспособными на весь период пребывания в стационаре и имеют право получать пособие по государственному социальному страхованию или пенсию на общих основаниях.

С нашей точки зрения, важной гарантией защиты прав граждан от злоупотреблений по отношению к ним является установление законодателем уголовной ответственности за незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128 Уголовного кодекса РФ). В частности, в 2007 г. Верховный Суд РФ в кассационном определении установил, что врач был обоснованно признан виновным в незаконном помещении лица в психиатрический стационар с использованием своего служебного положения². В него был помещен заведомо психически здоровый человек, но впоследствии нарушенные права потерпевшего были восстановлены, а виновные были обоснованно привлечены к уголовной ответственности.

В отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, судами РФ может избираться лечение в психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением. При выборе данной принудительной медицинской меры имеет значение высокая вероятность совершения ими деяний, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, склонность к нарушению больничного режима, ярко выраженная агрессия, злобность, отказ от назначенного лечения и, что главное, тяжесть психического расстройства.

Так, в судебной практике имеется уголовное дело в отношении Т., который совершил два убийства и покушение на убийство двух человек. Медицинская экспертиза установила у Т. шизоидное расстройство личности. При беседах он высказывал упорные намерения совершить убийства людей. По результатам рассмотрения дела судья вынес решение о прекращении уголовного дела и освобождении Т. от уголовной ответственности. К нему было применено принудительное лечение в стационаре с интенсивным наблюдением за больными³.

¹ См.: Положение об учреждениях, оказывающих внебольничную и стационарную психиатрическую помощь : утв. постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. 522 // СПС «Гарант» (дата обращения: 09.01.10).

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 16 мая 2006 г. 5-006-38 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. 3.

³ См.: Постановление по делу Тойкина О.Е. Верховного суда Республики Марий Эл от 30 декабря 2003 г. // Архив Верховного суда РМЭ. Дело 2-43. Т. 1.

Новый Федеральный закон 92 от 22 апреля 2009 г., посвященный охране стационаров с интенсивным наблюдением, указал на необходимость защиты не только содержащихся на принудительном лечении лиц, но и защиты от них и их неконтролируемых, внезапно возникающих опасных поступков персонала, других людей. Закон содержит важные нормы, направленные на сохранение здоровья, жизни тех, кто находится в непосредственном контакте с психически больными, представляющими особую опасность, поведение которых непредсказуемо.

Теперь охрану и безопасность стационаров будут обеспечивать специальные учреждения уголовно-исполнительной системы. Они обязаны проводить организационно-технические мероприятия, направленные на исключение возможности незаконного оставления стационара лицами, находящимися на принудительном лечении, пресечение незаконного проникновения на территорию стационара посторонних, проноса (провоза) запрещенных предметов, веществ и продуктов, материальных ценностей. Они должны пресекать любые насильственные действия со стороны больных, членовредительство и самоубийство, обеспечивать безопасность медицинского персонала психиатрического стационара и иных граждан, находящихся на его территории.

На наш взгляд, впервые законодательство четко определило варианты, способы защиты не только лиц, находящихся на принудительном лечении, но и их окружающих, что свидетельствует об одинаковом внимании к правам всех граждан, их опеке и защите, а не только об односторонней заботе о психически больных субъектах. Так, сотрудники подразделения охраны психиатрического стационара получили право применять для задержания больных и пресечения их опасных действий физическую силу и специальные средства, такие как резиновые палки, наручники, газовое, огнестрельное оружие, а также служебных собак.

Следует отметить еще одну важную норму, направленную на предотвращение возможного появления пострадавших от психических больных, являющихся небезопасными для социума, и предупреждение противозаконных действий последних, если они неожиданно смогут покинуть стационар. Согласно ст. 9 Закона от 22 апреля 2009 г. в случае незаконного оставления стационара пациентом администрация стационара и начальник подразделения охраны могут обратиться в орган внутренних дел с заявлением о его розыске, задержании, информировать о происшествии территориальный орган уголовно-исполнительной системы. Ранее такие координационные меры не предусматривались.

Таким образом, законодательство по охране прав человека в сфере здоровья при применении принудительных мер медицинского характера, несомненно, имеет и достоинства, и недостатки. Оно требует дальнейшего совершенствования и развития с помощью внесения в него дополнений, а также конкретизации судебной практикой.

М.В. Данилов,
*кандидат политических наук, доцент
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

Политизация современного общества: теоретические и прикладные аспекты

В современном политическом, публицистическом и научном дискурсах термин «политизация» звучит достаточно часто. По нашим подсчетам, данный термин используется сегодня применительно как минимум к трем десяткам явлений и институтов. Говорят о политизации религии и этничности, культуры и искусства, истории и права, повседневности и спорта, науки и образования, экономики и энергетики, масс-медиа и прав человека, психиатрии и воды, армии и крестьянства, премий и наград и т.д. Каждая из подобных разновидностей политизации фиксирует отдельные аспекты этого общего, по нашему мнению, фундаментального политического процесса. В то же время речь практически не идет об универсальных, общих принципах политизации, за исключением самых очевидных определений. Политизация рассматривается как аналог социализации, только применительно к сфере политики. В самом общем виде под политизацией понимают усиление влияния политики на другие сферы жизни; придание политического звучания сколько-нибудь важным вопросам общественной жизни¹.

Научное осмысление политизации редко бывает связано с теоретической разработкой самого этого термина. В основном о политизации говорят как о чем-то само собой разумеющемся, акцентируя внимание на непосредственном объекте политизации. В связи с этим особенно ценными оказываются весьма редкие в современной отечественной и западной науке попытки осветить принципиальные механизмы работы такого фундаментального для социума процесса, каковым, по нашему мнению, выступает политизация. «Политизация» — производное от слова «политика». Существует несколько концепций, раскрывающих содержание данного понятия. Понимание природы политики дает нам фундаментальные основания исследования процессов связи политического и неполитического. Одним из видов такой связи является политизация.

Политизация как технология в основном фигурирует в публицистическом и актуальном политическом языке. В современном мире политический смысл обрели самые разные вещи: ленточки, ботинки, шарфы, футболки и пр.² Политизироваться ныне может все, что угодно, вплоть до эпидемий

¹ См. Мир словарей. URL: http://mirslouvrei.com/content_pol/POLITIZACIJA-3411.html (дата обращения: 22.12.09).

² См.: Бражникова Я. Политизация повседневности: слова и вещи. URL: <http://www.pravaya.ru/column/9068> (дата обращения: 22.12.09).

гриппа. На Украине осенью 2009 г. это чуть не привело к переносу даты президентских выборов, став одной из важнейших тем электоральной борьбы, а в Саратовской области – фактором актуализации вопроса о переназначении губернатора П.Л. Ипатова на новый срок. Согласно одной из точек зрения политизация является процессом вовлечения субъектов общества в активную политическую жизнь, политические взаимодействия, побуждением к политическим действиям¹.

Самыми разработанными как теоретическом плане, так и в смысле эмпирической обеспеченности остаются процессы политизации конфессиональных и этнических отношений. Особенно выделяется пласт исследований, посвященных политизации ислама². Сфера религиозных отношений достаточно четко демонстрирует взаимозависимость политических и социальных явлений в современном мире. Политизация и идеологизация церковной жизни характерна и для православия. Политизация в данном случае предстает под несколько иным углом зрения, нежели в исламе. Речь идет о переносе в церковную тематику духа и стиля политических споров. Таковы, например, внутри- и меж- церковные отношения на Украине или выборы нового Патриарха Русской православной церкви. В условиях деполитизации выборов руководителей станы, когда результаты известны заранее, а реальная конкуренция отсутствует, самыми политизированными выборами последнего времени стали выборы Патриарха Московского и Всея Руси, которые велись со всеми атрибутами настоящих, «больших» избирательных кампаний³. Все это позволяет обнаружить две стороны политизации. Во-первых, активизация, которая может быть рассмотрена как органическая, естественная политизация. Во-вторых, использование общественных ресурсов, как материальных, так и духовных, в политических целях, то есть технологическая политизация.

Обретение политического статуса явлениями и феноменами, экономическими по сути, может служить наиболее очевидным примером политизации. Тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся в нашей стране в 1990-х гг., связанная с невыплатами заработной платы, резкими колебаниями курса национальной валюты, скачкообразным удорожанием основных товаров, галопирующей инфляцией, практически никогда не рассматривалась только

¹ См.: *Евдокимов В.А.* Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2007. С. 4.

² См., например: *Тибби Б.* Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизационного конфликта // *Неприкосновенный запас.* 2002. 6; *Орлов И.Б.* Глобализация и/или исламизация? // *Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания социокультурной организации.* Вып. 5: Исторический опыт и российская ситуация. М., 2007; *Санаи М.* Политическая мысль в исламском обществе // *Иран: ислам и власть.* М., 2001; *Баширов Л.А.* Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России. М., 2008; *Градировский С.И.* Ислам и политика в поисках формы // *Ислам в России: взгляд из регионов.* М., 2007; *Семедов С.А.* Причины политизации ислама // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 4. М., 2009; *Мухарямов Н.* Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // *Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход : сборник статей / науч. ред. Кимитака М. Саппоро; Москва, 2007; Косухин Н.* Политизация ислама и столкновение цивилизаций // *Обозреватель.* 2007. 2 и др.

³ Подробнее об этом см.: *Макаркин А.* Русская православная церковь: конкурентные выборы // *Pro et Contra.* 2009. 1. С. 49–61.

как экономическая. Неспособность власти решить эти и многие иные проблемы традиционными для экономической сферы инструментами, заинтересованность контрагентов в ослаблении позиций властвующей элиты привели к тому, что экономический кризис обрел статус политического и мог быть преодолен исключительно в политическом поле.

Одной из общемировых политизированных проблем является энергетика. Посол России в США Ю.В. Ушаков в своей статье в «Уолл-стрит джорнэл» писал: «Вызывает серьезную озабоченность обозначившаяся в последнее время тенденция политизации всего, что связано с энергетикой. Широко тиражируются утверждения, что Россия использует свои энергоресурсы для оказания политического давления на соседей. Кое-кто договорился до того, что Москва задействует свои колоссальные энергетические ресурсы в качестве “нового оружия” для запугивания других стран, чтобы сделать их сговорчивее»¹. Не оценивая суть экономического и политического противостояния в данном вопросе, можно уверенно говорить, что сам факт привлечения столь высокого политического внимания к подобной проблеме свидетельствует о том, что экономическая составляющая является одной из ведущих в структуре современной общемировой политической повестки дня.

Термин «политизация» используется сегодня и применительно к характеристике разнообразных образцов современной культуры, искусства, науки. Весьма неоднозначную реакцию вызвало присуждение в 2009 г. Нобелевской премии мира Президенту США Б. Обаме, который, по общему признанию, ничего, кроме высказанных намерений в области укрепления международной безопасности не сделал. Возникли разговоры о политизации данной премии, о политических мотивах ее присуждения, которые не имеют прямого отношения к реальным объективным заслугам человека. Вопрос о политизации международных премий связан с так называемой проблемой «двойных стандартов», которым они оказываются подвержены. До этого активно обсуждался вопрос о политизации премии Андрея Сахарова за действия, совершаемые в защиту прав человека².

В последнее время активно заговорили о политизации науки³. Естественно, что в наибольшей степени это характерно для наук об обществе. При этом сам термин «политизация» в данном случае употребляется в основном как синоним политической ангажированности исследователя. Вероятно, это объясняется тем, что тематика научных исследований социологии, юриспруденции, экономики, философии, социальной и политической психологии, не говоря уже о самой политической науке в чистом виде, непосредственным образом связана с процессом принятия политических решений.

Рассмотрев некоторые аспекты современных представлений о политизации социальных отношений, мы можем сформулировать собственное видение некоторых принципиальных моментов в определении объективности процесса

¹ Ушаков Ю.В. Энергетическая политика или политизация энергетики. URL: <http://www.civilg8.ru/653.php> (дата обращения: 06.01.10).

² См.: Ламрани С. Политизация премии Сахарова. URL: <http://www.voltairenet.org/article133783.html> (дата обращения: 09.01.10).

³ Воронков В.М. О политизации общественных наук // Неприкосновенный запас. 2009. 63. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/> (дата обращения: 07.01.10).

политизации с точки зрения политической науки. Актуальным является понимание двойственной природы политизации. С одной стороны, политизация может рассматриваться как метафора влияния на политику «неполитических» сфер — экономики, культуры, права и т.д. Это своеобразная метатехнология, обеспечивающая непрерывность политического процесса, так как в обществе постоянно что-то политизируется. И в этом смысле, отсутствие политизации означает «смерть» политики. Под таким углом зрения политизация может рассматриваться главным образом в политической философии. С другой стороны, политизация представляет собой технологию замены инструментария для решения неполитических проблем с «традиционного» на политический. Этот ракурс в наибольшей степени соответствует задачам именно политологического исследования. Здесь мы сталкиваемся с дискретными процессами, которые имеют начало и завершение. Дискретность политизации связана с наличием субъектов этого процесса. Они появляются тогда, когда у какого-либо актора социального взаимодействия обнаруживается политический интерес, выражающийся в осознании того, что найти решение проблемы в рамках традиции и обычая невозможно либо возможно, но в течение продолжительного времени, либо можно получить отрицательный результат. Изменить «обычное» течение дел можно только политизировав проблему, то есть сознательно изменив инструментарий.

С.С. Иванов,
*кандидат политических наук,
доцент Саратовского юридического
института МВД РФ*

Персоналистская экономика: возможности и перспективы

Социальное понимание власти, собственности и общественного положения личности является центральной проблемой этической экономики как учения о нравственной организации материальной жизни. Дисгармония между этими элементами социальной структуры, как правило, приводит к резкому антагонизму, разладу не только в общественной, но и государственной жизни, что ведет к дезорганизации ее нормального хода и революционным кризисам. Для налаживания работы социальных институтов, обеспечивающих нравственную организацию общества, необходим комплекс цивилизационных условий, соответствующих нормам морали и права, способных создать основу для гражданского согласия и их эффективного взаимодействия на всех уровнях социальной иерархии. Организация взаимодействия личности и общества на разумных и справедливых началах, соответствующих исторической ситуации, представляет важнейшее условие сохранения достоинства личности в динамично изменяющемся социальном пространстве.

Потеря современным человеком духовного самосознания в результате процессов дегуманизации, переросшей в деперсонализацию, повлекла за собой задачу творческого возрождения личности и общества на основе глубоких социальных реформ. В теории христианского персоналистического социализма предлагаются способы осуществления нравственной организации общественности, способствующей, помимо прочего, и устойчивому экономическому развитию общества¹.

Проблема соотношения духовного и материального начал в историческом процессе взаимодействия личности и общества, свободы и равенства, нравственности и права, Церкви и государства распространяется и на сферу экономической организации общества. Разобщение между духовными и материальными целями личности явилось трагическим началом человеческой истории, обусловленным свободой человека как мотивацией его самостоятельного действия и познания в мире. Это повлекло за собой совершенствование материальных условий жизни, связанных с необходимостью обеспечения физического существования, но вместе с тем породило нравственное несовершенство рода человеческого в процессе обособления и индивидуализации человека².

Представители позитивистских идеологий — как марксисты, так и либералы, в отличие от сторонников религиозной эсхатологии придерживались мысли о бесконечности исторического процесса, в ходе которого осуществляется переход, по мнению Ф. Энгельса, «...человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание в то время и при тех условиях, которым она обязана своим происхождением. <...> ...Совершенное общество, совершенное “государство”... могут существовать только в фантазии»³.

Иную позицию занимали анархисты, придерживавшиеся мнения о безграничности свободных возможностей человека в историческом процессе и полностью отрицавшие роль объективной необходимости. Согласно их воззрениям, человеку принадлежит исключительное значение в формировании собственной исторической судьбы. В своих историософских построениях они доходили до отрицания традиционных социальных институтов: религии, семьи, частной собственности, государственности. Человеческая личность представлялась им центром мироздания. Такая антропоцентристская точка зрения восходила к учению софиста Протагора о человеке как «мере всех вещей». Вследствие такой философии, доведенной на практике до абсурда, вместо нравственного прогресса общество получало расширение индивидуального произвола и подвергалось угрозе разрушения. «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом», — заявлял герой романа Ф.М. Достоевского революционер Шигалев, прототипом которого стал руководитель тайного общества «Народная расправа»

¹ См., например: *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого // Царство Духа и царство кесаря. М., 1995.

² См.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 2000. С. 52–56.

³ *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // *Маркс К.* Избр. произв. Л., 1940. Т. 1. С. 387.

Н. Нечаев¹. Путь своеволия, предлагаемый обществу анархистами, по словам Н.А. Бердяева, сродни переходу за границы дозволенного: «Свобода переходит в насилие и рабство. Безбожная свобода истребляет себя»².

Представители христианского социализма, которым были чужды крайности и позитивистов, и анархистов, признавая объективную роль социально-исторических условий, настаивали на соединении принципов необходимости и свободы и распространяли их на сферу экономической жизни. По их представлению, социально-экономическая свобода субъектов гражданского общества там, где это возможно, должна сочетаться с публично-правовым регулированием экономики там, где это необходимо. Именно сочетание личного и общественного начал положено в основу концепции персоналистской экономики, разработанной христианскими социалистами России, Франции и других стран.

Персоналистская экономика, согласно воззрениям Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Ш. Пеги, Э. Мунье, Ж. Маритена, Ж. Лакруа, основывается на верховенстве личности, ее конституционных прав и свобод, что обуславливает приоритетные инвестиции в человеческий капитал, знания и интеллект, тесно связанные в ходе процесса научно-технической революции с социально-экономическим устройством информационного общества, отвечающего личностным и общественным потребностям современного человека. Отсюда вытекают цели персоналистской экономики, состоящие в использовании социального положения личности для ее всестороннего творческого развития, что требует нравственной организации материальной жизни.

В ходе социально-экономического развития наблюдается следующая закономерность: научно-технический прогресс и совершенствование материальных условий жизни сопровождаются усилением стремления людей к социальному благополучию, что нередко приводит к формированию общества массового потребления с заниженными моральными запросами и притуплением духовной жизни. Преодоление этой ситуации, прогнозирувавшейся философами Новейшего времени, возможно в русле социальных преобразований, соответствующих программным особенностям христианского социализма.

По мнению основоположника русского христианского персоналистского социализма Н.А. Бердяева, утверждение достоинства и свободы человеческой личности в ее христианском понимании является важнейшим условием преобразования жизни общества, в том числе ее экономического аспекта, который служит средством достижения настоящей цели жизни человека³. Стремление к совершенствованию существующих в обществе отношений, борьба за духовное, политико-правовое и социально-экономическое обновление человека связаны с познанием им своей личности и, соответственно, возможностей общественных преобразований.

«Для национального возрождения, коль скоро оно мыслится как национальное, необходим субъект, который одновременно с этим станет и главным объектом возрождения, так как возродить надо не просто

---

¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Бесы // Сочинения. Л., 1974. Т. 10. С. 311.

² *Бердяев Н.А.* Творчество Достоевского // Смысл творчества. Харьков; М., 2002. С. 466.

³ См.: *Его же.* Царство Духа и царство кесаря. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого. М., 2006. С. 64.

экономику, политику, социальность, а человека, и не как человека вообще, а как человека русской истории, культуры, духовности, как человека Великой России — субъекта русской нации. И это должно стать основой национального возрождения Великой России», — отмечает в своей книге, посвященной проблематике цивилизационного развития общества, современный русский философ Н.Г. Козин¹.

Однако достижение общественной справедливости на основе преодоления классовых неравенств, по мнению Н.А. Бердяева, отнюдь не означает нивелирования личностных качеств каждого человека, определяющего его «духовный аристократизм», от которого и должно зависеть общественное положение личности. В отличие от индивидуализма, враждебного принципу личности, христианский персонализм ориентирован на тип общества, «...в котором будет стремление к целостности и единству, в противоположность индивидуализму новой истории...»².

Французские персоналисты большое внимание уделяли разработке кардинальных проблем общественного преобразования. Ш. Пеги при исследовании вопросов, касающихся власти, собственности, общественного положения личности, разделял принципы переустройства мира на основе персоналистской экономики. Положения его социально-политической программы основывались на критике устоев западного общества и дополнялись призывом к возрождению «метафизического» отношения к миру и духовной революции³.

Экономические проблемы, по мнению предшественника французских персоналистов, не в последнюю очередь обусловлены нормативно-ценностными ориентирами, принятыми в том или ином обществе. На взгляд Ш. Пеги, внутренний мир человека как своего рода микрокосм представляет собой структурное отражение целостного бытия, именно этот тезис стал впоследствии одним из философско-антропологических оснований концепции персоналистического социализма, в котором намечались конкретные пути совершенствования общества.

Французский поэт-философ придавал огромное значение ценности свободы, делающей возможным осознанный выбор человеком своей исторической судьбы и порождающей его нравственную ответственность за деяния в истории, в частности, за организацию экономической жизни — основы материального благополучия человека. Персоналистская экономика ориентирована как раз на формирование благоприятных предпосылок для воплощения личностной судьбы в диалектически изменяющемся историческом пространстве.

Продолжая традицию Ш. Пеги, Э. Мунье главное внимание сосредоточил на проблемах сохранения условий свободного развития и достойного существования человека. Полноценное функционирование социальных институтов, обеспечивающих нравственность и справедливость власти, достойный

¹ См.: Козин Н. Постигание России. Опыт историософского анализа. М., 2002. С. 471.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Сочинения. М., 1994. С. 403.

³ См.: Губман Б.Л. Символ веры Ж. Маритена // *Маритен Ж. Философ в мире*. М., 1994. С. 137–138.

уровень жизни граждан и соответствующее положение человека в обществе, по представлению Э. Мунье, создают условия для обретения личностью трех главных измерений: «призвания, воплощения, сопричастности»¹.

Согласно сформулированному Э. Мунье основному положению персонализма, «первичной человеческой ценностью является личность, сообщество — это только конечная гармония личностей; нам не удастся построить сообщество, противостоящее личностям или даже просто без участия в нем личностей, мы сможем достичь сообщества только благодаря личностям, которые являются его вершиной»².

В персоналистской экономике материальные потребности, сохраняя свое основное значение для общества, приобретают все большую духовную ориентацию, нацеленную на развитие человеческого творчества. Тем самым становится практически осуществимым тезис Э. Мунье о «первичности духовного»³, иллюзорный в условиях эксплуататорских, антагонистических общественно-экономических формаций. Заявленная точка зрения означает не полное исчезновение социальных антагонизмов, что нереально при общественном разделении труда, а личностный, профессиональный характер различий между субъектами социально-экономических отношений, идущий на смену классовой дифференциации общества.

Общественная поддержка положительных начинаний органов государственной власти, как правило, формирует предпосылки развития институтов гражданского общества, способствующих устойчивому и поступательному развитию экономики. Однако инициатива в реализации экономических реформ может исходить не только от политической элиты общества, но и снизу, от общественных сил, содействующих конституционным преобразованиям, политической модернизации, совершенствованию социальных институтов и общественных отношений. Во всех преобразовательных трансформациях соответствие социальных институтов нормам естественного права остается непреложным законом общественной жизни, обеспечивающим их нормальное функционирование.

Э. Мунье отмечал, что человеческая активность, основанная на приоритете духовного начала как источника нравственности, неизбежно сталкивается с трудноразрешимым противоречием между взаимоограничивающими «тенденциями к чистоте и эффективности»: «...любая деятельность обречена на неэффективность в той мере, в какой она будет чистой, а в той мере, в какой она будет эффективной, она будет порочной»⁴. Этот принцип французским персоналистом переносится и на экономические отношения в гражданском обществе, где необходимо «...обеспечить личностям прежде всего самостоятельность, защищенность, условия для свободного самовыражения и досуга, что позволит им понять это призвание при полной духовной свободе... с помощью налаженного социально-экономического

¹ Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999. С. 35.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 183, 252.

организма дать им материальные средства, которые, собственно, необходимы для развития этого призвания...»¹.

Очевидно, что политическое сообщество не в состоянии обеспечить всеобщее благополучие, ибо это означало бы искаженное понимание теории и практики социального государства. Конкурентная рыночная экономика, находящаяся в основании гражданского общества, также не самодостаточна, поскольку ее механизм нуждается в дополнении со стороны широко понимаемого правового регулирования экономических институтов и процессов.

Следовательно, персоналистская экономика основывается на верховенстве личности, ее конституционных прав и свобод, что обуславливает приоритетные инвестиции в человеческий капитал, знания и интеллект в процессе формирования и развития информационного общества. Устойчивое экономическое развитие общества обеспечивается тесным сопряжением социально-экономических и нравственных задач, без чего невозможно построение социального государства, действующего в согласии с субъектами гражданского общества.

Примечательно, что в основании нравственной организации человеческой жизни, включая и социально-экономическую сферу, находятся, по мнению философа-персоналиста Ж. Маритена, главные положения христианского учения: «Существуют вечные, неизменные истины как таковые, и именно они принуждают историю к созданию все новых и новых условий, способных различным образом реализовать возможности, существующие во времени и во временных вещах»².

Согласно основным положениям экономической доктрины, разработанной Ж. Маритеном в русле неотолизма, задачей христианской политики, нацеленной на преобразование социального порядка в интересах всестороннего гармоничного свободного развития и достойной жизни личностей как сознательных субъектов общественных отношений, является осуществление нравственной ориентации политических и экономических процессов в контексте построения справедливого государства и персоналистского социального сообщества.

Ж. Лакруа, последователь Э. Мунье, считая творческую реализацию личности главной целью персоналистической политики, делает вывод о социально-экономической применимости теории христианского социализма: «Персоналистски ориентированная экономика — и уже здесь можно обнаружить желание и готовность личности жить в свободном обществе — ставит прибыль на службу производству, производство — на службу потреблению, а потребление — на службу этике человеческих потребностей, соотносенных с целостным развитием личности. Следует организовать экономику так, чтобы она соответствовала подлинным свойствам личности»³.

Ж. Лакруа, так же как Ш. Пеги и Э. Мунье, ставил социальные преобразования в зависимость от личностной революции и напоминал слова Пеги в пересказе Мунье: «Революция будет нравственной или ее не будет

---

¹ Мунье Э. Указ. соч. С. 57.

² Маритен Ж. Философ в мире. М., 1994. С. 88.

³ Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М., 2004. С. 31.

вовсе»¹. Нравственная и институциональная, персоналистская и общностная (экономическая) революции имеют один и тот же исток: «онтологическую ситуацию» разума и, сверх того, ситуацию человека, для которого разум является конститутивным принципом. Нельзя отделить личностное обращение от социального изменения. Первому из них принадлежит руководящая роль. Человек свободен, а свобода — это его самосозидание»².

Ж. Лакруа, однако, подчеркивал перманентный характер личностной революции в отличие от институциональных преобразований, которые необходимы только в случае глубоких политических, экономических и социальных перемен. Институциональная революция в экономике оправдана в той степени, в какой она способствует революции нравственной³. Это связано с перераспределением прибыли на основе соответствующих материальных предпосылок из сферы ростовщического капитала в сферу человеческого капитала — производство знаний, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие, и с расширением сферы правовой свободы личности за счет сферы государственной власти на основе формирования соответствующих условий общественной морали.

Производство знаний становится важнейшей движущей силой экономики информационного общества, оптимальное развитие которой имеет персоналистскую ориентацию, так как направлено на реальные потребности человека, социальное партнерство и устранение экономических диспропорций.

Для современной России достаточно актуальна проблема грамотной экономической политики, которая должна не просто сохранять управляемость процессами жизнедеятельности хозяйственного организма, но и определять цели и задачи национального будущего. Основной задачей персоналистской экономики остается проведение в жизнь методов и технологий, способствующих интеграции религии, философии и науки в систему всеединого цельного знания для формирования социального рыночного хозяйства⁴.

В настоящее время это связано с достижением согласия между субъектами гражданского общества по основным проблемам его развития. К числу участников экономических правоотношений и субъектов социального партнерства относится ряд правовых социальных институтов: государство; предприятия, корпорации; научные и образовательные учреждения независимо от организационно-правовой формы собственности, светской либо конфессиональной направленности; общественные и религиозные объединения, некоммерческие организации; политические партии; местные сообщества, образующие органы местного и территориального общественного самоуправления. Оптимизация взаимодействия социальных институтов открывает широкий путь процессам персонализации общества и социализации личности, которые осуществимы в соответствии с традиционными ценностями, определяющими специфику российской цивилизации.

¹ Мунье Э. Указ. соч. С. 20.

² Лакруа Ж. Указ. соч. С. 273.

³ См.: Там же. С. 31.

⁴ См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения. Ростов н/Д., 1992.

А.П. Кошкин,
*доктор политических наук,
профессор Российской экономической
академии им. Г.В. Плеханова*

С.А. Мельков,
*доктор политических наук, сопредседатель
Ассоциации военных политологов*

Коммуникации власти с российским обществом: проблема институционализации политико- общественных импульсов

В настоящее время многие отечественные ученые и эксперты критикуют российскую политическую элиту и государственную власть за непрофессионализм, оторванность от интересов граждан, управленческо-технологическую отсталость и многое другое¹. Позволим себе в принципе не согласиться с подобными утверждениями, поскольку считаем, что созданные начиная с 1985 г. многочисленные механизмы и формы общения власти с обществом в последующие годы прошли очень серьезную проверку на жизнеспособность. Одни из них постепенно прекратили существование, другие усовершенствовались или модернизировались, а некоторые со временем сформировались в относительно устойчивые институты коммуникации.

Так, монопартия (КПСС) сначала прошла стадию внутреннего распада и даже политического запрета, а общество одновременно предложило большое количество собственных социально-политических проектов общественно-политические движения, партии по интересам (например, Партия любителей пива), по половому различию и т.д. Со временем в конкурентной борьбе власть была вынуждена использовать партийно-политическое пространство не только с целью реализации собственного властного интереса, но и для систематизации общественных инициатив. В результате появилась и сохранилась и так называемая партия власти, и инициированные обществом движения и инициативы. Таким образом, в нашей стране состоялся переход от моновласти, с ее авторитарной системой правления, к полифонии институциональных коммуникаций.

Однако следует признать, что определенная часть нынешней политической элиты декларирует неудовлетворенность участием общественности в делах государства. Полагаем, совсем не случайно в относительно благоприятных условиях (мировой финансово-экономический кризис якобы почти не коснулся нашей страны) российское общество недовольно и посылает власти большое количество импульсов о необходимости изменений в основных сферах его жизни. Политическая власть восприняла, систематизировала обще-

---

¹ См., например: *Кротков В.О.* Роль партийно-политической системы в условиях российского авторитаризма XXI века // Стратегии России в историческом и мировом пространствах : материалы Всероссийской научной конференции / под ред. С.С. Сулакшина, А.И. Фурсова, В.Э. Багдасаряна и др. М., 2009. С. 525–538.

ственный запрос, ответным сигналом (в Послании Президента Федеральному Собранию 2009 г.) явилась всеобъемлющая модернизация.

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что заявленная Президентом России модернизация не является выдумкой. Это целый ряд явлений в самых различных областях жизни граждан, общества и власти, развивающих Россию, продвигающих ее вперед. Хозяин и издатель «Независимой газеты» К. Ремчуков в своей статье «Не числом, а умением» отметил: «Если не модернизировать институты, от которых зависит развитие, общество становится заложником нарастающей отсталости. Все вокруг выглядит по-современному — машины, иногда — дороги, дома, одежда, телефоны. А мы по-прежнему живем как неандертальцы, поскольку каждый отдельно взятый россиянин понимает модернизацию как нечто такое, что касается только технологий. Редко кто задумывается о том, что она касается и общественных отношений»¹.

Действительно, если политическая элита и государственный аппарат будут всеми силами стремиться вернуть советскую (по сути) политическую и общественную систему, то в результате общество, полностью лишенное коллективных импульсов к изменениям, будет ждать модернизацию откуда-то сверху, как «манну небесную». И наоборот, только объединившиеся для реализации своих личных интересов граждане смогут сформировать иной, не государственный субъект развития, модернизации, изменения. Полагаем, совсем не случайно в своей статье «Россия, вперед!» глава нашего государства подчеркнул: «В конце концов, не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем. Наш интеллект, трезвая самооценка, наша сила, чувство собственного достоинства, предприимчивость»².

В последних своих выступлениях Президент РФ фактически заявил о наличии серьезного политического импульса для реформирования практически всех сфер общественной жизни. Так, по его мнению, «...политическая система России будет предельно открытой, гибкой и внутренне сложной. Она будет адекватна динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре. Отвечать политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей»³. Если мы правильно поняли главу государства, модернизацию реально осуществить в рамках тесного сотрудничества с демократическими социумами, так как «...наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни».

Полагаем, что реализовать этот импульс возможно только в рамках диалога между властью и обществом. Однако так считают далеко не все политики, политологи, ученые и эксперты, да и российская реальная действительность пока далека от желаемой. Одни исследователи утверждают, что в современной России прослеживается тенденция к установлению и развитию диалоговых форм взаимоотношений между властью и обществом в виде так называемой модели демократического участия⁴. Другие склонны считать, что власть

¹ URL: www.ng.ru/editorial/2009-12-08/2_red.html.

² Медведев Д.А. Россия, вперед! URL: www.rg.ru/2009/09/11/medvedev-statia.html.

³ Там же.

⁴ См.: Агранович С.Ю. Коммуникативные модели в деятельности законодательных властей региона // Власть. 3. 2007. С. 35.

вынуждена прибегать к мерам, призванным компенсировать демонтаж или ослабление ряда демократических институтов, и пытается строить очередную «вертикаль», организующую гражданское общество¹. Третьи полагают, что демократия в России носит имитационный характер. Как относиться к этим точкам зрения?

Мы убеждены в том, что главным регулятором общественной жизни выступает государственная власть, поскольку именно она утверждает начала законности, равенства и свободы. Без публичной власти российское общество неизбежно распадется на составные элементы. Теоретически известно, что эффективную политическую коммуникацию можно построить только на принципах взаимного учета и удовлетворения политических интересов власти и общества. Но как сделать так, чтобы эти интересы действительно реализовывались ко взаимному удовлетворению различных социальных групп? Может быть, советская система государственного управления, когда власть и общество живут в непересекающихся пространствах, изжила себя окончательно? Тогда чем можно и нужно дополнить систему государственного управления?

На наш взгляд, проходящие от власти к обществу и от общества к власти импульсы содержательно наполняют коммуникативную систему общества. Импульсы нами рассматриваются как четкие и артикулированные сигналы, которые позволяют власти и обществу корректировать свою совместную деятельность. Это выгодно и необходимо стране, гражданам и государству, поскольку ориентация на институциональную стабильность оказывается первым и необходимым условием перехода к модернизации, или инновационному развитию общества, о котором сказал Президент Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г.²

Однако обратим внимание на то, что ни в одном своем обращении к нации Президент не рассматривает государство в качестве важнейшего субъекта модернизации. С одной стороны, это понятно, поскольку институциональные проекты не реализуются только административным путем — они требуют опоры в обществе³. С другой стороны, политологам (и не только им) следует искать ответ на вопрос: можно ли осуществить модернизацию социума, не вовлекая в нее государственный аппарат и не модернизируя его? На наш взгляд, отрицательный ответ очевиден.

В современном обществе сама система коммуникации должна постоянно обновляться в институциональном плане, а также выполнять адаптивную функцию и развивать доверие внутри него. Как отмечает руководитель отдела социально-политических исследований Левада-центра Б.В. Дубин, «социум без системы институционализированного доверия и ответственности можно охарактеризовать как не современный»⁴.

В научном плане институты коммуникации достаточно условно можно разделить на две большие группы: создаваемые властью и создаваемые обществом.

---

¹ См.: *Петров Н.В.* Общественная палата: для власти или для общества? // Pro et Contra. 2006. 1. С. 40.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: www.kremlin.ru/transcripts/5979 (дата обращения: 17.12.09).

³ См.: *Рац М.В.* Не в науке дело. URL: www.ng.ru (дата обращения: 02.12.09).

⁴ *Дубин Б.В.* Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. 2/3. С. 27.

Институты, формируемые со стороны власти для взаимодействия с обществом, можно разделить на общепринятые, такие как парламент, политические партии, независимые СМИ, и вновь созданные в современной России — Госсовет, разнообразные президентские советы, полпреды в округах, система общественных приемных в округах. Вновь созданные институты рассматриваются некоторыми исследователями как временные организации, лишенные легитимности¹. Однако многочисленность и многообразие этих институтов свидетельствуют лишь о том, что власть понимает значимость сферы коммуникации и постоянно обновляет свою деятельность в ней. Тем самым власть дает ответ многочисленным вызовам современного информационного общества.

Вновь созданные властью после 2000 г. политические и одновременно коммуникативные институты являлись ответом на распад российского общества и частью плана по формированию вертикали власти. На наш взгляд, это сделать в полной мере удалось. Политическая власть в России, располагая мощными информационными и пропагандистскими ресурсами, успешно побуждала граждан и общество к спрогнозированным поступкам. Очевидно, в этот период уже отпала острая необходимость в применении средств силового воздействия на общество. Зато состояние российского общественного мнения стало мерилом усилий власти в сфере коммуникаций (негативное общественное мнение побуждает власть нейтрализовать его, а позитивное — усилить).

Можно предложить и иную классификацию институтов, создаваемых властью для регулирования отношений с обществом. Это медийные, поведенческие, идеологические и имидживые институты. Следует учитывать тот факт, что разные комбинации этих институтов позволяют создавать новые схемы коммуникации власти и общества. Как политические импульсы проходят через них?

Медийные институты власть постоянно задействует для виртуального воздействия на общество. Современная власть объективно нуждается в таких институтах, поскольку в социуме политические ценности, нормы и установки все в большей степени формируются в информационном пространстве, с помощью Интернета и СМИ². Кроме того, в современном социуме регулируемая коммуникация в виде обработки общественного мнения происходит непосредственно перед принятием политического решения. Так, например, статья Президента РФ Д.А. Медведева «Россия, вперед!» была опубликована в печатных СМИ, Интернете, а ее ключевые положения активно обсуждались на многих теле- и радиоканалах. Такой медийный натиск вызвал оживленную дискуссию в среде экспертов и политологов. Однако массу населения его статья, похоже, так и не охватила. Опросы Левада-центра, проведенные в 46 регионах страны, выявили традиционно отстраненное отношение: «...власть бубнит себе под нос, а население либо не слышит, либо не понимает. Лишь 3 % читали статью Д.А. Медведева,

¹ Петров Н.В. Указ. соч. С. 40.

² См.: Государственное регулирование в современном политическом процессе России / В.К. Белозеров, С.В. Демченко, И.М. Карелина. М.; Орел, 2009. С. 192–193.

а 80 % не только не читали, но даже и не слышали о ней. Среди тех, кто оценил “манифест Медведева”, преобладало мнение, что он не повлечет за собой сколько-нибудь заметных перемен в политике¹. Такой пессимистический настрой населения в отношении активных обращений политической власти к народным массам имеет объективные основания.

Но есть и субъективные основания, поскольку достаточно сложно понять, к кому Д.А. Медведев обращался в своей статье. Давайте задумаемся, случайно ли Президент РФ предупреждает: «Нашей работе будут мешать»? И даже уточняет, кто именно: «...влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих "предпринимателей". Те, кто хорошо устроился, у кого все есть. Те, кто до скончания века собирается выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные ресурсы»². Может быть, он в первую очередь обратился к молодежи, бюджетникам и наиболее активной части российских граждан? По всей видимости, такой вывод соответствует действительности, ведь немалая часть активных, неравнодушных россиян прислала Президенту свои предложения.

Вторая группа включает институты, нами условно названные поведенческими (характеризующими повседневное взаимодействие власти с обществом). Мы ведем речь о самой власти, ее различных ветвях, уровнях и органах. По тому, как власть себя ведет и насколько она эффективна, общество и формирует свое отношение к ней. Сегодня никого не удивишь разговором (даже во властных структурах) о том, что для того, чтобы улучшить ситуацию, России требуется иное поведение власти, нужны новые кадры, хозяйственные практики, честные банкиры, некоррупцированные политики и депутаты. Раньше, в советское время, такие проблемы обсуждались только на кухнях. Теперь разговорами о поведении власти занимаются практически все (и власть, и общество), но, к сожалению, ничего не меняется. Более того, подобного рода размышления оторвались от практической жизни и существуют уже как самостоятельный жанр в телепередачах, радиопроектах, печатных и иных медиаформатах.

Для изменения реального положения дел в России власти необходимы конкретные инструменты модернизации, которыми она реально воспользуется. Такие инструменты в настоящее время в основном предлагают либеральные теоретики и макроэкономисты. При этом многие государственные структуры, как нам представляется, скорее готовы декларировать приверженность новым идеям, но не собираются ничего менять в своем поведении, своей деятельности. Примером неадекватности действий власти является отсутствие внятной реакции на то, что кризис в России оказался глубже и жестче, чем в США и в Западной Европе. При этом российское общество не только хочет получать заверения о том, что в стране «все хорошо», но нередко жаждет, чтобы были названы виновные, а также предложена программа выхода из кризиса.

Полагаем, что нынешняя российская власть своим поведением демонстрирует готовность реализовать общественный импульс к действиям власти

¹ Цит. по: Костиков В.А. что скажет печник Степаных?... Как сделать политику понятной для народа // Аргументы и факты. 2009. 41. С. 7.

² Медведев Д.А. «Россия, вперед!». URL: www.rg.ru/2009/09/11/medvedev-statia.html.

иного качества, иной эффективности, адекватным общественным и частным интересам. Далеко не случайно, что после трагедии в ночном клубе «Хромая лошадь» в Перми произошла мощная волна снятия с должностей целого ряда чиновников и возбуждено большое количество уголовных дел против них¹. Аналогично власть отреагировала на гибель в следственном изоляторе «Бутырка» юриста С. Магнитского, когда решением Президента России более двух десятков начальников из Федеральной службы исполнения наказаний были отстранены от должности. Мы считаем, что обновлять кадры жизненно необходимо (даже путем одномоментных ротаций и снятий), но нужны системные меры по улучшению условий жизни общества.

Другой пример — о том, как ведут себя сегодня сельские и поселковые администрации. По данным министра финансов Калининградской области О. Малыгиной, госслужащие в районах теперь обходятся налогоплательщикам почти на треть дороже, чем в 2008 г. Не развивая налоговую базу, а лишь получая транши «сверху», муниципалитеты раздувают штаты, назначают себе огромные зарплаты, устраивают в нищих поселках бессмысленные презентации, выплачивают себе же гигантские «командировочные». Однако эти администрации никак не влияют на улучшение жизни людей².

Идеологические институты рассматриваются нами как комплекс общественно-политических акторов (специализированные институты государства, политические партии, религиозные организации и др.) по воздействию на общество в рамках определенного учения или идеи. Многие политики (например, Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский и др.) расценивают эти институты как возможность постоянного формирования позитивного отношения народа к власти методами пропаганды и агитации. По мнению целого ряда политических и общественных деятелей, идеологические институты должны обеспечить воспитание компетентных граждан и содействовать высокому уровню их участия в политической деятельности.

Следует заметить, что хотя эта цель ставилась многими политиками и теоретиками политики, в жизни она редко бывала достигнута. Почему? Вне всяких сомнений, этот тезис используется в целях манипуляции массовым политическим сознанием, что мы хорошо усвоили из опыта нашего недавнего прошлого. Кроме того, любая идеология выставляет достаточно жесткие политические (но не правовые) рамки как для общественного развития, так и для действий власти.

В последние годы предпринят целый ряд попыток сформулировать для России новую идеологию — это евразийство, «русская доктрина», «суверенная демократия», «русский консерватизм» и др. Каждая из них является своеобразным импульсом для общества и власти со стороны разработчиков той или иной идеологии о том, что только они способны улучшить современное устройство и знают, как это сделать. В современном российском социуме, конечно, есть группы людей, которые согласны с появлением так называе

¹ См.: URL: www.mail.ru (дата обращения: 04.01.10)..

² Безбедные и безнаказанные / Ю. Гарматина, О. Доронина, И. Кодзасова и др. // Аргументы и факты. 2009. 38. С. 7.

мый общероссийской идеологии. Однако все же большинство россиян не хотят установления новых морально-нравственных, политических и иных ограничений, выходящих за правовые рамки.

На наш взгляд, для коммуникации с обществом власть в настоящее время в одной строгой идеологии не нуждается. При необходимости она готова использовать и реально использует любую идеологическую доктрину, которая, с одной стороны, претендует на решение тех или иных социальных проблем, а с другой — выгодна самой власти. В качестве примера приведем сотрудничество современной власти с русской православной церковью (далее — РПЦ). Именно РПЦ заявляет о том, что она готова заняться духовно-нравственным воспитанием молодежи и военнослужащих, выработала нравственный кодекс христианского предпринимателя, доминирует в сети Интернет и других информационных ресурсах (среди прочих негосударственных институтов).

В то же время сегодня власть понимает, что сокращению разрыва во взаимопонимании с обществом помогает формирование собственного позитивного имиджа. Имиджевые институты, как известно, предназначены для создания положительного образа власти в информационном пространстве¹ и обычно задействуются властью для успешного влияния на население в информационном обществе. Основным из них является институт связей с общественностью, позволяющий значительно усилить публичность и светскость современной политики².

Понятно, что созданные профессиональными имиджмейкерами образы политиков и государственных деятелей далеко не всегда позитивно воспринимаются массовым сознанием. В свое время многие писали о складывающемся культе личности В.В. Путина, но тот четко давал понять, что «хвалебные оды его не греют». С иронией к попыткам сформировать некий «либеральный» или «блогерский» образ относится и Д.А. Медведев.

На наш взгляд, сегодня имидж любого политика в наибольшей степени формируется с помощью СМИ. Формально процент государственных СМИ в России очень небольшой, в то же время многие среди общественно-политических изданий в регионах учреждены властью, еще больше контролируются зависимыми от региональных глав бизнесменами и работают под «цензурой страха». Известно, что большинство СМИ контролируется государственными органами. В результате газеты и телевизионные новости выпускаются по принципу «только хорошее о губернаторе и немного о погоде». Единственной их функцией остается реклама местного начальства перед центральными властями и населением. Причем отчасти за счет самого населения, то есть на бюджетные деньги³.

Таким образом, полагаем, что российская власть создала и в настоящее время активно использует систему институтов, позволяющих достаточно эффективно выстраивать коммуникации с обществом и гражданами. При

¹ См.: *Фролов Е.В.* Политический имидж институтов государственной власти России: современное состояние и перспективы совершенствования : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 9.

² См.: *Алексеева Т.А.* Еще раз о связи «публичного» и «приватного» // Проблемы и суждения: голоса российской политологии : сборник трудов. М., 2004. С. 171–172.

³ См.: *Федотов М.* Комментарии экспертов // Аргументы и факты. 2009. 41. С. 4.

этом власть весьма чутко прислушивается к общественным импульсам, но реагирует так, как может, и так, как ей выгодно. Сегодня постепенно и в целом успешно завершается переход в этих коммуникациях от примата идеологических институтов к примату медийных и имиджевых. Однако поведенческие институты используются отечественной властью пока не достаточно эффективно.

Посредством созданной системы институтов власть также постоянно посылает обществу политические, по сути, импульсы. Однако реакции граждан в нашей стране далеко не всегда адекватны ожиданиям, поскольку процесс формирования коммуникативных общественных институтов еще не завер-

С.Г. Верещагин,
*кандидат юридических наук, доцент
Открытого Юридического института
(г. Владивосток)*

Формы разрешения социально-политических конфликтов в налоговой сфере: революции, восстания и бунты

С момента появления первых свидетельств о налогах и до настоящего времени это политическое, правовое и экономическое явление характеризуется наличием острых разногласий между верховной властью и налогоплательщиками. Еще Фома Аквинский (1226–1274 гг.) определял налоги как дозволенную форму грабежа. Выдающийся экономист Франции XVI в. Ж. Боден (1530–1597 гг.) в своей работе «Финансы, нервы государства» (1577 г.) предлагал формировать государственные доходы за счет домов (государственных имуществ) и таможенного обложения. По его мнению, к налогам следует прибегать только в исключительных случаях. Он считал налоги средством опасным, ссорящим короля с его подданными, побуждающим их к восстаниям.

Французский философ Поль Анри Гольбах (1723–1789 гг.) в своих произведениях «О правителях», «О свободе» и «О политике вообще» весьма подробно рассматривал вопросы налоговой политики. Он писал: «Вопрос о налогах является одним из самых важных вопросов, которыми должна заниматься политика; налоги постоянно становятся причиной раздоров между государем и подданными. Секрет управления, заключающийся в беспрестанном увеличении налогов, представляется большинству из них шедевром политической мудрости»¹.

Налоговая система — сложный политический и экономико-правовой организм. Его сложность предопределена не только природой, внутренним

---

¹ Цит. по: Зуйков И.С., Зуйкова Л.В. Философские аспекты истории налогообложения // Налоговый вестник. 1997. 9–11.

предназначением входящих в эту систему распределительных и перераспределительных отношений. Это придает налоговой системе противоречивый и политически неоднозначный характер.

Могут ли налоги стать причиной социально-политических конфликтов? Ответ однозначный — да, так как ни одно государство не может существовать без взимания налогов, они — один из признаков государства. Налог непосредственно влияет на политический порядок, но он испытывает и обратное воздействие политической среды, так как налоговая система (при установлении и формировании) не может от нее абстрагироваться.

Известно, что политической целью государства в налоговой сфере является обеспечение его функций, которые определяют вообще смысл существования государства. Со временем процесс взимания государством налогов стал не только экономическим, но и политическим (так как устанавливал право одного, сильного, на часть имущества другого, более слабого) и, в конечном счете, определял фактор власти в данном обществе и на данной территории. Другими словами, уплата налога определяла степень свободы лица, поскольку во все времена считалось, что свободным человеком может быть только тот, кто владеет собственностью, а налоги покушались именно на нее.

Природой налоговых отношений обусловлен метод их регулирования — метод властных предписаний. Он выражается в том, что права и обязанности участников налоговых отношений определяются законами и другими актами государственных органов. Конечно, налогоплательщик самостоятельно выбирает вид деятельности, приносящей ему доход, но он не определяет налоговых последствий своего выбора. Стержнем налоговых отношений являются отношения по взиманию налогов. Это самые массовые отношения, поскольку обязанность платить законно установленные налоги и сборы является всеобщей¹.

Подобные подходы, например, подробно разработаны во французской налоговой (фискальной) доктрине. Так, Г. Жетс и Ж. Тидье подчеркивают, что «власть облагать налогами и политическая власть взаимосвязаны». «Налог всегда был важнейшим проявлением государственного суверенитета. Обладать властью облагать налогами — значит управлять государством»². Л. Тротаба и Ж.-М. Котре обращают внимание на то, что налог исторически выступал как фактор, оказывающий влияние на формирование политического режима.

Французский ученый П.-М. Годме отмечал, что налог — одно из проявлений суверенитета государства. «Этим он отличается от доходов с государственных имуществ и займов, которые представляют собой средства, получаемые государством из деятельности такой же, как и деятельность частных граждан. Возможности налогообложения являются существенным выражением суверенитета. Право взыскивать налоги всегда было частью суверенных прав, так же как чеканка монеты и отправление правосудия»³.

¹ Подробнее см.: *Петрова Г.В.* Налоговые отношения: теория и практика правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

² *Tidier G., Gets G.* Manuel de droit fiscal. Paris, 1986. P. 30–32.

³ *Годме П.-М.* Финансовое право. М., 1978. С. 371.

Поэтому в любую систему налогообложения изначально заложен конфликт и социальный (необходимость отдать часть своего дохода государству), и политический (право государства применять силу при взимании налогов)¹.

Думается, что в качестве причины социально-политических конфликтов в налоговой сфере следует назвать, прежде всего, социальную дифференциацию общества, устанавливающую несовпадение налоговых статусов субъектов, их ролевых назначений и функций, интересов и потребностей. Неравенство социальных позиций влечет неравенство в налогообложении и, в конечном счете, определяет политический статус лица в обществе. По крайней мере, такое правило существовало с древних времен до принятия первых буржуазных конституций, в которых впервые было закреплено налоговое равноправие.

Основа всех политических конфликтов в налоговой сфере — это борьба за сбор и распределение собранных налогов. Борьба за обладание налогами детерминирует конфликтные взаимоотношения между правящей элитой и контрэлитой, различными политическими партиями или группировками, представляющими интересы определенных сил и ведущими борьбу за перераспределение собственности, национального достояния и государственного бюджета. Другими словами, речь идет о силовом перераспределении собранных налогов посредством политических средств, которые включают в себя и политическое насилие.

Так, американский ученый-налоговед Чарльз Адамс писал: «...в Англии монархия была свергнута, король обезглавлен, нация прошла через страдания гражданской войны, в целом вызванной налогами². Под ударами шести налоговых бунтов развалилась Великая Испанская империя. Голландия вошла в период глубокого упадка из-за чрезмерных налогов. Во Франции налоговые бунты были повсюду. Они были жестокими и кровавыми. Возможно, Франции было хуже всех, в связи с ее полуголодной политикой выбивания налоговых платежей и наказанием несогласных»³.

Что же такое политическое насилие и какими факторами оно обусловлено в налоговой сфере? Прежде всего — несовместимостью интересов различных социальных групп в налоговой сфере, которая заставляет их прибегать к средствам принуждения в различных формах с целью приобретения или сохранения своего господствующего положения в этой сфере. Часто применение насилия к податному населению приводит к резкому политическому противостоянию, а иногда даже к радикальным политическим преобразованиям.

¹ Политическая сфера, опирающаяся на властные отношения — господство одних и подчинение других, преобладание интересов одних над интересами других — и находящаяся в непрерывном и зачастую противоречивом развитии (модернизации), несет в себе «гены» конфликта, а значит, является социальной областью не только постоянной, но и повышенной конфликтности.

² Король Карл I решил своей волей распространить корабельный налог, который со Средних веков платили прибрежные графства Англии, на все графства. В 1637 году было собрано 90 % запланированной суммы, а в 1639 году всего 20 %. Люди просто отказались платить — дело кончилось гражданской войной и казнью короля (прим. автора).

³ Адамс Ч. «К добру и злу» (гл. «Слово просвещения о налогах»). 2009. URL. <http://www.Jerusalem-orca-home.com/nap/nil/nap139.html> (дата обращения: 12.06.07).

Истории человечества известны многочисленные факты использования политического насилия различными группами людей ради достижения политических и иных целей, в том числе и в налоговой сфере.

Одной из форм разрешения социально-политических конфликтов в налоговой сфере является революция.

Первоначально латинское слово «*revolutio*» использовалось в качестве научного термина, означающего «обращение», «оборот», «переворот», «круговорот» применительно к астрономическим процессам, о чем, к примеру, свидетельствует заглавие трактата Н. Коперника «*De revolutionibus orbium coelestium*» — «Об обращениях небесных сфер» (1543).

К XVII в. термин переходит в лексику политическую, и смысл его становится несколько иным: изменение государственного порядка. Потребность в понятии «революция» возникла благодаря значительным трансформациям общественного сознания, связанным с реалиями эпохи позднего Возрождения¹.

Английский писатель Дж. Милтон, живший в XVII в., стал одним из первых, кто верил, что революция помогает обществу реализовать свой потенциал. Он рассматривал революцию как право общества защитить себя от тирана, создать новый порядок, выражающий интересы народа, то есть как способ достижения свободы.

Силой, способствующей прогрессу человечества, своего рода естественной ступенью в реализации высшего нравственного принципа считал революции великий немецкий философ И. Кант, а его не менее знаменитый соотечественник Г.Ф. Гегель видел в революциях осуществление человеческого предназначения.

Тем не менее революция всегда связана с насилием, с коренным переломом в жизни страны, общества. Она влечет за собой человеческие жертвы, а в некоторых случаях — и распад государств, гражданские войны. Так может ли прогресс оправдать ее? Как следует понимать революцию? Нужно ли принимать слова К. Маркса, утверждавшего, что революции — локомотивы истории, и они неизбежны или все-таки следует соглашаться с мнением Ж. Жореса, считавшего, что революции — это форма прогресса, но она варварская?

Большая часть исследователей солидарны в утверждении, что революция — это насилие, беззаконие, террор (хотя революция может происходить и без террора), но непременно это борьба за достижение первостепенных политических целей². Как подчеркивал Джорж Питти, «революция есть изменение конституционных установлений незаконными средствами», или Пауль Шрекер: «революция — это незаконное изменение условий законности»³.

В конце концов вывод о том, что главный вопрос революции — вопрос о власти, давно уже, видимо, представляет собой не столько марксистскую, сколько общереволюциологическую классику⁴.

¹ См.: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 140.

² См.: *Гениффе П.* Террор: случайность или неизбежный результат революций? Из уроков французской революции XVIII в. // Новая и новейшая история. 2003. 3. С. 61–76.

³ Цит. по: *Шепелева В.П.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/25646> (дата обращения: 12.06.09).

⁴ См.: *Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С. 66–69.

Существенные уточнения сделал американский исследователь Мостафа Риджеи. Политическая революция, по его оценкам, это — наиболее типичная революция, но она есть лишь пролог к социальным переменам и представляет собой внезапное незаконное массовое насилие, направленное на ниспровержение политического строя, — первый шаг к всесторонним социальным изменениям¹.

Впрочем, гораздо раньше отечественная революционно-народническая интеллектуальная практика установила (как пример можно привести соображения П.Н. Ткачева), что так называемая политическая революция есть лишь предварительное условие для собственно революции — революции социальной.

С учетом изложенного согласимся с определением, которое дала специалист в сфере революциологии В.П. Шепелева: «Революция — это относительно внезапная, резкая, насильственная и много- или всесторонняя трансформация общества». Или, опираясь на Ч. Эллвуда, другой вариант: «Революция — это внезапное насильственное социальное изменение, одна из двух крупнейших категорий социальных изменений»².

Таким образом, революция — это коренное, полное преобразование структуры власти в обществе, радикальное изменение его политической системы, открывающее возможность значительных социально-экономических перемен. Принудительный характер осуществляемых в обществе перемен, сопротивление тех социальных сил, против которых они направлены, делает практически неизбежным большую роль насилия в любом революционном процессе.

Выдающийся русский экономист Николай Тургенев в своем труде «Опыт теории налогов» (1818 г.) писал: «Расстройство финансов, конечно, не произвело французской революции (1789 г. — *С.В.*), но много споспешествовало оной и имело особенное влияние на ход ее». И далее: «Налоги, или, определеннее сказать, дурные системы налогов были одною из причин, как видно из истории, что нидерландцы сделались независимыми от Испании, швейцарцы от Австрии, фрисландцы от Дании и, наконец, казаки от Польши. На возмущение североамериканских колоний против Англии дурная система финансового управления относительно иностранной торговли имела решительное влияние. Нельзя также оспаривать, что неискусное собирание денег с народа подало повод к лютеровой реформации»³.

Причины конфликтов возникают в условиях специфического состояния социально-политической системы — ее кризиса, служащего моментом наивысшего обострения противоречий, когда необходимость социально-политических преобразований приобретает основания необратимости, а требование перехода политической системы в качественно новое состояние становится все более ощутимым.

К примеру, известно, что одной из главных предпосылок Французской революции 1789 г. явился острейший финансовый кризис Старого порядка⁴,

¹ Цит. по: Шепелева В.П. Указ. соч. (дата обращения: 12.06.09).

² Там же.

³ Тургенев Н.И. Опыт теории налогов // У истоков финансового права. М., 1998. С. 244.

⁴ Исторический термин, получивший широкое распространение в науке и литературе. Под ним понимают государственные и общественные отношения, которые господствовали во Франции до революции 1789 г.

который, в свою очередь, во многом был обусловлен неравенством в налоговой сфере различных сословий французского общества (духовенство и дворянство имело наибольшее количество льгот по уплате налогов). Фискальный иммунитет был одним из существенных атрибутов принадлежности к высшим, привилегированным сословиям. В числе других факторов налоговой исключительности считалась (а подчас и являлась) одной из основ богатства и экономического господства дворянства и верхов духовенства.

Нужда и бедствия угнетенных классов обострились сверх обычной меры. Общественные «низы» больше не хотели жить по-старому. Вместе с тем и правящие «верхи» уже не могли по-старому управлять. Налицо был глубокий кризис, вызвавший своего рода «трещину», в которую и прорвались всеобщее недовольство и возмущение. Этой «трещиной» послужил конфликт между монархией и привилегированными, который А. Матъез назвал «возмущением дворян». Положение королевских финансов становилось все более критическим. Государственный долг, составлявший в 1774 г. 1,5 млрд ливров, к 1788 г. возрос до 4,5 млрд ливров. Выплата процентов по долгам и их погашение в бюджете 1788 г. составляли самую большую статью — 318 млн ливров, более половины всех расходов. Все понимали, что прямые и косвенные налоги на третье сословие увеличивать больше нельзя¹. У монархии не было иного выхода, как только попытаться принудить и привилегированных платить налоги. Угроза банкротства заставила правительство Людовика XVI вновь вернуться к реформам. «Дефицит стал национальным сокровищем», — шутил по этому поводу граф Мирабо. Однако дворянство, высшее духовенство, парламенты опять оказали сопротивление вплоть до подстрекательства народных волнений и стычек с войсками².

Можно предположить, что эгоистическое нежелание или неспособность привилегированных поступиться своими узкими кастовыми интересами во имя интересов государственных не раз ставились исследователями во главу угла при оценке причин краха правительственного плана, повлекшего за собой впоследствии гибель монархии³.

Во многих научных источниках можно прочесть утверждение, что экономическая борьба всегда непосредственно влияла на политические и исторические события. Все это верно. Борьба между социальными группами населения за распределение создаваемых богатств действительно была постоянным фоном и подчас основой политических событий в истории народов. Однако следует иметь в виду, что суть дела не сводится только к вопросам о прибылях и заработной плате. Гораздо чаще и гораздо сильнее борьба (мирная и немирная) велась вокруг налогов, в основном из-за них разгорались социально-политические конфликты. Об этом нам напоминает

¹ Третье сословие — так во Франции с конца Средних веков до 1789 г. обозначали податное население (купцы, ремесленники, крестьяне, позднее также буржуазия и рабочие). Называлось третьим в отличие от первых двух сословий — дворянства и духовенства, которые не облагались податями (в XVIII в. — лишь небольшим общегосударственным налогом).

² См.: *Ревуненков В.Г.* История Великой французской революции. СПб., 2003. С. 60.

³ См., например: *Его же.* Очерки по истории Великой французской революции: падение монархии 1789–1792. Л., 1982. С. 55–57; *Шере Э.* Падение старого режима, 1787–1789: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 124, 139–140, 168–169; *Marion M.* Histoire financiere de la France depuis 1715. P., 1927. Т. 1. P. 391–394.

Н. Тургенев: по его мнению, именно налоговые и финансовые неурядицы чаще всего становились причинами восстаний, революций и иных общественных потрясений¹.

Исторический опыт свидетельствует, что основной формой разрешения социально-политических конфликтов в налоговой сфере всегда были восстания. Это легко объяснить. Как писал Макс Штирнер, «строить учреждения — дело революции, подниматься над ними, стать над учреждениями — цель восстания»². Если революция нацелена на целостное преобразование политической и национальной системы, то восстание имеет более конкретную, прагматичную и иногда даже меркантильную цель.

Философ и писатель Жорж Батайя очень тонко подметил сущность восстания: «Между восстанием и революцией та же разница, что и между страстью и рассудком. Восстание — это всегда отрицание “легальной” власти и легитимности ее законов. В сущности, восстание это страсть, которая опрокидывает законы рассудка. Революция же после своей победы устанавливает новые законы как нечто легитимное и основывает новое государство в соответствии с рассудочной деятельностью, хотя и иначе ориентированной, нежели свергнутый режим»³.

В то же время необходимо иметь в виду, что многие восстания не носят политического характера, не направлены на преобразование политических институтов и даже не затрагивают центров власти, а под успехом такого социального действия, как правило, его участниками подразумевается получение каких-либо льгот, привилегий или замещение функции господствующей группы (элиты) в прежнем обществе.

Для любого восстания характерны некоторая организованность и структура, которые его обеспечивают. Большую роль играют руководители, провозглашающие определенные цели, хотя, как правило, весьма декларативные и нечеткие. Эти цели находят обоснование в несложной программе, лозунгах, декларациях. Восставшие руководствуются устойчивыми категориями мышления и речи («право», «справедливость», «народ», «правда», «воля»), предпринимаются идейные усилия к оправданию восстания как законного действия. Все это придает восстанию определенное созидательное начало⁴.

К примеру, если анализировать причины восстаний в Средние века в Западной Европе, то, как правило, основным поводом для их начала являлось налоговое противостояние между властью и налогоплательщиками, к которому чаще всего примыкали конфессиональные и иные противоречия, имеющиеся в этот исторический период на данной территории.

¹ Н.И. Тургенев — русский экономист и публицист. Его исследование «Опыт теории налогов» является одной из наиболее значительных научных работ первой половины XIX в., в которой содержится теоретическое исследование основ налоговой и денежной системы России того периода. Красной нитью через всю книгу Н.И. Тургенева проходит мысль о том, что налоги служат признаком образованности государства и просвещенности народа. Необходимость существования налогов автор связывал с самой возможностью существования общества.

² См.: Штирнер М. Единственный и его достояние. СПб., 1909. Ч. 2. С. 186.

³ Цит. по: Мелентьева Н. Общая теория восстания Герда Бергфлета. URL: <http://www.anarch.ru/anarch/3/melenteva.htm> (дата обращения: 20.06.09).

⁴ См.: Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 385.

Известны восстания, основной причиной которых были налоговые противоречия. Например, восстание Уота Тайлера — крупнейшее в средневековой Англии антиналоговое и антифеодальное крестьянское восстание 1381 г., охватившее большинство графств Англии. Основным поводом для восстания стали новые налоговые требования к податным слоям населения в связи с возобновлением войны с Францией при Ричарде II (1377—1399 гг.). В 1377 г. парламент ввел единовременный поголовный налог, который в 1379 г. был взыскан снова. Новый поголовный налог, установленный в 1380 г., увеличил обложение еще втрое. Этот налог и злоупотребления при его взимании послужили непосредственным толчком к восстанию, которое вспыхнуло весной 1381 г. в Юго-Восточной Англии. Начавшись как протест против тяжелых налогов, оно немедленно приняло ярко выраженный антифеодальный характер. Крестьянские отряды громили усадьбы и монастыри, уводили скот, уносили имущество и жгли документы, в которых были записаны крестьянские повинности. В ряде графств крестьян поддержала городская беднота. В результате многие феодалы были вынуждены пойти на уступки крестьянам, отменить крепостное право и барщину и снизить крестьянские платежи. И хотя восстание было жестоко подавлено, оно способствовало ликвидации крепостного права и барщинной системы в стране.

Степень организованности, управляемости восстания зависит от исторических и социальных условий и поэтому весьма различна, но элемент целенаправленности в восстании всегда присутствует, чем оно и отличается от бунта — массового действия, имеющего очень высокий уровень интенсивности, активности его участников, но еще больше ограниченного временем протекания, проблемой, причиной, его вызвавшей.

Бунт — это почти всегда ответная реакция на какие-либо экстраординарные действия представителей господствующих политических групп, государственных органов. Бунт не перерастает локальных рамок, ограниченных задачами сопротивления отдельным действиям правительства. По мнению французского социолога А. Турена, бунт отличается от восстания узким, малочисленным составом участников, отсутствием атаки на центры власти, неопределенностью политических целей, в основном оборонительным характером предпринимаемых действий¹. Лозунги, выдвигаемые бунтарями, или слишком глобальны, абстрактны, или чрезвычайно заземлены.

К примеру, в России, бунт впервые упоминается в 1400 г. в Никоновской летописи: «Беглые рейтары, которые ефремовцы и елчаны были сысканы в Новосильском уезде, учинили бунт, начальных людей били и поворотились в дома свои»².

В психологическом отношении бунты в Средние века и Новое время выполняли и своеобразную психотерапевтическую функцию, служили своего рода катарсисом. Очищение происходило постольку, поскольку в ходе открытых народных выступлений находили выход примитивные инстинкты, насилие, сексуальность, которые в повседневной жизни по-

¹ Подробнее см.: Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарской. М., 1998.

² Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. Т. 1. М., 2002.

давлились существовавшими этическими и нравственными нормами, вытеснялись в область бессознательного.

Каждое проявление открытого протеста неизменно сопровождала инвективизация речи¹. Долгое время историки обращали внимание лишь на те крики и возгласы участников народных волнений, в которых в той или иной мере выражались требования бунтовщиков. Например: «Долой Налоги!» или «Да здравствует король без габели!»². Однако этнологи утверждают, что любая бранная речь несет в себе смысловую нагрузку: взламывая табу, ругаясь, люди, не отдавая себе в этом отчета, выражают свой протест. Ругательства при этом уже сами по себе выполняли известную психотерапевтическую роль, принося психологическое облегчение.

Особенно ярко свою эмоциональную сущность бунт проявлял, когда он происходил как стихийное, неорганизованное выступление народа, без четко осознанной цели. А.С. Пушкин в «Капитанской дочке» писал: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

В Москве в 1648 г. произошел знаменитый «Соляной бунт» — массовое выступление посадского населения, городских ремесленников, стрельцов и дворовых людей, связанное с установлением специального налога на соль. Московское восстание 1648 г. было реакцией низших и средних слоев населения на налоговую политику правительства царя Алексея Михайловича. Во время проведения царем экономических реформ усилилась коррупция и самоуправство, значительно возросли налоги. Разные слои общества требовали изменений в политике государства. С целью снять напряжение, возникшее в сложившейся ситуации, правительство Морозова решило частично заменить прямые налоги на косвенные. Некоторые прямые налоги были снижены и даже отменены, зато в 1646 г. дополнительной пошлиной были обложены активно использующиеся в быту товары. Среди прочих налогом была обложена и соль, что вызвало ее подорожание с пяти копеек до двух гривен с пуда, резкое сокращение ее потребления и недовольство населения. Причина недовольства заключалась в том, что соль в тот период была основным консервантом, поэтому из-за подорожания соли срок годности множества продуктов питания резко сократился, что вызвало всеобщее возмущение, особенно у крестьян и купцов. В связи с вновь нараставшим напряжением в 1647 г. соляной налог был отменен, но образовавшаяся

¹ Инвектива (позднелат. *invectiva* — бранная речь, от лат. *invehor* — бросаюсь, нападаю) — резкое обличение или сатирическое осмеяние реального лица или группы лиц; обычно сопровождается некоторым сдвигом в реальности изображения; характеризуется структурной и смысловой двуплановостью, нередко выдвигающей на первый план личные обвинения в целях общественного опорочивания. Литературные формы инвективы многообразны: эпиграмма, полемические статьи и речи и т.д.

² Вот лишь один типичный пример. В Лионе 4 февраля 1699 г. в день заседания городской властей в ратуше, на площади Таро и около ратуши собралось 500–600 женщин, число которых быстро увеличивалось. Толпа требовала: «Хлеба! Хорошего хлеба! Дешевого хлеба!». По свидетельству интенданта, эти требования «сопровождались тысячей дерзостей и инвектив в адрес магистратов». До вечера толпа буйствовала на площади. Почти в то же время в других кварталах города собравшаяся чернь взламывала и грабила булочные. См.: M. d'Herbigny, *intendant a Lyon. 5 fevrier 1699. Correspondance des controleurs generaux des finances avec les intendants des Provinces*. Ed. par A.M. Boislisle. Paris, 1874–1876. Т. 1. P. 514.

недоимка продолжала взыскиваться посредством прямых налогов, в том числе и тех, которые были отменены. Недовольство выражали в первую очередь чернослободчики, которые подвергались (в отличие от жителей белой слободы) наиболее сильному налоговому гнету.

2 июня 1648 г. горожане ворвались в Кремль, требуя выдачи начальника Земского приказа Леонтия Плещеева, ведавшего управлением и полицейской службой Москвы, думного дьяка Назария Чистого — инициатора соляного налога, боярина Морозова и его шурина окольного Петра Траханиотова. Восставшие подожгли Белый город и Китай-город, разгромили около семи-десяти дворов наиболее ненавистных бояр, окольных, дьяков и купцов. 2 июня был убит Чистый. Царю пришлось пожертвовать Плещеевым, который 4 июня был выведен палачом на Красную площадь и растерзан толпой. Траханиотов пытался спастись бегством, но 5 июня был пойман и также убит. Морозова царь отстранил от власти и 11 июня отправил в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь. Не участвовавшие в восстании дворяне воспользовались движением народа и 10 июня потребовали от царя созыва Земского собора.

Итоги «соляного» бунта: царь пошел на уступки восставшим и отменил взыскание недоимок по соляному налогу; был созван Земский собор для принятия нового Соборного уложения.

В 1648 г. восстания произошли также в Козлове, Курске, Соли Вычегодской и других городах. Волнения продолжались до февраля 1649 г.

Как отмечал знаменитый французский философ-экзистенциалист Альбер Камю, «...можно предположить, что проблема бунта имеет определенный смысл лишь в рамках западной мысли. Можно высказаться еще точнее, отметив вместе с Максом Шелером, что мятежный дух с трудом находил выражение в обществах, где неравенство было слишком велико (как в индустриальных кастах), или, наоборот, в тех обществах, где существовало абсолютное равенство (некоторые первобытные племена). В обществе бунтарский дух может возникнуть только в тех социальных группах, где за теоретическим равенством скрывается огромное фактическое неравенство. А это означает, что проблема бунта имеет смысл только в нашем западном обществе»¹.

Думается, что Альбер Камю точно подметил глубинный смысл бунта — фактическое неравенство классов и сословий в обществе.

Формами разрешения социально-политических противоречий являлись также мятежи и путчи. Однако история свидетельствует, что налоговое противостояние не реализовывалось посредством мятежей и тем более путчей, так как эти формы конфликтов имеют чисто политическую основу.

Мятеж по степени интенсивности эмоциональной напряженности близок к бунту, но в отличие от него имеет еще более ограниченное число участников. Мятеж возникает в результате продуманной, целенаправленной подготовки определенной группы лиц и носит вооруженный характер. Ставка делается на военную силу, и костяк мятежников обычно составляет армия, но с присоединением к его инициаторам многочисленных участников он быстро теряет качество организованного, более или менее целенаправленного

¹ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. М., 1990. С. 132.

действия, приобретая такие черты, как предельная широта предъявляемых обществу обвинений, нетерпимость к цивилизации, какому бы то ни было руководству, встает на путь тотального оспаривания: человек здесь подчиняется глубинным психологическим импульсам, а само действие все более теряет связь с жизненными условиями, реальными возможностями и потребностями сложившейся политической ситуации. Мятеж при таком развитии быстро приобретает черты бунта, исчерпывает свой преобразовательный потенциал и затухает¹.

*Мятеж не может кончиться удачей,
 В противном случае его зовут иначе².*

Хотя мятежом можно назвать любое неудачное вооруженное восстание или попытку переворота, все же чаще всего слово «мятеж» применяется к таким вооруженным выступлениям, в которых участвовали военные (солдаты, матросы, офицеры, феодалы и т.д.).

Если же массы не присоединяются к мятежникам, то он становится путем, доказывающим, что «попытка восстания ничего, кроме кружка заговорщиков или нелепых маньяков, не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала»³. Путч выражается в вооруженных действиях, не опирающихся ни на широкую поддержку, ни на учет ситуации, ни на продуманную программу.

Таким образом, как показывает история, в налоговой сфере противостояние разрешалось путем революций, восстаний и бунтов. В то же время необходимо отметить, что в истории человечества не было ни одной революции, вызванной только налоговыми проблемами, но последние всегда занимали важнейшее место в ряду их основных причин. Главными же формами разрешения налоговых конфликтов всегда были налоговые восстания и бунты.

¹ См.: Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 386.

² Перевод эпитаграммы английского поэта Джона Харингтона (XVII в.), сделанный С.Я. Маршак.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 53.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ —
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ •

Б.М. Костишко,

*доктор физико-математических
наук, профессор, ректор Ульяновского
государственного университета*

М.П. Беспалова,

*проректор Ульяновского государственного
университета*

М.В. Кириллов,

*аспирант Ульяновского государственного
университета*

**Ульяновский государственный университет:
20 лет успеха
О вузе**

Ульяновский государственный университет (далее — УлГУ), отпраздновавший в 2008 г. 20-летие со дня основания, является самым молодым вузом города. Его история началась в феврале 1988 г. с принятия Постановления Совета Министров СССР об открытии в Ульяновске филиала МГУ им. М.А. Ломоносова. В том же году в учебном корпусе на ул. Л. Толстого к занятиям приступили 200 студентов механико-математического и экономического факультетов.

Важным этапом в развитии нового высшего учебного заведения классического типа стал 1995 г. 17 декабря Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ульяновске был преобразован в Ульяновский государственный университет.

Сочетая классические университетские традиции с новейшими тенденциями развития российской и мировой систем образования, образовательную деятельность — с инновационной активностью в области наукоемких технологий, УлГУ обеспечивает формирование нравственных, научных и культурных ценностей общества, проводя качественную подготовку специалистов, определяющих перспективы развития основных отраслей экономики и социальной инфраструктуры региона.

Традиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заложенные в УлГУ за годы совместной работы, во многом определили характер развития нового классического университета на Волге, его высокий образовательный стандарт и научный потенциал, позволившие за короткий срок занять ключевые позиции в образовательном и научном пространстве региона.

При поддержке московских коллег в Ульяновском государственном университете был сформирован высококвалифицированный профессорско-

---

преподавательский состав, в который вошли ведущие ученые из вузов России и СНГ, что явилось залогом высокого уровня подготовки выпускаемых специалистов. Сегодня университет по праву гордится своим кадровым потенциалом, среди преподавателей УлГУ немало ученых с мировым именем.

В структуре Ульяновского госуниверситета — 6 институтов, 7 самостоятельных факультетов, высший колледж «Заволжье», Медицинский колледж, Автомеханический техникум, Музыкальное училище, филиалы в Димитровграде и Инзе.

В настоящее время в Ульяновском госуниверситете обучаются более 15 тыс. студентов, включая иностранных граждан более чем из 20 стран мира. С 1992 по 2009 гг. университетом выпущено более 26 000 дипломированных специалистов. Выпускники УлГУ с честью выдерживают конкуренцию на рынке труда (около 85 % трудоустраиваются по специальности), успешно трудятся в органах законодательной и исполнительной власти, занимают высокие посты на промышленных предприятиях, в коммерческих фирмах Ульяновской области, Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов страны, а также за рубежом.

Университет активно внедряется в процессы, инициированные руководством страны и региона в области образования вообще и высшей школы в частности: переход на ЕГЭ, участие в национальных проектах, использование новых форм работы.

На современном этапе развития общества особую актуальность приобретает задача формирования в УлГУ системы, в рамках которой осуществляется интеграция образования, науки и экономики. Руководством вуза подписано генеральное соглашение с губернатором Ульяновской области Сергеем Морозовым, действует договор о стратегическом партнерстве с городской Думой и районными администрациями. УлГУ — партнер крупнейших предприятий региона, таких как Ульяновский автомобильный завод, Акционерное общество «Авиастар-СП», группа компаний «Волга-Днепр», НИИ атомных реакторов в г. Димитровграде (НИИАР), научно-производственное объединение «Марс» и др. Разветвленная система дополнительного образования, включающая программы по переподготовке кадров, курсы повышения квалификации, академическую программу Master of Business Administration (MBA) и другие направления работы, создают слушателям условия для повышения их конкурентоспособности на рынке труда.

Становление УлГУ как регионального центра образования, науки, культуры и инновационных технологий невозможно без расширения материально-технической базы. В последние годы развернуто масштабное строительство студенческого городка на Набережной Свяги: в 2005–2009 гг. введены в эксплуатацию три новых учебно-лабораторных корпуса, физкультурно-оздоровительный комплекс, стадион, общежитие для студентов и аспирантов. За это же время в УлГУ созданы Центр нанотехнологий и материаловедения, научно-исследовательский центр CALS-технологий, технопарк «УлГУ — высокие технологии» и электронная библиотека с двумя виртуальными читальными залами с выходом в Интернет. Параллельно осуществлялись приобретение

новых зданий, капитальный ремонт аудиторного фонда, строительство объектов социальной сферы, в том числе жилых домов для преподавателей и сотрудников вуза. В распоряжении учащихся — более 20 дисплейных классов, современные лингафонные кабинеты, научная библиотека, объем фонда которой составляет более 650 тыс. экземпляров.

Немаловажным направлением деятельности УлГУ является международное сотрудничество. В университете успешно действуют российско-американский и российско-германский факультеты, выпускники которых получают одновременно дипломы российского и зарубежного образца. Организуется совместная структура с университетом Палермо (Италия). В планах — укрепление деловых связей с университетами США, Чехии, Германии, Китая, Монголии, Казахстана и других стран СНГ, обмен преподавателями, развитие языковых школ и студенческих программ.

Высокие стандарты деятельности УлГУ были по достоинству оценены в ходе внешнего аудита, проводившегося весной 2008 г. представителями ассоциации по сертификации «Русский Регистр». УлГУ стал первым в нашей стране классическим университетом, успешно прошедшим эту процедуру и получившим по ее итогам международный сертификат качества о соответствии системы менеджмента качества УлГУ требованиям международного образовательного стандарта ISO 9001:2000 по всем направлениям деятельности.

Система дополнительного образования в Ульяновском госуниверситете функционирует с мая 1992 г., когда был создан факультет переподготовки специалистов. В феврале 1997 г. на его базе организован Институт дополнительного образования (ИДО). Основными задачами института являются оперативная переподготовка кадров по актуальным направлениям науки и техники, создание условий для получения специалистами второго высшего образования, новой специальности или квалификации, повышающих их конкурентоспособность на рынке труда. Наряду с этим институт осуществляет повышение квалификации специалистов на базе высшего и среднего профессионального образования.

В соответствии с распоряжением губернатора в январе 2002 г. в составе ИДО создан Центр подготовки, переподготовки и аттестации управленческих кадров, работающий по заказам Администрации области, муниципальных образований, предприятий и организаций. В мае 2007 г. Ульяновский госуниверситет прошел отбор для участия в новом этапе Президентской программы на 2007/08 — 2012/2013 учебные годы.

Институт открытого образования (ИОО) организован в марте 2002 г. на базе Центра дистанционного обучения, основанного в ноябре 1998 г. Он образован для решения следующих задач: удовлетворения потребностей населения в качественных образовательных услугах посредством получения высшего профессионального, среднего профессионального и дополнительного образования, широкого использования возможностей дистанционного обучения с применением информационных и телекоммуникационных технологий, реализации системы открытого непрерывного образования «школа–колледж–вуз–предприятие», обеспечивающей поэтапное ступенчатое получение

образования, отбор, выявление и поддержку талантливой молодежи, помощь в процессе самоопределения личности.

Для тех, кто серьезно увлечен наукой, в УлГУ открыта аспирантура, где 391 человек обучаются по 60 специальностям, 140 получают высшее образование по 21 специальности ординатуры, 55 — по специальностям интернатуры, 14 — готовятся к защите докторских диссертаций в докторантуре.

В вузе широкое развитие получила система производственных практик для студентов, после прохождения которых выпускники получают приглашения на работу, ежегодные ярмарки выпускников и вакансий, международные стажировки, а также на курсы повышения квалификации для сотрудников УлГУ.

Современное развитие общества ставит перед высшими учебными заведениями задачу не просто отбора наиболее подготовленных абитуриентов, но привлечения сознательно ориентированных и оптимально готовых к получению будущей специальности ребят. Именно поэтому, начиная с 2004 г., Ульяновский государственный университет целенаправленно проводит ряд специальных мероприятий по созданию эффективной системы выявления, развития, обучения и поддержки одаренных детей Ульяновской области как основы обеспечения качественного состава абитуриентов. Для этого в УлГУ организуются и проводятся различные профориентационные мероприятия, среди которых необходимо в первую очередь назвать предметные и профильные олимпиады, профессиональные и творческие конкурсы, абитуриентское централизованное компьютерное тестирование. Ежегодно в этих испытаниях принимают участие более 2 тыс. учащихся школ г. Ульяновска и области.

Образовательно-консультационные услуги по подготовке абитуриентов к поступлению в УлГУ оказывает Учебно-научно-методический центр довузовского образования, образованный в 2004 г. Основные направления работы Центра: подготовка и реализация учебных курсов по базовым дисциплинам в соответствии с программами вступительных экзаменов, апробация и внедрение наиболее эффективных форм и методик дополнительного образования в периоды обучения в школе и подготовки к поступлению в вуз. Подготовка абитуриентов проводится как в традиционных формах обучения на подготовительных курсах, так и в оригинальных, разработанных ведущими методистами университета. Предлагаемые Центром образовательные программы позволяют осуществить эффективный выбор формы подготовки к поступлению в вуз в соответствии с базовым уровнем знаний абитуриента, пожеланиями к форме организации и интенсивности проведения учебных занятий.

В университете успешно действуют собственные СМИ: выпускается газета «Вестник», работают студия телевидения, пресс-центр. Культурно-досуговую деятельность в вузе обеспечивают студенческий и спортивный клубы УлГУ, а также органы студенческого самоуправления: профком студентов и студенческий совет УлГУ.

Ульяновский госуниверситет является одним из ведущих вузов Поволжья, разрабатывающим сразу несколько проектов в сфере высоких технологий. Исследования в сфере нанотехнологий — ключевое направление развития экономики страны, приобретающее в России масштаб национального

приоритета. Развитие высоких технологий в российских университетах и промышленных центрах позволит со временем отказаться от «сырьевой иглы», переориентировав экономику на новые наукоемкие отрасли.

Осенью 2007 г. при поддержке губернатора Ульяновской области Сергея Морозова и правительства региона был открыт новый корпус УлГУ, где разместился Центр нанотехнологий и материалов. Его современная материально-техническая база позволяет студентам и преподавателям проводить сложнейшие исследования. Новый Центр — открытая система, позволяющая объединить всех, кто заинтересован в разработках в области нанотехнологий. Ученые различных вузов, бизнесмены, представители промышленных предприятий смогут совместно решать конкретные задачи в различных областях. Нанонаука, лежащая в основе нанотехнологий, является наукой междисциплинарной, объединяющей физику, химию, биологию, медицину и т.д. Нанотехнологии позволяют создавать материалы с уникальными характеристиками и свойствами, электронные устройства размером в несколько атомов.

Создание Центра нанотехнологий и материалов на базе Ульяновского государственного университета подчеркивает активное участие УлГУ в процессах внедрения новых технологий в науку и промышленность региона. В вузе накоплена достаточно солидная база теоретических и экспериментальных разработок в области нанотехнологий, расширяются контакты с партнерами из других городов.

В университете работает 27 научных групп, возглавляемых докторами наук Борисом Костишко, Виктором Головановым, Сергеем Булярским, Вячеславом Светухиным, Олегом Гадомским и другими учеными, занимающимися разработками в сфере нанотехнологий. Накоплен определенный научный опыт. По данным направления учеными УлГУ опубликованы десятки статей в центральной и зарубежной печати, изданы монографии, защищены кандидатские и докторские диссертации.

В октябре 2007 г. прошло первое организационное заседание Совета по развитию нанотехнологий Ульяновской области. Руководители ведущих предприятий и вузов, занимающихся научными исследованиями и прикладными разработками, обсудили перспективы развития организации. Совет под председательством губернатора Ульяновской области Сергея Морозова является совещательным общественным объединением, призванным координировать изучение нанотехнологий и содействовать формированию единой областной программы развития этого направления.

В июле 2008 г. Ульяновский государственный университет выиграл крупный грант на сумму 10 млн руб. под названием «Разработка программы учебно-методического сопровождения учебного модуля "Введение в нанотехнологии" программы по физике, химии, биологии основного, среднего и общего образования и апробация курса "Введение в нанотехнологии"».

Важнейшей задачей федеральной программы по нанотехнологиям является привлечение школьников в науку, стимулирование интереса к выбору этой специальности. Основной раздел работ включил в себя подготовку образовательных программ по физике, химии и биологии для старшеклассников,

---

разработку методических пособий для учителей, а также школьных учебников по указанным предметам. В реализации гранта были задействованы сразу несколько подразделений вуза: инженерно-физический факультет высоких технологий, кафедра инженерной физики, кафедра микробиологии медицинского факультета и другие, а также центр нанотехнологий и материалов, в котором работают немало высококвалифицированных сотрудников.

В настоящее время ученые университета трудятся над реализацией ряда прикладных направлений, среди них — дисперсные материалы и тонкие пленки (например, батарейки длительной работы), природные минералы Ульяновской области (в том числе диатомит). Активно изучается использование СВЧ-технологий для обработки материалов для нужд сельского хозяйства, медицины, легкой и пищевой промышленности. Уже можно говорить об определенных теоретических и практических результатах деятельности ученых УлГУ. Завершена работа по моделированию воздействия облучения на материалы корпусов атомных реакторов и прогнозированию ресурса.

На основе нанотехнологий предложено разрабатывать тональный крем, который позволит скрыть дефекты кожи. Большие перспективы открываются в медицине — при использовании лекарственных средств и методик, созданных на основе нанотехнологий для диагностики и лечения онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Исследования по использованию нанотехнологий в пищевой промышленности позволят получать продукты питания длительного хранения с улучшенными вкусовыми качествами.

В 2010 г. Ульяновский госуниверситет принимает участие в федеральном конкурсе «Вуз здорового образа жизни». Структура УлГУ, включающая уникальное подразделение — институт медицины, экологии и физической культуры, — позволяющее консолидировать усилия ученых при реализации масштабных проектов и проведении междисциплинарных исследований, большой объем финансирования научно-исследовательской деятельности, плодотворное сотрудничество с ведущими предприятиями и учреждениями региона и развитость материально-технической базы позволили университету стать одним из 100 лучших вузов России по данному направлению.

Технологии «здоровьесбережения» потенциально объединяют более 15 научных школ УлГУ, в составе которых действуют более 80 докторов и 350 кандидатов наук. Результаты комплексных исследований в области радиационного материаловедения, физики лазеров, нанотехнологий, технологий поддержки жизненного цикла исследований в последние годы полностью ориентированы на решение прикладных задач медицины, здравоохранения, биологии, химии, экологии, рационального природопользования, физической культуры и спорта. Программа развития УлГУ как национального исследовательского университета направлена на кадровое обеспечение приоритетных направлений науки, технологий, техники, отраслей экономики и социальной сферы, а также развитие научных исследований и внедрение инновационных технологий.

Ежегодно на базе Ульяновского государственного университета проходит Российская научно-практическая онкологическая конференция

«Модниковские чтения». Мероприятие проводится как дань памяти профессору Олегу Модникову, онкологу с мировым именем, основателю региональной научной школы в области лечения и профилактики онкологических заболеваний, а также системы паллиативной медицины. Одним из организаторов чтений традиционно выступает Ульяновский госуниверситет, где в последние десять лет жизни активно занимался преподавательской, научной и воспитательной работой профессор Модников. Участие в конференции принимают сотрудники научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саратова, Саранска, Ульяновска, Перми, Кирова, Ижевска, а также специалисты лечебных учреждений региона, преподаватели, студенты и аспиранты института медицины, экологии и физической культуры УлГУ. Участники обсуждают современные достижения медицинской науки и практики в ранней диагностике и лечении онкологических заболеваний, инновационные методы радионуклидной, инструментальной и лабораторной диагностики, перспективы использования клеточных структур в терапии онкозаболеваний, современные аспекты послеоперационной реабилитации больных.

В 2004 г. при УлГУ открыт Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции несовершеннолетних, злоупотребляющих наркотиками и иными психоактивными веществами. Центр создан на основании Приказа Министерства образования Российской Федерации «О реализации решения коллегии Минобразования России от 15 января 2002 г. 1» и договора сотрудничества с мэрией г. Ульяновска по реализации городской Комплексной программы «Профилактика, реабилитация и борьба с наркоманией среди детей и молодежи города Ульяновска на 2002–2004 гг.».

Основными целями деятельности центра являются: осуществление организационной, информационно-аналитической и учебно-методической деятельности в области профилактики злоупотребления наркотиками и иными психоактивными веществами детьми и молодежью, организация работ по формированию основ здорового образа жизни молодежи, создание условий, способствующих формированию здоровых установок и навыков ответственного поведения детей и молодежи, снижающих вероятность приобщения к употреблению наркотических средств и др.

Юридический факультет

История юридического образования в Ульяновской области ведет начало с 1974 г., когда в г. Ульяновске был открыт учебно-консультационный пункт Всесоюзного юридического заочного института. В настоящее время юридический факультет является структурным подразделением Ульяновского государственного университета. В 2009 г. факультет в составе университета отмечал свое двадцатилетие. Он был создан на базе юридического факультета Ульяновского филиала Московского государственного университета (МГУ) и Ульяновского факультета Московской государственной юридической академии (МГЮА), соединив в себе перспективы молодости и мудрость опыта.

На разных курсах дневного и заочного отделений юридического факультета будущие юристы изучают теорию государства и права, историю государства и права России и зарубежных стран, административное и финансовое право, международное публичное и частное право; гражданское право и процесс, трудовое право и право социального обеспечения, предпринимательское и кооперативное право, земельное и экологическое право; уголовное право и процесс, криминалистику и криминологию, правовую информатику и правовую статистику, систему правоохранительных органов, а также предусмотренные учебным планом специальные курсы общей и углубленной специализации. В плане гуманизации учебного процесса студентам факультета читаются курсы истории мировой культуры, общей и юридической психологии, истории и политологии, логики и социологии, экономической теории и философии, этики и эстетики. Юридический факультет УлГУ осуществляет подготовку по двум специальностям высшего профессионального образования — «Юриспруденция», «Таможенное дело», а также по специальности среднего профессионального образования — «Правоведение».

Сейчас на факультете обучается около 2 тыс. студентов. За время существования юридического факультета по дневной и заочной форме обучения подготовлено более 5000 дипломированных выпускников. Подготовку специалистов осуществляют следующие кафедры:

- теории и истории государства и права (заведующий — доктор юридических наук, профессор Н.Н. Арзамаскин);
- государственного и административного права (заведующий — кандидат юридических наук, доцент В.Н. Иванова);
- гражданского права и процесса (заведующий — кандидат юридических наук, доцент С.Ю. Морозов);
- трудового и предпринимательского права (заведующий — кандидат юридических наук, доцент В.В. Иглин);
- уголовного права и криминологии (заведующий — доктор юридических наук, профессор А.И. Чучаев);
- уголовного процесса и криминалистики (заведующий — кандидат юридических наук, доцент А.А. Крашенинников);
- таможенного дела (заведующий — кандидат экономических наук, доцент С.В. Капканщикова).

При юридическом факультете открыта аспирантура по следующим специальностям: теория и история права и государства, история учений о праве и государстве; гражданское право, семейное право, предпринимательское право, международное частное право; уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право; природоресурсное право, аграрное право, экологическое право; уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность; финансовое право, административное право, информационное право.

На факультете работают 114 преподавателей, большинство из которых являются кандидатами наук. Факультет также имеет фото- и криминалистическую лаборатории, специализированную библиотеку, компьютерные классы, правовую клинику.

Доценты и профессора факультета ведут большую общественную работу, являются членами общественных объединений, например, РАЮН, выступают в качестве экспертов в Юридическом совете при губернаторе и Законодательном собрании Ульяновской области, являются членами Квалификационной коллегии судей Ульяновской области, Ассоциации юристов России. Преподаватели постоянно участвуют в международных, российских и иных конференциях, выигрывают гранты и конкурсы федерального и международного уровня, участвуют в разработке проектов законов и локальных нормативных актов организаций.

Достаточное внимание уделяется совершенствованию преподавания учебных дисциплин. Занятия проводятся с использованием как классических, так и активных форм обучения: занятия методом малых групп, групповые конференции, деловые игры, коллоквиумы и т.д.

Юридическим факультетом УлГУ с 1996 г. ежегодно издается сборник «Ученые записки. Государство и право: проблемы, поиски решений, предложения». На кафедре теории и истории государства и права издается межвузовский сборник научных трудов «Проблемы российской государственности» под редакцией доктора юридических наук, профессора Н.Н. Арзамаскина. В него входят труды ученых Ульяновска, Москвы, Казани, Уфы и других городов. Ежегодно издаются сборники студенческих научных работ юридического факультета.

Факультет располагает всеми необходимыми условиями для подготовки квалифицированных юристов. Хорошая материально-техническая база факультета позволяет максимально эффективно организовать учебный процесс, используя современные технологии в обучении.

Большое внимание уделяется научной работе со студентами. Преподаватели ведут активную научную работу, осуществляют подготовку студентов к участию в научно-теоретических конференциях и олимпиадах. Студенты факультета под руководством опытных преподавателей активно занимаются научной деятельностью: участвуют в работе научных кружков, выступают на конференциях, организованных как в родном университете, так и в других ВУЗах и организациях. Ежегодно лучшие студенты становятся обладателями именных стипендий Ученого совета, Попечительского совета, Губернатора Ульяновской области, Президента РФ. В 2007 г. студентка 4 курса юридического факультета Е. Сидорова была удостоена персональной стипендии имени А.А. Собчака.

Выпускники юридического факультета по специальности «Юриспруденция» получают квалификацию «Юрист», что предполагает фундаментальную и специальную подготовку в области юриспруденции. На 3 курсе студенты выбирают одну из трех возможных специализаций: государственно-правовую; гражданско-правовую; уголовно-правовую.

По специальности «Таможенное дело» выпускники получают квалификацию «Специалист таможенного дела», что предполагает комплексную подготовку экономической, внешнеторговой и юридической направленности. После 3 курса студенты имеют возможность обучения по специализации «Таможенные платежи и валютный контроль».

Кроме серьезной теоретической подготовки студенты факультета получают и практические навыки. На 3–5 курсах они проходят соответственно ознакомительную, производственную и преддипломную практики.

С 1999 г. действует Правовая клиника (студенческая юридическая консультация), целями которой являются воспитание профессиональных социально ориентированных юристов, оказание бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам и содействие повышению правовой грамотности населения.

Динамика развития факультета дает основания полагать, что юридический факультет имеет хорошие перспективы. Коллектив верит в свое будущее и связывает его с тем новым, рациональным, что могут дать реформы, при сохранении лучших традиций российской высшей школы и всего, что было накоплено коллективом Ульяновского государственного университета за предыдущие годы.

Поддержка Министерства образования и науки РФ обеспечила быстрый рост научного потенциала УлГУ. Сегодня по всем параметрам — подготовке кадров, уровню научных работ, участию в грантах, количеству диссертационных советов — университет выдвигается на передовые позиции в регионе. Своевременное принятие комплексных научно обоснованных программ прогнозирования, экономического и инновационного планирования в организации учебно-воспитательной, научной и социокультурной деятельности способствует динамичному развитию вуза. Утверждение авторитета вуза в российском и мировом образовательном сообществе было и остается важнейшим приоритетом развития Ульяновского государственного университета.

А.К. Магомедов,
*доктор политических наук,
профессор, зав. кафедрой Ульяновского
государственного университета*

Восточный поворот российской энергетической геополитики: мотивы и оценки

*Тихий океан — Средиземное море будущего.
В этом будущем роль Сибири, страны между океаном,
южной Азией и Россией, чрезвычайно важна.
А. Герцен «Былое и думы»*

*Если 21-му веку суждено стать «веком Азии»,
то она обязана покончить со своей пассивностью
в энергетической сфере.
С. Варадараджан*

28 декабря 2009 г. стартовал один из самых громких проектов в российском энергетическом секторе — нефтепровод «Восточная Сибирь—Тихий океан» (ВСТО). Первые танкеры с экспортной нефтью были направлены в Гонконг, а всего в 2010 г. по этому трубопроводу будет прокачано 15 млн т нефти.

ВСТО — это то, что можно назвать фактором, изменяющим ход игры (game-changer) в современных энергетических войнах. Аналитики считают, что нефтепровод ВСТО, ставший хитом на азиатских рынках, может значительно изменить динамику российского экспорта нефти. Трубопровод, приоритетный проект премьер-министра Владимира Путина, является ключевым моментом в деле диверсификации Россией своих экспортных маршрутов в сторону от Европы, чтобы использовать возрастающий спрос на энергоресурсы в Азии.

Цель данной статьи — попытаться исследовать политические интересы, стоящие за азиатской энергетической стратегией России.

Между Европой и Азией: дилеммы российской энергополитики

В последние годы произошел серьезный стратегический сдвиг российской политики в азиатском направлении. В основе этого поворота лежат серьезные экономические и политические вызовы, вставшие перед Россией по мере ее политического усиления в постъельцинскую эпоху.

Термин «поворот» лучше всего отражает смысл происходящего. Хотя Россия и является уникальной страной, расположенной и в Европе, и в Азии, тем не менее лишь 5 % ее населения (8 млн человек) проживает в дальневосточной части. Территория, на которой они расселены, занимает важную часть азиатского материка и содержит огромные минеральные богатства.

В демографическом и коммуникационном плане исторически сложилась громадная диспропорция между европейской и азиатской частями страны. Подавляющее большинство населения проживает в европейской России. Что касается коммуникационного аспекта, то в течение столетий железные дороги и портовая инфраструктура России создавались для торговли с Европой. В итоге 48 % российского товарооборота приходится на Европу. Треть европейских потребностей в газе обеспечивается «Газпромом». Строительство в 1960–80-е гг. нефте- и газопроводов способствовало еще большему соединению страны с Восточной и Центральной Европой. Все это дополнялось культурным, технологическим, династическим сближением России и Европы на разных этапах истории. Завершает картину освоение новой российской элитой гедонистической инфраструктуры Европы с ее знаками и фигурами престижа. В этих гедонистических нишах она осуществляет показное паразитическое потребление со скандальным и вызывающим размахом.

Искреннее стремление Кремля интегрироваться с Западом и стать частью Европы сохранилось и в постъельцинский период. После того как в 2000 г. В. Путин стал Президентом страны, он неоднократно отмечал, что Россия является в первую очередь европейской страной, подчеркивая вышеуказанные российско-европейские реалии. Он развивал закрытые персональные связи с бывшими и нынешними лидерами европейских стран, такими как Т. Блэр, Г. Шредер и С. Берлускони. По сути это было продолжением ельцинского внешнеполитического курса с безусловным акцентом на Запад.

Однако данная модель приоритетов достигла своих пределов. Вектор внешнеполитического развития в течение последних лет начал смещаться на Восток. Чем был вызван данный сдвиг? Ведь в российском правящем классе

не было заметного и влиятельного «азиатского лобби». Легко узнаваемой группой в его среде могли быть лишь экспортеры вооружений, чьи позиции зависели от продаж в Китай, Индию и другие страны региона.

Правда, некоторые либерально настроенные эксперты и политики «атлантисты» слишком громко начали утверждать, что клан «силовиков» в президентском окружении может усилить свои внутренние политические позиции за счет развития закрытых связей с Китаем в противовес Западу. Впоследствии политические противники Путина назвали поворот Кремля от Запада к Китаю «угрозой безопасности России». Это точка зрения Бориса Немцова и Владимира Милова, изложенная ими в экспертном докладе «Путин. Итоги», фрагменты которого были опубликованы в «Независимой газете» 26 февраля 2008 г. Логика их рассуждений выдает в них безоговорочно идеологизированных атлантистов: «Западные демократии представляют наименьшую потенциальную угрозу для России—они никогда не нападали на другие демократические страны... Путин и другие представители прокитайского лобби в России убаюкивают нас разговорами о том, что Китай не представляет для нас опасности. Эти утверждения безосновательны. Пока у власти в Китае коммунисты, эта страна представляет непосредственную угрозу нашей безопасности».

С данным тезисом невозможно согласиться хотя бы потому, что он представляет собой скорее разжигание собственных эмоций авторов, нежели трезвый взгляд на проблему. Это вариация застарелого тезиса об «обреченности на сотрудничество» с Европой и Западом, о котором говорит либеральное крыло российской элиты. В свое время идеологи этого направления Егор Гайдар и Андрей Козырев призывали раннеельцинскую Россию стать «форпостом демократии в Евразии» и сосредоточить свой потенциал сдерживания на Дальнем Востоке.

Западные аналитики и СМИ также восприняли указанные шаги путинской администрации, особенно курс на энергетическое сближение с Китаем, с тревогой и неудовольствием. Сегодня можно отчетливо увидеть три позиции, призванные подчеркнуть неприемлемость российско-китайского сближения на энергетической основе.

Первая позиция (наиболее распространенная) — напугать Россию растущей мощью Китая. Понимая, что уже не получится «усадить» Россию в антикитайские «окопы», сторонники данной позиции пытаются подольше удержать их на расстоянии друг от друга. Достаточно посмотреть заголовки статей многочисленных европейских и американских газет, чтобы оценить недовольство, возникшее в связи с российско-китайским энергетическим сближением¹. Общее пессимистическое настроение в отношении будущего российско-китайского партнерства выразил Эдвард Лафранко в следующем рассуждении: «Ленин однажды сказал, что "капиталисты готовы продать

¹ См.: *Лафранко Э.* Китайско-российская сверхсила // *The Washington Times*. 2006. 21 марта; *Китайско-российский цинизм* // *The Financial Times*. 2006. 22 марта; *Маас Г.* Путин разочаровывает Китай // *Frankfurter Rundschau*. 2006. 22 марта; *Крамер Э.* Российское энергетическое «шоу на колесах» прибыло в Китай, чтобы вскружить китайцам голову // *The New York Times*. 2006. 22 марта; *Пионтковский А.* Москва ругает Вашингтон, но угроза идет от Пекина // *Le Figaro*. 2007. 28 авг.

нам веревку, на которой мы их повесим". России в своем партнерстве с китайцами, вполне возможно, придется столкнуться с тем же вопросом».

Вторая, противоположная позиция (наименее распространенная) — напугать Китай растущей энергетической мощью России. Налицо нагнетание страхов с противоположным знаком. Так, Дмитрий Шляпентох в статье «Дракон и медведь» пытался припугнуть Китай растущей российской мощью: «Китай знает, что ему придется о многом пожалеть, если на его пороге появится новая, работающая на нефти Российская империя»¹.

Третья позиция — «увести» Россию от Китая в сторону Японии. Отношения с Китаем, безусловно, имеют исключительно важное значение для России. Несмотря на это, предпринимались попытки российских «атлантистов» убедить всех в том, что России следует делать ставку на Японию как на главного партнера в деле модернизации Сибири и Дальнего Востока. Как считает заместитель директора московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, ключ к возрождению Сибири и Дальнего Востока находится в руках японцев. По его мнению, Япония могла бы в данном случае играть роль, какую в свое время сыграли ФРГ и Евросоюз в отношении Восточной Европы и западных регионов России. Ключевым условием для выживания Восточной Сибири и Дальнего Востока считается не вливание китайских рабочих сил, а привлечение капитала и научно-технических ресурсов из Японии. Финансовые возможности Японии, ее технологическое лидерство и геополитическое положение делают Токио подходящим «модернизационным партнером» для России на востоке. Развитие подобного партнерства способствовало бы также упрочению позиций России в Азии. Аналогичные надежды высказал и известный японский ученый, профессор университета Такусеку Хироши Кимура. Однако японцы более скептически смотрят на такую перспективу, делая реалистичный вывод о том, что Япония и Россия не ощущают необходимости друг в друге².

В целом все эти позиции выражали общее стремление «усадить» Россию в антипекинский «окоп».

Если убрать разговоры о правах человека и путинском авторитаризме, то закономерен вопрос: в чем заключается смысл противодействия развитию российских энергопоставок в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в политических терминах? Во-первых, ЕС объективно заинтересован в сохранении сегодняшней еврозависимости российского энергетического сектора. Во-вторых, Запад и, прежде всего, США заинтересованы в стратегическом сдерживании растущих экономик Китая, Индии и других стран АТР. Проблема энергодефицитности этих экономик остается важным фактором влияния на их развитие со стороны США, стремящихся контролировать силовое поле глобальной энергополитики.

Тем не менее во многих странах Евросоюза сохраняется беспокойство по поводу все большей зависимости Европы от российских углеводородов.

---

¹ Project Syndicate. 2008. 8 Oct.

² См.: Кимура Х. Чтобы сделать отношения между Японией и Россией полнокровными. URL: www.eri-21.org.jp/Russia (дата обращения: 14.01.10).

Тревожные настроения отчасти объясняются тем, что в последнее время взаимоотношения России и ЕС осложнились. Это касается и выборов в Украине (2004–2005 гг.), когда Запад и Москва заняли противоположные позиции. Это касается и наведения порядка в Чечне в начале путинского правления. Это касается в целом негативных, с точки зрения Запада, проявлений путинского авторитаризма внутри России. После 5-дневной российско-грузинской войны в августе 2008 г. Россию многие стали воспринимать как «варвара на пороге».

Мотивы и перспективы поворота сибирских нефтяных рек на восток

Главным мотивом Кремля в деле диверсификации своих ресурсных потоков было стремление России избежать «колониальной» модели энергодиалога с Европой. Не секрет, что консолидированное требование евроатлантического мира заключалось в том, чтобы энергетический потенциал России не мог стать фактором ее политического суверенитета. В итоге давление на Россию носило неприемлемый для Кремля характер и заключалось в требовании выровнять внутренние цены с европейскими — либерализация внутренних цен на газ; доступе иностранных инвесторов к российским месторождениям — интернационализация добывающей отрасли; принципе ограничения удельного веса России на европейском энергетическом рынке и т.д. В довершение ко всему, в области российской энергетики Запад оказался заиклен на ряде проблем, которые стали предметом неумеренных нападок и политизации. К ним относятся:

- «рениационализация» российского энергетического сектора, которая сопровождалась скандалами, связанными с «делом Юкоса» и вытеснением западных компаний из нефтегазовых проектов;
- отказ России ратифицировать Договор к энергетической Хартии и соответствующий Транзитный протокол;
- курс Кремля, допускающий использование энергетических ресурсов в качестве инструмента политического воздействия на международной арене;
- монополистический статус «Газпрома» и его политический вес, с которым ассоциируется агрессивная энергополитика России.

Создание такого образа России имело целью вынесение ей приговора как государству, не поддающемуся никаким демократическим доводам и впавшему в авторитарную стагнацию. Очевидно, что энергодиалог Россия–ЕС оказался слишком политизирован и перегружен ценностно-идеологическими аспектами, которые начали сильно раздражать российское руководство.

Первый мотив ресурсного поворота России на восток связан с фактором национальной безопасности. Руководство Кремля пришло к твердому пониманию того, что принципом, позволяющим избежать «колониальной» модели через энергодиалог с Европой, является *диверсификация энергополитического партнерства*. Распределение российского экспорта энергоносителей между несколькими мировыми центрами силы могло стать условием независимости страны. Китай, Япония, Корея и другие страны АТР жизненно заинтересованы в поставках российских углеводородов и готовы даже вкладывать средства в создание сопутствующей инфраструктуры.

Второй серьезный мотив поворота на восток — ресурсный предел вышеописанного энергодиалога Россия–ЕС. Так, известно, что спрос на газ в

Европе растет, а на нефть — нет. Если в 1999 г. ЕС импортировал из России 16 % потребляемой им нефти, то позже эта доля снизилась до 14–15 %. Как подчеркивается на Западе, хотя Россия и является важным для Европы поставщиком нефти, все же ее роль не столь существенна и зависимость Европы от российской нефти маловероятна. Это позволяло заключить, что Россия в большей мере зависит от европейского рынка, нежели ЕС от российской нефти. Таким образом, столь сомнительный рост на ведущем для России рынке не мог не вызвать беспокойства у российского руководства. Совокупность всех приведенных обстоятельств привела к тому, что Кремль обратил внимание на более перспективные восточные рынки и начал строить восточноазиатскую энергетическую и транзитную политику. Европейский крен российской энергополитики начал уравниваться развитием северо-восточных энергетических коридоров. Бывший в то время главой «Транснефти» Семен Вайншток заявил, что Россия уже «перекормила Европу нефтью», и повторил предложение диверсифицировать нефтяные потоки путем прокладки трубопроводов на Дальний Восток.

Данная ситуация поставила на повестку дня строительство нефте- и газопроводов в Восточную Азию. По оценкам Министерства энергетики США, из 7 млн баррелей экспортной нефти в день лишь 4 млн переправляется по магистральным трубопроводам, а остальная часть транспортируется по железной дороге и водным транспортом.

Третий мотив заключается в колоссальных возможностях восточно-азиатских рынков и их притягательности для России. Объективно российский поворот на восток легко объясняется тем, что Восточная Азия была местом стремительно растущих индустриальных экономик, которые остро нуждались в минерально-сырьевых ресурсах. Для Китая и Японии наличие дополнительных источников энергии, которые не зависят от Персидского залива, также имеет стратегическое значение. Особенно это важно для Китая, поскольку морские пути, по которым нефть доставляется из Персидского залива, проходят через Малаккский пролив — весьма уязвимый пункт, который легко может быть блокирован в случае военных действий. Поэтому Китай всерьез заинтересован в создании надежных сухопутных энергетических коммуникаций, берущих начало на богатых нефтью и газом территориях России и Казахстана.

Четвертый мотив — ценностно-идеологический. Немаловажным фактором, облегчающим взаимодействие двух государств, является то, что политические системы азиатских стран лучше совместимы с российской «суверенной демократией». К тому же восточные лидеры не имеют привычки обставать торгово-экономическое взаимодействие политическими условиями. Это подтверждается интересными фактами из истории новейших российско-китайских взаимоотношений. Как сообщила «Независимая газета» 15 октября 2004 г., во время визита В. Путина в Китай в середине октября 2004 г. одному из высокопоставленных членов российской делегации задали вопрос: кто оказался более тяжелым партнером по переговорам — Евросоюз или Китай? «Евросоюз, конечно, был более тяжелым», — ответил российский представитель. Пекину явно импонировал намек Путина в интервью китай-

---

ским СМИ о том, что на Западе есть силы, которые хотели бы использовать часть террористического интернационала для развала России. Тема двойных стандартов в отношении «демократии», «прав человека», «терроризма» и «прав меньшинств» также одинаково близка руководителям Китая и России.

Аналогичным образом российские и китайские госкомпании объединяет то, что они в равной степени подвержены санкциям, выработанным на основании ценностно-идеологических критериев со стороны западных политических институтов. Любопытно, что в связи с размещением PetroChina в 2001 г. глава Комиссии по ценным бумагам и биржам США Лора Ангер подписала документ, согласно которому риски, связанные с нарушениями прав человека компаниями-эмитентами, объявлялись «материальными». С этого момента зарубежных инвесторов обязали полностью раскрывать информацию об инвестициях в страны, на которые США наложили санкции в связи с нарушениями в них прав человека. С этим правилом, в частности, связывают отказ «Лукойла» от листинга на нью-йоркской фондовой бирже.

Неудивительно, что такая политика толкает российские и азиатские энергетические компании навстречу друг другу. Обычной практикой стала активная поддержка со стороны азиатских нефтегазовых игроков российских компаний во время размещения акций на мировых фондовых биржах. Показателен случай, когда Дж. Сорос и руководство крупной британской инвесткомпаний F&C Asset Management пытались бойкотировать IPO «Роснефти» с помощью активной пиар-компани. Это было связано с обстоятельством приобретения «Юганснефтегаза» — добывающего актива «Юкоса». Дж. Сорос заявил в адрес «Роснефти», что компания, основной актив которой приобретен таким непрозрачным способом, не должна выходить на западные финансовые рынки. Однако именно вмешательство азиатских компаний помогло «Роснефти» преодолеть это препятствие. 19 июля 2006 г. азиатские стратегические инвесторы активно поддержали размещение «Роснефти» во время торгов на российской (РТС и ММВБ) и лондонской (LSE) фондовых биржах. В первую очередь это малайзийская Petronas (\$1,1 млрд) и китайская China National Petroleum Corporation, вложившая в IPO \$500 млн. Велись переговоры об обмене активами с индийской государственной компанией ONGC. Что касается западных нефтяных компаний, то купить акции «Роснефти» решилась только BP (\$ 1 млрд), которая в свое время вложила деньги в нефтекомпанию PetroChina, находящуюся в госсобственности Китая.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, которое отличало российские позиции на Востоке от российских позиций на Западе. Дело в том, что на европейском и в целом западном направлении мощь России как «энергетической сверхдержавы» постоянно подвергается испытанию по мере роста амбиций соседних государств как «стран-транзитеров» (Украина, Польша, Грузия). В связи с этим спецификой дальневосточного энергетического ареала является то, что в отличие от Каспийско-Черноморского региона (многие из стран которого добиваются роли транзитных государств для транспортировки российских и центральноазиатских углеводородов) Россия выступает здесь в двух незыблемых ролях: «страны-производителя» и «транзитного государства».

---

* * *

Таким образом, в основе восточно-азиатского энергетического сдвига России лежали стратегические соображения кремлевского руководства. Прежде всего желание утвердить российские позиции как самостоятельной силы в меняющемся мире. Россия продолжала подвергаться критике США и Евросоюза за «отступление от демократии», а затем и за газовые конфликты с Украиной. Такой курс был оценен американскими мозговыми центрами как «неверный путь России». Отвечая на эти вызовы, Россия потеряла всякие иллюзии по поводу закрытой интеграции с Западом. Все говорило о том, что кооперация с Западом достигла своих естественных пределов. Это толкало Москву в направлении ускорения сотрудничества с новыми партнерами в Азии. Ведущий немецкий эксперт по России Александр Рар отметил, что Европа находится в состоянии «холодного мира», а Россия, отвергнутая Западом, повернулась к Азии¹. Александр Чудодеев писал: «Есть все основания верить, что энергетическая кооперация с Китаем является нашим самым большим национальным проектом»².

Россия рассматривает интеграционные проекты в АТР сквозь призму удержания эффективного контроля над дальневосточными территориями.

¹ См.: Europe experiences a «cold peace»// Die Welt. 2005. 20 Dec.

² Чудодеев А. Одной нефтью мазаны // Итоги. 2006. 27 марта.

С.Т. Артемова,

кандидат юридических наук, доцент

Ульяновского государственного университета

Развитие идей о конституционном правосудии в России в дореволюционный период

О конституционном правосудии речь может идти только в том случае, если основным законом страны является конституция, так как главной задачей конституционной юстиции является проверка соответствия иных нормативных правовых актов конституции и поддержание таким образом конституционной законности. Поскольку в дореволюционной России фактически и юридически не было конституции, нельзя говорить даже о возможности создания предпосылок для возникновения конституционной юстиции в указанный период.

Вместе с тем в монархической России высказывались идеи, выработывались концепции, выдвигались конституционные проекты, затрагивающие вопросы конституционной законности, надзора и контроля в области права. Теоретические и практические разработки в области права не только представляют для нас исторический интерес, но и имеют важное практическое значение, поскольку именно эти разработки использовались в России при решении вопросов правовой охраны конституции, конституционного надзора и контроля, включая создание органов конституционной юстиции.

Начало практического воплощения идей о надзоре за исполнением законодательства можно отнести ко второй половине XVII в. Именно в это время были предприняты первые попытки систематизации законодательства. Речь идет о Новоторговом уставе 1667 г., Новоуказных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г., Новоуказных статьях о поместьях 1676 г., указах 1681 г. «Об учинении в приказах вновь статей о таких делах, которых в Уложении не напечатано и в новых статьях не написано», «О сочинении во всех приказах проектов для пополнения Уложения и новоуказанных статей»¹. В перечисленных нормативных правовых актах содержалось указание на необходимость систематизации российского законодательства того времени и проведения работы по выявлению правовых пробелов и их заполнению законодателем.

XVIII век для юридической науки и практики характеризуется тем, что в России стали появляться государственные учреждения с ярко выраженными надзорными функциями за состоянием и исполнением законодательства. По указу Петра I от 2 марта 1711 г. был учрежден Правительствующий Сенат, который наделялся надзорными полномочиями по отношению к судебным органам за выдачей казенных векселей. Кроме того, Сенат обладал и полномочиями по контролю за государственными расходами².

Указом Петра I в 1714 г. была также создана фискальная служба. Несмотря на то, что данный орган создавался «как доверенное лицо царя», он входил в состав Сената и именно через него осуществлялся надзор за всем государственным аппаратом с тем, чтобы этот аппарат действовал в соответствии с законодательством³. В Указе Петра I от 5 марта 1711 г. фискалу поручалось «над всеми тайно надсматривать и проводывать про неправый суд, також — в сборе казны и прочего»⁴. Указом от 17 марта 1714 г. «О фискалах, о их должности и действии» были более четко определены функции, порядок деятельности и структура фискальной службы. Ей вменялось в обязанность «проводывать и доносить обо всех нарушениях закона», «о взяточничестве, казнокрадстве и прочем», «что вред государственному интересу быть может», «о других делах народных, по которым нет челобитчика»⁵.

Институт фискалитета в России просуществовал сравнительно недолго и в 1729 г. был ликвидирован⁶. Причины его ликвидации состоят в том, что фискалы действовали тайно, они не являлись публичным государственным органом. Существование их за счет «собственных кормовых денег» приводило к поборам, взяточничеству и к мздоимству самих фискалов. Фискальная служба дискредитировала себя тем, что не только не выполняла тех задач, которые были на нее возложены, но и сама была поражена теми пороками, против которых она должна была бороться. Все это привело к тому, что

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ) : в 45 т. Т. 1 (1649–1675). 408, 441; Т. 2 (1676–1688). 633, 900; Т. 3 (1689–1699). 1513.

² См.: Памятники русского права. Вып. 2: Законодательные акты Петра I. М., 1961.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. IV. Законодательство периода становления абсолютизма.

⁴ ПСЗ. Т. 4. 2331.

⁵ См.: URL: <http://historyru.com> (дата обращения: 10.12.09).

⁶ См.: ПСЗ РИ. Т. 8 (1728–1732). 5431.

институт фискалитета был постепенно заменен созданной в 1722 г. прокуратурой. При этом прокуратура и фискалитет очень непродолжительное время существовали вместе. Нам представляется, что переход функций фискалов к работникам прокуратуры объясняется присущими институту фискалитета недостатками, о которых речь шла выше. Впервые эту точку зрения высказал в конце XIX в. известный русский юрист Н.В. Муравьев¹. Он полагал, что прокуратура была создана для исправления или замены института фискалитета как более низкой формы организации надзора, не выдержавшей конкуренции².

Первым законодательным актом о прокуратуре являлся Указ Петра I от 12 января 1722 г. «Об обязанности Сенатских Чинов, о заседании Президентов Воинских Коллегий, Иностранной и Берг-коллегий в Сенате, о бытии при Сенате Генерал и Обер-прокурорам, Рекетмейстеру, Экзекутеру и Герольдмейстеру, а в каждой Коллегии по Прокурору; о выборе кандидатов к оним местам, и о чинении при сем выборе и баллотировании присяги по приложенной форме», которым была учреждена прокуратура во главе с генерал-прокурором³. На генерал-прокурора возлагались обязанности по наблюдению за правильным производством дел вообще и в Сенате в особенности, а также за исполнением уже решенных дел. Аналогичным образом была определена компетенция прокуроров при коллегиях. 18 января 1722 г. Петр I учредил должности прокуроров в провинциях при надворных судах⁴. Следовательно, прокуроры стали осуществлять не только надзор за соблюдением законов органами власти и управления, но и надзор за судами. При этом следует особо подчеркнуть, что прокуратура была изначально создана и действовала как институт надзора за деятельностью государственного аппарата, что в конечном итоге оказывало влияние на утверждение законности в обществе и соблюдение законных интересов российских подданных.

Компетенция прокуроров при государственных учреждениях распространялась на регулирование вопросов соответствующего ведомства. Работники присутственных мест осуществляли решение того или иного вопроса, а прокуроры наблюдали за производством, охраняя законность, не принимая в решении вопроса непосредственного участия. В результате, как отмечают

¹ *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1989. С. 287.

² Следует отметить, что по этому вопросу существуют и другие точки зрения, в разное время высказанные отечественными историками и юристами. Так, С.А. Петровский, Н.П. Ерошкин, Н.И. Павленко считали, что фискалитет и прокурорский надзор существуют рядом, дополняя друг друга. При этом один карает совершенные преступления, а другой старается предупредить их. См.: *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 184; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 94; *Павленко Н.И.* У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. 12. С. 13. Историк А.Д. Градовский сосуществование прокуратуры и фискалитета объяснял тем, что «система фискалов шла снизу вверх, останавливаясь только там, где начиналось центральное управление, прокуратура оканчивается именно там, где начиналось местное самоуправление». См.: *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1899. Т. 1. С. 149. Приведенные точки зрения объясняют сам факт одновременного сосуществования прокуратуры и фискалитета, не затрагивая вопроса замены фискалов прокуратурой.

³ См.: ПСЗ РИ. Т. 6 (1720–1722). 3877.

⁴ См.: Там же. 3880.

исследователи, в России возник институт надзора, заимствовавший опыт деятельности работников французской прокуратуры, шведских омбудсменов, шведских и немецких фискалов, а также включающий в себя чисто русские изобретения¹. Из Франции помимо названия была заимствована иерархическая командная структура института и главная функция прокуратуры — надзор за точным исполнением закона тем или иным органом, при котором находился прокурор. К шведскому омбудсмену русский генерал-прокурор был близок тем, что он также надзирал за исполнением указов. Ему, как и омбудсмену, были подчинены фискалы.

Прокуратура была более прогрессивным явлением в сравнении с институтом фискалов. Прокурорский надзор осуществлялся постоянно, в то время как фискалы, не прикрепленные к присутственным местам, действовали от случая к случаю. Прокурорский надзор мог носить превентивный, предупредительный характер. Фискалы же расследовали состоявшиеся злоупотребления. Наконец, прокуроры действовали открыто, а фискалы тайно.

В 30-е гг. XVIII в. полномочия прокуроров были более четко определены и нашли свое юридическое закрепление в «Должности губернского прокурора», утвержденной 3 сентября 1733 г.² Губернским прокурорам вменялись такие же обязанности, как и прокурорам прежних надворных судов. Деятельность прокуроров в этот период имела, как и прежде, две основные формы: опротестование незаконных решений администрации и суда, а также судебно-административное информирование генерал-прокурора. В связи с этим нам представляется недостаточно обоснованной позиция некоторых исследователей, согласно которой роль прокуратуры принижалась тогда, когда в государственном механизме нарушался порядок, в частности, после смерти Петра I³. Приведенные факты из истории законодательства показывают, что прокуратура продолжала выполнять свои функции и в периоды реакции, несмотря на то, что верховная власть и государственный аппарат не всегда считались с работой прокуратуры. Следовательно, причины снижения роли прокуратуры следует искать не в недостатках ее работы, не в ней самой, а в тех конкретных исторических условиях, в которых ей приходилось работать.

При Екатерине II роль прокуратуры возросла. Генерал-прокурор, по выражению Н.П. Ерошина, превратился «в своеобразного министра по делам внутреннего управления»⁴. Такой вывод стал возможен потому, что в екатерининскую эпоху расширились надзорные функции прокуратуры: она стала органом общего и судебного надзора, надзора за местами лишения свободы.

В дальнейшем развитие прокуратуры, вплоть до судебной реформы 1864 г., происходило, в основном, в рамках модели прокуратуры надзорного типа

¹ См.: Дегтярова Н.Н. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации: институциональный и сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15; Зайков С.Ю. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10.

² См.: ПСЗ РИ. Т. 6 (1720—1722). 6475.

³ См.: Дегтярова Н.Н. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации: институциональный и сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15—16.

⁴ Ерошин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 127.

при усилении или уменьшении роли прокуратуры в системе государственных органов, а также уточнении ее функций и полномочий. При этом основными факторами, влияющими на статус прокуратуры, оставалась воля монарха, а также изменение экономических, социальных и правовых условий развития страны.

XVIII век характеризуется и тем, что в этот период были совершены существенные шаги в плане опубликования и толкования нормативных правовых актов. Так, в Указе о порядке наследования 1714 г. говорилось об обязанности письменного оформления законов, их публикации и доведения до сведения народа¹. В указе 1722 г. о хранении прав подданных речь шла о необходимости неукоснительного соблюдения законов², были поставлены вопросы толкования законов. Эта функция была возложена на Сенат. При этом устанавливались требования четкости и ясности изложения правовых норм³. Указом от 23 апреля 1720 г. определялся порядок систематизации нормативных актов⁴.

Вторая половина XVIII в. была ознаменована тем, что в научно-теоретической мысли России стали появляться проекты и идеи, отражающие интересы различных слоев населения, в которых затрагивались вопросы изложения правовых норм, их согласованности и непротиворечивости. Имеются в виду взгляды Н.И. Панина, Д.И. Фонвизина, А.А. Безбородко и первого русского профессора права С.Е. Десницкого. Несмотря на то, что проблемы конституционной юстиции в их работах не рассматривались, некоторые их идеи, касающиеся нормотворчества и систематизации законодательства, оказали свое влияние на утверждение законности в государстве. Д.И. Фонвизин по этому поводу писал: «Государь не может ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как поставя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог нарушить сам, не перестав быть достойным государем»; «ясность законов должна быть такова, чтобы ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтобы из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права»⁵. С.Е. Десницкий указывал на то, что «нужно всем вообще прилежать к познанию своего закона для соблюдения единственно токмо собственности и свободы»⁶.

В XIX в. общественными и государственными деятелями, представителями различных классов и слоев российского общества было выдвинуто значительное количество конституционных проектов различных направлений. В некоторых из них нашли свое отражение вопросы конституционного контроля.

Наиболее значимым проектом правительственного направления являлся проект М.М. Сперанского, нашедший свое отражение в работах «О коренных

¹ См.: ПСЗ РИ. Т. 5 (1715–1719). 2789.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 4.

³ См.: *Вайченко А.Б.* Взгляды Петра I на власть и закон // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982.

⁴ См.: ПСЗ. Т. 5 (1715–1719). 3006.

⁵ *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 255; 264–265.

⁶ *Десницкий С.Е.* Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII в. М., 1959.

законах государства», «Записка об устройстве судебных правительственных учреждений в России», «Введение в Уложение государственных законов»¹. В них М.М. Сперанский одним из первых обосновал обязательность соответствия нижестоящих правовых актов вышестоящим, а также обратил внимание на стабильность и долговременность вышестоящих законов. Он подчеркивал, что «во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, непреложные, с какими бы все другие законы могли быть соображаемы»².

В своих работах М.М. Сперанский выдвинул классификацию законов. По его теории выделяются законы государственные (конституционные); законы гражданские; законы уголовные. На основе приведенной классификации ученый сделал вывод о том, что законы гражданские и законы уголовные должны соответствовать законам государственным, «что по необходимости быть сообразно государственному закону, следовательно, и способы, коими оно приводится в исполнение, должны быть на нем же основаны»³.

По мнению М.М. Сперанского, для того чтобы обеспечить соответствие нормативных правовых актов государственным законам необходима охрана закона, которая должна стать одной из функций законодательного сената. Законодательный сенат обязан решать по представлению судного сената случаи, законом не определенные, и решать их «согласно государственному закону, представляя на утверждение государю». При этом новые учреждения (сенат законодательный и сенат судный) «должны быть сообразны с государственным законом, а сообразность сию никто не может удостоверить, кроме того, кому вверено охранение закона»⁴.

Если перевести эти рассуждения М.М. Сперанского на современный язык и проанализировать их с позиций нынешней правовой терминологии, то они означают следующее: в России должен быть создан орган, призванный участвовать в осуществлении конкретного нормоконтроля, проверять нормативные правовые акты на предмет их соответствия законам, обладающих более высокой юридической силой. Именно в этом ключе, в соответствии с современной доктриной конституционного права оценил эти рассуждения М.М. Сперанского М.А. Митюков⁵.

Идеи правовой охраны государственных законов были воплощены в Государственной уставной грамоте Российской империи 1820 г., подготовленной Н.Н. Новосельцевым, П.А. Вяземским, А. Дешаном, которая с современных позиций достаточно проанализирована Ю.Л. Шульженко⁶.

Заслуживает внимания проект представителя революционного движения П.И. Пестеля, представленный в «Русской правде»⁷. В системе разделения

¹ См.: *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.

² План преобразований графа М.М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 2.

³ Там же. С. 154–156.

⁴ План преобразований графа М.М. Сперанского. С. 178.

⁵ См.: *Митюков М.А.* К истории конституционного правосудия в России. М., 2002. С. 20.

⁶ См.: *Шульженко Ю.Л.* Вопросы правовой охраны конституции в дореволюционной России // Конституционный строй России. М., 2003. Вып. 4. С. 11.

⁷ См.: Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. 7.

властей он предполагал наличие «блюстительной», или «надзирательной» власти, осуществление которой он возлагал на Верховный Собор. 120 его членов, по проекту П.И. Пестеля, назначались Народным вече из губернских кандидатов пожизненно. Они были не вправе заниматься законодательной и исполнительной деятельностью. Верховный Собор наделялся правом утверждать принятые Народным вече законы, не вникая в их содержание и анализируя одну лишь их форму в целях соблюдения законности. Законы вступали в силу только после утверждения Верховным Собором. Такие полномочия дали возможность исследователям сделать вывод о том, что Верховный Собор являлся «своеобразным органом конституционного надзора»¹. М.А. Митюков по этому поводу отмечает, что с позиций современной доктрины конституционного права по проекту П.И. Пестеля предполагалось создать специализированный орган, осуществляющий формальный предварительный конституционный контроль².

Следует также обратить внимание на правовые позиции П.И. Пестеля, связанные с тем, что в случае, если какое-либо правительственное учреждение, не имеющие право издавать законы, издаст таковые, то граждане обязаны оказать неповиновение и противиться им до разрешения конфликта властями. Здесь, как отмечает Ю.Л. Шульженко, речь в определенной степени идет о воплощении принципа нерушимости, незыблемости конституции, защиты ее любыми средствами, закрепленного в наши дни в основных законах ряда государств³.

Проблема конституционного контроля затрагивается и в проекте конституции декабриста Н.М. Муравьева. Говоря современным языком, в нем устанавливалось право парламента на конституционный контроль, парламент наделялся не только правом на принятие судебных и исполнительных законов, но и полномочиями по их отмене. Проект Н.М. Муравьева предусматривал и такую форму охраны конституции, как вето главы государства. Конституционный монарх мог одобрить и подписать законопроект, принятый парламентом, или наложить на него вето, направив законопроект в парламент на новое рассмотрение. Для преодоления вето главы государства требовалось конституционное большинство голосов депутатов парламента — две трети от их общего числа. В случае преодоления вето глава государства был обязан подписать закон⁴.

Кроме конституционных проектов П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева в среде декабристов высказывались идеи о создании специализированного конституционного контроля.

Реформы второй половины XIX в. положили начало постепенному эволюционному превращению России по форме правления из монархии абсолютной в монархию конституционную. Несмотря на то, что этот процесс, вплоть до революции 1917 г. оставался незавершенным, были сделаны существенные

¹ Куприц И.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. М., 1980. С. 41–42.

² См.: Митюков М.А. Указ. соч. С. 22.

³ См.: Шульженко Ю. Л. Вопросы правовой охраны конституции в дореволюционной России. С. 16.

⁴ Текст проекта конституции Н. Муравьева. См.: Шульженко Ю.Л. Из истории федерации в России (монархический период). М., 2005.

шаги в этом направлении, позволившие ряду тогдашних представителей науки государственного права сделать вывод о том, что Россия после 1905 г. по форме правления стала конституционной, ограниченной, представительной монархией, хотя и наименее развитого типа¹. Следует отметить, что эта точка зрения в советский период не получила развития и не имела своих последователей, сказывались идеологические догмы того времени, не дававшие возможности объективного рассмотрения данной проблемы. Современные исследователи, вновь обратившись к этой теме, подтвердили правоту российских ученых-юристов дореволюционного периода².

Следует отметить, что в начале XX в. в России был принят ряд важных нормативных правовых актов, созданы новые органы государственной власти. В Основных законах³ вопросы конституционного контроля не рассматривались, но в них были закреплены основополагающие идеи о законности и правопорядке — тех явлениях российской действительности, которые составляют предмет и одновременно цель конституционного контроля и надзора.

В научных работах начала XX в. был поставлен вопрос о создании специализированного органа конституционного контроля — конституционного суда (трибунала). Обращают на себя внимание идеи одного из теоретиков федерализма в России А. Яценко, который отмечал: «Очень существенной гарантией точного соблюдения компетенции, как с автономической, так и с федеративной точки зрения, является то, чтобы споры о компетенции в пределах данной конституции разрешались не одной из спорящих сторон, а особым беспристрастным учреждением, верховным конституционным судом»⁴.

Таким образом, подавляющее большинство ученых-государствоведов в начале XX в. были сторонниками конституционного контроля, осуществляемого в судебной форме. При этом подчеркивалось, что в целях деполитизации суды не должны были решать вопросы политики⁵.

Вопросы конституционного правосудия были поставлены в нормативных правовых актах и конституционных проектах еще в дореволюционной России. Свое теоретическое обоснование они нашли в работах общественных деятелей и известных теоретиков права и ученых-государствоведов того времени. При этом вектор развития научных воззрений был направлен от конституционного надзора к конституционному контролю в виде судопроизводства, от предварительного конституционного контроля к последующему. Определялась и

¹ См.: *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Пг., 1917. Т. 1: Конституционное право. Вып. 1. С. 63; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 1: Введение и общая часть; *Палиенко Н.И.* Основные законы и формы правления в России. Юридическое исследование. Харьков, 1910. С. 4, 55–71. Лишь незначительная часть ученых дореволюционной России продолжала считать, что государственные реформы того периода не привели к созданию конституционной монархии, которая в своей основе продолжала оставаться абсолютной. См.: *Рейснер М.А.* Государство. М., 1911. С. 148–149.

² См.: *Наше Отечество. Опыт политической истории.* М., 1991. Т. 1. С. 113–153; *Сенцов А.А.* Развитие формы Русского государства в начале XX в. // *Правоведение.* 1990. 4. С. 88–93; *Мазуров А.В.* Конституция и общественная практика. М., 2004. С. 89–90.

³ См.: ПСЗ РИ. Собр. 3: в 33 т. Т. 26. Часть вторая (1906 г.). 27805.

⁴ *Яценко А.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 352.

⁵ См.: *Герье В. И.* О конституции и парламентаризме в России. М., 1905. С. 25.

компетенция органов конституционного правосудия, включающая проверку конституционности законов и иных нормативных правовых актов; толкование законов; разрешение споров о компетенции между органами государственной власти, а в случае перехода на федеративную форму государственного устройства — разрешение споров о компетенции между органами власти федерального и регионального уровней. Именно эти направления конституционного контроля были восприняты в современной России и нашли свое выражение в определении компетенции Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

М.П. Беспалова,
*проректор Ульяновского
государственного университета*

Особенности развития местного самоуправления в Российском государстве в советский период

Революция 1905 г. показала, что народ, не имея возможности отстаивать свои интересы (например, трудовые права) законным путем, входит в открытое противостояние с самодержавием. Февральская революция 1917 г. принесла с собой всеобщее избирательное право и пропорциональную систему выборов. Именно на такой основе в июне 1917 г. прошли выборы в Московскую городскую думу. Новые органы самоуправления существовали очень недолго. Политическое разобщение российского общества привело к тому, что, несмотря на всеобщие выборы, местное самоуправление в 1917 г. не смогло стать реальной политической силой и одержать верх над новой формой общественного управления — Советами. После октябрьских событий 1917 г. большевики сразу взяли под контроль местные органы власти.

3 марта 1917 г. Временное правительство приняло декларацию, в которой в качестве цели определялась реформа местного самоуправления с установлением всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех граждан, достигших 20 лет.

5 марта 1917 г. было издано распоряжение Временного правительства о передаче власти в губерниях и уездах комиссарам Временного правительства, которыми в основном становились представители земских управ. При Министерстве внутренних дел было создано Особое совещание. Его задачей была подготовка необходимых материалов по реформе местного самоуправления.

15 июля 1917 г. было утверждено Положение о поселковом управлении, которое должно было вводиться в железнодорожных, фабрично-заводских, рудничных, дачных и иных населенных пунктах при условии наличия там необходимых местных потребностей в благоустройстве. Постановлением Временного правительства от 21 мая 1917 г. «О волостном земском управлении» было учреждено волостное земство.

В целом можно констатировать, что Временным правительством была создана достаточно полная нормативная база для формирования местного самоуправления, представляющая практический интерес и в настоящее время.

В основу организации советской власти на местах и советского законодательства о городском самоуправлении на территории России был положен принцип единства системы Советов как органов государственной власти. Все Советы были звеньями единой системы, высшим организационным принципом которой являлся демократический централизм, допускающий формально самостоятельность на местах, но в действительности приводящий к жесткой централизации и концентрации государственной власти, отсутствию у местной власти собственной исключительной компетенции и финансовой самостоятельности. Любые решения местных Советов могли быть отменены вышестоящим Советом¹.

В 1918 г. была принята Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР)², которая установила, что Советы депутатов образуются в городах и в селениях. Срок полномочий депутатов составлял всего три месяца. В тех сельских местностях, где это было осуществимо, вопросы управления могли разрешаться общим собранием избирателей данного селения непосредственно. Для текущей работы Совет избирал из своего состава исполнительный орган (Исполнительный комитет), который был всецело ответствен перед избравшим его Советом. Конституция гласила, что в границах своего ведения Совет (а в отдельных случаях общее собрание избирателей) есть высшая в пределах данной территории власть (ст. 56).

С первых дней своего существования Советы депутатов стремились либо сменить органы местного самоуправления, либо взять их под свой контроль. Постепенно Советы депутатов сменяли на местах органы земского и городского самоуправления. Таким образом, Конституция РСФСР 1918 г. установила принцип единства Советов как органов государственной власти с жесткой подчиненностью нижестоящих органов вышестоящим.

Как уже было отмечено, в советское время одним из основных принципов организации и деятельности всех звеньев Советов являлся принцип демократического централизма, который отражался и в конституциях советского периода, и в законах, регламентирующих организацию деятельности отдельных звеньев Советов. Это Закон о поселковых, сельских Советах народных депутатов РСФСР (1968 г.); Закон о городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР (1971 г.); Закон о краевом, областном Совете народных депутатов (1980 г.).

В целом местное самоуправление стало рассматриваться как институт, свойственный исключительно буржуазной демократии³. Только в начале 60-х гг. XX в. постепенно стали вновь развиваться исследования о местном территориальном самоуправлении. Проблема правового статуса местных

---

¹ См.: *Мохорова А.Ю.* Особенности организации местного самоуправления в городах федерального значения Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 72.

² См.: Конституция (Основной Закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. // Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемый Народным комиссаром юстиции. 1918. 5, ст. 582.

³ См.: *Выдрин И.В., Кокотов А.Н.* Муниципальное право России. М., 1999. С. 102.

органов власти снова была поднята в период подготовки и обсуждения проекта Конституции СССР 1977 г. Итогом стало закрепление в Конституции положения о наличии в Советском Союзе системы местных органов государственной власти, принципиально не отличающегося от ранее действовавшего конституционного положения.

К предметам ведения Советов на местах было отнесено проведение в жизнь всех постановлений высших органов Советской власти; принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношении; разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение; объединение всей советской деятельности в пределах данной территории (ст. 61), то есть сфера полномочий местных Советов была очерчена крайне нечетко.

Можно сказать, что Конституция РСФСР 1918 г. устанавливала единство предметов ведения местных съездов, Советов и избираемых ими исполнительных органов — исполнительных комитетов (позднее — президиумов Советов)¹.

Съездам Советов и их исполнительным комитетам принадлежало право контроля над деятельностью местных Советов, а областным и губернским съездам Советов и их исполнительным комитетам — право отмены решений действующих в их районе Советов, с извещением об этом в важнейших случаях центральной советской власти.

Весьма интересно регулирование избирательного права: оно предоставлялось с учетом цензов гражданства, возраста (с 18 лет) и рода занятий («все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, солдаты Советской Армии и Флота; граждане, входящие в перечисленные категории, но потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность» (ст. 64)).

К участию в выборах не допускались лица, прибегающие к наемному труду, лица, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, духовные служители, служащие и агенты бывшей полиции и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома. Сохранялись и стандартные, принятые еще в царской России ограничения для недееспособных и осужденных за преступления по приговору суда.

Конституция СССР 1924 г. зафиксировала факт образования союзного государства, определила структуру и полномочия его высших органов и, в общем плане — правовое положение (суверенные права) союзных республик. Она практически не затрагивала вопросов деятельности местных органов власти, отнеся их к нормам республиканских конституций.

Спорной представляется точка зрения В.А. Слепака о том, что принятая на основе союзной Конституция РСФСР 1925 г. не изменила прежние нормы, регулирующие положение и компетенцию местных органов власти².

¹ См.: Чураков Д.О. Октябрь 1917 года и пути развития рабочего самоуправления в России // Проблемы местного самоуправления. 2005. 6. С. 91.

² См.: Слепак В.А. Особенности организации местного самоуправления в городах федерального значения (на примере г. Москвы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 78.

Указанная Конституция внесла некоторые изменения в регулирование статуса местных органов власти. Так, в гл. 5 «О местной власти» выделялся раздел «Б» — «Об исполнительных комитетах», в котором достаточно подробно определялся порядок избрания исполкомов местными съездами Советов, их ответственность перед съездами и вышестоящими исполкомами, порядок образования президиумов, отделов при исполкомах, их упразднения или слияния, а также «двойное» подчинение отделов.

К полномочиям местных Советов были добавлены еще два: составление и утверждение местных бюджетов и обеспечение в пределах данной территории революционной законности и охраны государственного порядка и общественной безопасности.

В Конституции РСФСР 1937 г.¹ раздел, посвященный самоуправлению, назывался «Местные органы государственной власти». Шла перестройка аппарата в сторону централизации. Советы стали работать постоянно, избираться на два года и называться Советами депутатов трудящихся. Конституция гласила, что они руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливают местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, содействуют усилению обороноспособности страны, обеспечивают соблюдение законов и охрану прав граждан. Однако исполкомы не стали высшими органами власти на местах, а превратились в исполнительно-распорядительные органы по руководству хозяйственными и культурными делами. Вся эта стройная система на практике дополнялась параллельно функционировавшей партийно-номенклатурной системой, которая зачастую подменяла Советы².

В 1950–1960-е гг. функции местных Советов подвергались изменению в ходе внедрения совнархозов, формирования политического курса на слияние города и деревни. В результате полномочия местной власти были сокращены.

Конституция СССР 1977 г. ушла далеко вперед в закреплении вопроса о местном самоуправлении, но это было связано, прежде всего, с усилением партийных установок. Их реализация на практике означала, что управление должно не только осуществляться в интересах трудящихся, но и шаг за шагом становиться непосредственным делом самих трудящихся. Наличие представительной системы не исключало других форм демократии.

Конституция РСФСР 1978 г.³ включала ряд норм, декларирующих расширение прав власти на местном уровне. Однако реально полномочия районных, поселковых и сельских Советов не были расширены. Они не обладали правом отмены незаконных решений организаций, учреждений, находящихся на их территории. Отсутствовало право установления административной ответственности. Финансовая система городских Советов была встроена в

---

¹ См.: Конституция (Основной Закон) РСФСР от 21 января 1937 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума ВС и постановлений Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 2. 1929–1939.

² См.: История государственного управления России : учебник / отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2002. С. 192.

³ См.: Конституция (Основной Закон) РСФСР от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РФ. 1978. 29, ст. 407.

общегосударственный бюджетный процесс и потому мало что оставляла для самостоятельного решения в отношении местных дел¹.

В конце 1980-х гг. провозглашается начало перестройки и демократизации общества. Были произведены попытки внедрения начал самоуправления в трудовые коллективы (хозрасчет, самофинансирование, выборность руководителей), а затем в качестве эксперимента — в хозяйствующие субъекты².

Анализ функционирования и законодательного регулирования местных Советов позволяет обобщить некоторые принципы, которые можно использовать в практике муниципального строительства на современном этапе развития Российской Федерации.

1. Участие широких народных масс в формировании и работе местных Советов. В составе более 52 тыс. Советов, действовавших на территории Союза ССР, работало свыше 2,3 млн депутатов. Свыше 2,3 млн органов общественной самодеятельности строили свою работу во взаимодействии с местными органами власти и объединяли в своих рядах более 28 млн человек.

2. Дифференцированный подход к законодательному регулированию различных звеньев Советов. В советской период действовали отдельные законы о краевых и областных, о районных и городских, о поселковых и сельских Советах, в которых разграничивались полномочия Советов по звеньям и по представительным и исполнительным органам.

3. Осуществление организации и деятельности местных Советов и их органов на основе принципа единой законности в условиях существования единого правового пространства.

4. Активное участие населения и местных Советов в обсуждении законопроектов, выносимых на всенародное обсуждение, что в истории новейшей России ни разу не проводилось.

5. Построение системы Советов на основе соподчиненности органов управления, в соответствии с принципом демократического централизма, при наметившейся в 80-е гг. XX в. некоторой децентрализации, усилении самостоятельности и повышении ответственности местных Советов и их органов.

В целом, анализируя советский период развития местного самоуправления, можно заключить, что, несмотря на декларацию широких прав местных Советов во всех конституциях этого периода, они так и не стали полноценными органами местного самоуправления. Советы не обладали ни финансовой, ни организационной самостоятельностью. Даже срок полномочий их депутатов (сначала три месяца, затем два года) свидетельствовал о том, что реальное их значение было сниженным. Избирательная система не обеспечивала альтернативности выборов; депутаты работали на общественных началах; принудительные полномочия у Советов на местах отсутствовали.

Опыт местного самоуправления советского периода представляет несомненную ценность, наглядно доказывая необходимость решения вопросов

⁴ См.: Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002. С. 29.

¹ См.: Гильченко Л. Местное самоуправление: долгое возвращение. Становление местного самоуправления в России. М., 1998. С. 151.

местного значения исключительно на местах, без вмешательства сверху. Для решения подобных вопросов требуются реальные полномочия, в первую очередь, финансовые, а также право издания общеобязательных нормативных актов местного уровня и возможность обеспечить их исполнение принудительной силой.

Этот опыт используется современным законодателем: органы городского самоуправления наделены определенной финансовой самостоятельностью и обладают правом издания муниципальных правовых актов, действующих на всей территории муниципального образования и обязательных к применению всеми субъектами права на этой территории. Проблема сохранилась в области обеспечения органов самоуправления принудительными полномочиями.

Особое внимание, на наш взгляд, стоит уделить переходному периоду становления городского самоуправления: от советской России к демократической Российской Федерации (с 1990 по 1993 гг.)

В апреле 1990 г. был принят Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»¹. Местное самоуправление понималось как «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения».

По сути указанный Закон совмещал два важнейших направления демократизации. Во-первых, в нем четко закреплялись принципы существования местного самоуправления, определялись структуры и функции его органов. Согласно Закону, система местного самоуправления включала местные Советы, органы территориального общественного самоуправления населения, а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии. Первичным уровнем территориального самоуправления признавался сельсовет, поселок (район), город. Союзным и автономным республикам давалось право самостоятельно определять другие уровни, исходя из местных особенностей. Во-вторых, документ ясно обозначил независимость и самостоятельность органов местного самоуправления с финансовой и экономической точек зрения².

6 июля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР»³, менее демократичный, чем союзный Закон, но более точно отражающий реальное состояние дел в области самоуправления. Его важнейшее достоинство — возможность использования практически напрямую. В данном Законе в ст. 1 дается легальное определение понятия местного самоуправления: «это самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц, на основе законов и соответствующей материальной и финансовой базы».

Переходный период развития самоуправления характеризуется неполным, в какой-то степени противоречивым законодательным регулированием.

¹ См.: Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. 16, ст. 267.

² См.: Свирин Ю.А. Исторические этапы развития местного самоуправления в России // Местное самоуправление. 2004. 4. С. 66.

³ См.: Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 29, ст. 1010.

Фактически это была попытка построить здание самоуправления на обломках рушащейся империи. Однако значение названного периода и нормативных актов, принятых в это время, очень велико. Именно они задали практически на десятилетия направления формирования городского самоуправления в современной России, дали определения важнейшим понятиям (самоуправление, муниципальная собственность и т.д.), установили гарантии осуществления самоуправления. С них началось российское муниципальное право.

В октябре 1993 г. в рамках разрешения кризиса власти в Российской Федерации было издано Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г.¹ В нем закреплялось следующее:

1) органами местного самоуправления в городах, сельских поселениях, других населенных пунктах являлись выборные и другие органы местного самоуправления — собрание представителей, глава местного самоуправления.

На территориях, включающих несколько городских или сельских поселений, совместным решением органов местного самоуправления мог быть создан единый орган местного самоуправления соответствующих территорий;

2) в городских и сельских поселениях с населением до 5 тыс. человек местное самоуправление могло осуществляться населением посредством собраний, сходов и выборным главой местного самоуправления, который периодически должен был отчитываться перед собранием, сходом. В иных населенных пунктах (городах, городских, сельских поселениях и др.) предусматривалось создание представительных коллегиальных органов местного самоуправления и главы местного самоуправления.

В городах и других поселениях с населением свыше 50 тыс. человек глава администрации назначался главой администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа либо избирался населением;

3) выборный представительный орган местного самоуправления работал, как правило, на непостоянной основе и созывался на свои заседания соответствующим главой местного самоуправления. При этом решения выборного представительного органа подписывались главой местного самоуправления.

В компетенцию выборного представительного органа местного самоуправления входило утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении, а также установление местных налогов и сборов (по представлению и согласованию с главой местного самоуправления), утверждение программы развития территорий, принятие положения (устава) о местном самоуправлении, осуществление контроля за деятельностью главы местного самоуправления;

4) к компетенции главы местного самоуправления относилось управление муниципальным хозяйством, распоряжение имуществом и объектами муниципальной собственности, разработка местного бюджета, обеспечение его исполнения, а также выполнение иных исполнительно-распорядительных функций. Причем данные функции глава местного самоуправления осуществлял непосредственно или через образуемые им органы;

¹ См.: Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. 44, ст. 4188.

---

5) органы местного самоуправления наделялись правом самостоятельно определять структуру местного самоуправления.

Важнейшей вехой в развитии местного самоуправления стало принятие Конституции Российской Федерации 1993 г., установивший отнесение местного самоуправления к формам народовластия, гарантированность местного самоуправления, наличие у местного самоуправления собственных полномочий, организационную обособленность органов местного самоуправления от органов государственной власти, муниципальную собственность, в том числе на землю.

Принятие 12 декабря 1993 г. новой Конституции разрешило ситуацию в пользу местного самоуправления и признало объективную необходимость его существования и правовых гарантий на высшем законодательном уровне. В ст. 1 Конституции РФ закреплено важнейшее положение о том, что Россия есть правовое государство, необходимым элементом которого является местное самоуправление.

В.В. Романов,

доктор исторических наук,

кандидат юридических наук,

профессор Ульяновского

государственного университета

Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг.

Ярмарки выступали объектом внимания местных подразделений политической полиции по ряду причин. Среди них выделяются как существенная роль эффективной ярмарочной торговли для нормального экономического развития страны, так и благоприятные условия для деятельности противников существующего государственного и общественного строя вследствие продолжительного и массового скопления случайных людей, интенсивных контактов между ними и др. Например, по сведениям Третьего отделения за 1860 г., далеко не самая крупная Царицинская ярмарка, открывающаяся 24 июня, продолжалась в среднем до трех недель¹.

Составители «Обзора деятельности Третьего отделения... и Корпуса жандармов за 25 лет» в пункте «Действия жандармов по разным частям управления» необъективно указывали, что причиной такого внимания к ним местных подразделений было отсутствие в стране важных политических событий. Однако и впоследствии ситуация не изменилась.

В «Обзоре» констатируется, что уже во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XIX в. начальники жандармских отделений и штаб-офицеры в губерниях исполняли должности временных комендантов ярмарок. В одной из описей фонда 6 Округа имеется запись о деле от 13 мая 1833 г. за 51, содержащем

¹ См.: ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 5 об.

циркуляр от руководства из столицы «О командировании штаб-офицеров на ярмарки временно исполняющими должности комендантов ярмарок»¹, который был одним из первых документов, регламентирующих правовую основу их организации и деятельности.

Начальники жандармских отделений и штаб-офицеры в губерниях исполняли должности временных комендантов ярмарок на протяжении всего исследуемого периода. Дела 7 жандармского Округа, относящиеся к 1849 (29.01.1849–16.02.1849), 1850 (27.01.–30.12), 1852 (4.01.1852–8.01.1853) гг. содержат объемные сведения (соответственно 164, 130, 109 листов) о командировании руководством офицеров Корпуса жандармов на ярмарки в качестве временно исполняющих должности комендантов².

Механизм замещения указанных должностей был следующим. Если ярмарка входила в список Третьего отделения как крупная, то на нее автоматически назначались начальники жандармских отделений, позднее штаб-офицеры в губернии на территории которой она проходила. Например, в 1833 г. исполняющим должность временного коменданта нижегородской ярмарки был назначен штаб-офицер в одноименной губернии майор Теличев³.

Если должности начальника жандармского отделения или штаб-офицера в губернии, где проходила ярмарка были вакантными, то исполнять должность временного коменданта ярмарки первоначально иногда назначался либо начальник округа, либо специально откомандированный офицер, которого мог замещать по месту службы другой откомандированный жандармский офицер. Например, с 15 июля по 7 августа 1834 г. в Дежурстве 6 округа формировалось дело 121 «О командировании подполковника Булыгина из Казани в Нижний Новгород для исполнения должности временного коменданта ярмарки», а на его должность временно командировался другой штаб-офицер⁴. В отдельных случаях это приобретало характер полной неразберихи. В частности, с 7 июля по 5 августа 1831 г. в Дежурстве 5 округа формируется дело 55 «О командировании подполковника Булыгина исполняющим должность временного коменданта ярмарки в Нижний Новгород, а на его место подполковника Панова»⁵. Однако из рапорта шефу жандармов от 18 июля 1831 г. из Нижнего Новгорода следует, что его направил не подполковник Булыгин, а подполковник Панов. В нем констатировалось, что последний по предписанию А.Х. Бенкендорфа от 4 июля 1831 г. прибыл на ярмарку еще 14 июля и с разрешения военного губернатора, генерал-майора Голенищева-Кутузова вступил в должность временного коменданта ярмарки⁶.

Руководство политической полиции, командируя специального офицера, не всегда своевременно информировало об этом заинтересованных должностных лиц. В частности, это подчеркивалось в отношении упомянутого Голенищева-Кутузова А.Х. Бенкендорфу, отправленном 12 июля того же года «До получения еще почтеннейшего отношения Вашего Превосходительст-

¹ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 24.

² См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 641. Л. 1. Д. 643. Л. 1; Д. 645. Л. 1 об.

³ См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 114. Л. 46 об.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 38.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 8 об.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 4 об.

ва — Корпуса жандармов подполковник Панов сюда прибыл и вступил в отправление возложенного на него поручения»¹.

Несвоевременное получение информации начальником жандармского округа и губернатором вносило путаницу в механизм замещения данной должности. Исполняющий должность начальника 5 жандармского округа граф Апраксин констатировал в рапорте А.Х. Бенкендорфу от 14 июля 1831 г., что, прибыв на ярмарку, он вступил в контакт с губернатором В.П. Голенищевым-Кутузовым, который изложил ему свою просьбу о содействии. Граф уже собрался ее выполнить, когда случайно узнал, что исполняющим должность временного коменданта на ярмарку командирован из Санкт-Петербурга подполковник Панов².

В случае командировки на должность временного коменданта ярмарки специального офицера начальник округа по собственной инициативе предпринимал попытки для интеграции его в систему местных подразделений политической полиции. Например, генерал-майор Апраксин доносил А.Х. Бенкендорфу, что он обратился к подполковнику Панову с предложением помощи и в случае положительного ответа готов ее оказать. 24 июля 1831 г. шеф жандармов отправил ответ, в котором одобрял его действия³.

В 1834 г. был введен ряд ограничений, связанных с замещением подобных должностей. 21 апреля Дежурством 6 округа был получен приказ о командировании жандармских штаб-офицеров на ярмарки только в случае крайней необходимости⁴, а 12 декабря — о запрещении впредь назначать штаб-офицеров временными комендантами ярмарок там, где существуют постоянные⁵.

Для их эффективной деятельности в указанной должности была оперативно разработана специальная инструкция. Руководством 6 жандармского округа 4 октября от Третьего отделения были потребованы 5 инструкций для временных комендантов ярмарок, которые были получены потребованы 4 декабря 1833 г.⁶

Однако универсальная инструкция в ряде случаев требовала конкретизации в соответствии с местными условиями, и если в этом вопросе инициатива исходила из провинции, первые лица института поддерживали ее. Например, 22 сентября 1841 г. полковник Казимирский направил руководству 6 округа записку о разных замеченных им неудобствах по должности временного коменданта Нижегородской ярмарки, о некоторых отступлениях от инструкции, Высочайше утвержденной для временных комендантов, и его предложения по устранению недостатков. Полученная 23 сентября руководством округа, записка по его указанию 25 числа того же месяца за 217 была направлена штаб-офицеру в Нижегородской губернии подполковнику Панютину⁷. Последний, изучив предложения, изложенные в записке (6 пунктов, касающихся в основном поддержания общественного порядка

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 3.

² См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 1.

³ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 4.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 645. Л. 35.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 42 об.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 29, 29 об.

⁷ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 30.

во время ярмарки), 21 октября того же года направил свое мнение руководству округом, которое было получено 6 ноября. Вскоре, 9 декабря поступил ответ Шефа жандармов от 29 ноября, что предложения разосланы для согласования руководителям соответствующих ведомств (в частности, МВД)¹.

В итоге «Инструкция жандармским штаб-офицерам, командируемым на ярмарки, для исправления во время продолжения оных, должностей временных Комендантов» в объеме 1 листа была утверждена генерал-адъютантом, князем Долгоруковым².

Вполне закономерно, что состав ярмарок определялся и рассылался списком III Отделением СЕИВК в местные подразделения³, и в него попадали все всероссийские, а также регулярные наиболее крупные ярмарки в каждой губернии. По нашим сведениям впервые полный перечень их появился в 1834 г., когда 21 января в Дежурство 6 округа из Третьего отделения поступило (действующее до 13 июня 1835 г.) циркулярное письмо «О ярмарках, на коих жандармские штаб-офицеры должны находиться временными комендантами», впервые с момента образования местных подразделений. Данное положение подтверждает факт большой ценности этого дела, которое в 1962 г. было не уничтожено, а среди немногих передано в Третье отделение⁴.

Механизм включения ярмарок в данный список был следующим. 28 августа 1841 г. пензенский гражданский губернатор направил отношение в Дежурство 6 округа, которое поступило 4 сентября, было зарегистрировано за 200 и отправлено шефу жандармов. В нем констатировалось, что в июле месяце в Нижнем Ломове проходит казанская ярмарка, которая «по торговой значительности и большому скоплению народа вполне заслуживает особенного наблюдения» и, по его мнению, она «должна быть внесена в общее расписание о ярмарках, на кои командируются чиновники Корпуса Жандармов»⁵.

Уже 22 октября 1841 г. руководству округом поступило предписание шефа жандармов от 6 октября за 4563 о причислении ее к ярмаркам, на которые командируются жандармские офицеры⁶.

Поэтому список ярмарок, на которых должны были находиться жандармские штаб-офицеры, периодически корректировался руководством политической полиции и рассылался в местные подразделения. В частности, 24 декабря 1860 г. начальник 7 округа Корпуса жандармов направил «Для неременного руководства» отношение в Управление Саратовского штаб-офицера подполковника Рунича при циркуляре Третьего отделения от 11 декабря 1860 г. с исправленным расписанием ярмарок, где согласно прежним распоряжениям он обязан исправлять должность временного коменданта⁷. Расписание включает в 7 округе Корпуса жандармов ярмарки в Астраханской (в феврале), Нижегородской (в январе), Пензенской (в марте), Пермской

¹ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 35, 36. 44 об.

² См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 7 (1832). Д. 373. Л. 4.

³ См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 588. Л. 25 об.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 35 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 27.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 32 об.

⁷ См.: ГАС. О. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 3.

(в феврале), Самарской (в апреле), Саратовской (в феврале), Симбирской (в марте) и Тамбовской губерниях (в мае)¹.

Однако в реальности указанный перечень ярмарок, где должны были находиться или находились жандармские офицеры в должности временного коменданта, не являлся исчерпывающим. В отдельных случаях штаб-офицеры в губерниях сами выступали инициаторами своего пребывания на них в указанной должности. Показательно обращение штаб-офицера в Симбирской губернии подполковника Викторова к руководству 6 округа, поступившее 4 июля 1836 г., о необходимости ему находиться на ярмарке в г. Сызрани, на которое ему был отправлен ответ 18 августа². Анализ данных за более поздний период (1856–1858 гг.) доказывает, что штаб-офицер и офицер при нем за адъютанта в Симбирской губернии стали постоянно находиться не только на указанной ярмарке в г. Сызрань, но и на других, проходивших в губернии³.

В должности временного коменданта ярмарки начальники отделений, а позднее жандармские штаб-офицеры на основе специальной инструкции были наделены в первую очередь полномочиями в административной сфере⁴. В частности, они при помощи чинов губернских жандармских команд, исполнительной полиции и военных обеспечивали общественную безопасность (в том числе общественный порядок).

Основанием для привлечения внутренней стражи, а в ее составе жандармских команд являлся п. 9 § 15 Положения 1817 г., предписывающий охранение порядка на ярмарках, торгах⁵.

Однако циркулярное предписание, полученное из центра 6 сентября 1834 г. Дежурством 6 округа, о командировании на ярмарки нижних жандармских чинов требовало согласия гражданских губернаторов, усложнило механизм их привлечения к реализации указанных задач⁶.

Решающий шаг в привлечении жандармских команд для обеспечения общественной безопасности был сделан с принятием «Положения о корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г. В ст. 53 определялись в качестве предмета ведения и полномочия жандармских команд: сохранение порядка на ярмарках⁷.

Прочно укоренилась практика командирования с офицером Корпуса на ярмарки нижних чинов жандармских команд. 17 июля 1841 г. за 162 в дежурство 7 Округа поступил рапорт подполковника Мишо от 12 июля о командировании в Нижний Новгород капитана Семянкина временным комендантом на ярмарку, открывающуюся 15 июля, с 1 унтер-офицером и 3 рядовыми⁸.

Циркуляром шефа жандармов от 16 октября 1852 г. (копию с которого начальник 7 округа отправил саратовскому жандармскому штаб-офицеру 30 октября того же года) доводилось до сведения, что Министерство

¹ См.: ГАС.О. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 4–5 об.

² См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 68 об.

³ См.: ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1–3.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 7 (1832 г.). Д. 373. Л. 44.

⁵ См.: I ПСЗ. Т. XXXI. 24704. С. 784, 785.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 27 об.

⁷ См.: II ПСЗ. Т. XI. 9355. С. 776, 777.

⁸ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 20.

внутренних дел предписало всем начальникам губерний: городской и земской полиции удовлетворять законные требования штаб-офицеров, командированных временными комендантами на ярмарки, без малейшего промедления и оказывать содействие в возложенных на них особой инструкцией обязанностях¹.

Еще в юбилейном «Обзоре» за 25 лет деятельности Третьего отделения и Корпуса жандармов констатировалось, что во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XIX в. жандармские офицеры на ярмарках ликвидировали мелкие беспорядки. Заметим, что проблемы в сфере сохранения и поддержания общественного порядка возникали постоянно и в ряде случаев при восстановлении его нарушители оказывали серьезное, иногда вооруженное сопротивление. Например, 14 июля 1860 г. были нанесены два удара топором по голове пензенскому жандармскому штаб-офицеру майору Лаксу во время Петропавловской ярмарки чиновниками Сулпицким и Бибиковым².

В уголовно-правовой сфере штаб-офицеры были наделены полномочиями проведения оперативно-розыскных действий по ряду составов преступлений: пересылка по почте фальшивых денежных билетов или писем «сомнительного содержания», должностные преступления, совершаемые гражданскими чиновниками³, и др.

В юбилейном отчете к 25 летию Третьего отделения и Корпуса жандармов констатировалось, что офицеры противоборствовали денежным поборам, которые были чрезвычайно распространены в торговле. Однако они занимались и производством оперативно-розыскных действий по фактам совершенных преступлений. Например, 8 марта 1841 г. майор Щербачев направил записку руководству 6 округом о найденных товарах, украденных у ярославского купца Кузнецова, ехавшего ярмарку в Симбирск. Полученная 4 апреля за 91, она 18 апреля за 41 была направлена из округа Шефу жандармов⁴.

В деятельности жандармских команд определенное место отводилось противодействию контрабанде и сбыту данных товаров. Пунктом 5 ст. 15 Положения 1817 г. чинам их предписывалось преследовать сами запрещенные и тайно провезенные товары⁵, а в ст. 53 Положения от 1 июля 1836 г. законодатель изменил свою позицию — акцент сделан на преследовании и задерживании людей с запрещенными и тайно провозимыми товарами⁶.

По мере необходимости они реализовывали в своей деятельности в рамках предоставленных им полномочий и основные предметы ведения.

Жандармские офицеры систематически осуществляли «наблюдение», результаты которого, связанные с ярмаркой, сообщали руководству. В частности, 18 июля 1831 г. подполковник Панов из Нижнего Новгорода направил рапорт шефу жандармов, в котором констатировалось, что участники только начали съезжаться, но по числу нанятых лавок надо

¹ См.: ГАС. О. Ф. 53. Оп. 9. Д. 3. Л. 14, 14 об.

² См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 653. Л. 15.

³ См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 588. Л. 25.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 11.

⁵ См.: I ПСЗ. Т. XXXI. 24704. С. 784, 785.

⁶ См.: II ПСЗ. Т. XI. 9355. С. 776, 777.

ждать большого скопления участников. На данный момент никаких чрезвычайных происшествий не случилось¹.

В случае необходимости осуществлялись оперативно-розыскные действия и принимались дальнейшие меры, соответствующие социальной опасности деяния. 26 июля 1831 г. подполковник Панов из Нижнего Новгорода направил рапорт шефу жандармов, в котором указывалось о ходящих по ярмарке слухах о возмущении в войсках поселенцев в Нижнем Новгороде². В прилагаемой подробной записке подполковник писал, что как только появился этот слух он начал искать источник, и вскоре выявил приехавшего 23 июля купца 1 гильдии из Санкт-Петербурга А.И. Шемякина. Последний на почте станции Спасская узнал от содержателя гостиницы³, что войско Новгородских ополченцев взбунтовалось, слышна стрельба, убито до 8 офицеров. Поводом к этому послужило карантинное оцепление от холеры. Хозяин гостиницы не рекомендовал ему ехать прямо — почтовой дорогой, и он добирался через Тихвин. Слух подтвердили матросы парома при переправе его через р. Волгу у с. Грузинка. Приехав на ярмарку, он рассказал об этом соторговцам.

Указанного купца подполковник потребовал к себе лично. Купец указал, что распространял слухи не с какими-либо намерениями, но единственно по простоте своей. Подполковник обязал его запиской впредь подобных разглашений не чинить и рассказал ему о всех возможных неприятностях таких разглашений. «Неосновательность сего произошедшего рассказа теперь в народе уже сделалась известной, и с тем молва прекратилась»⁴.

Однако в ряде случаев жандармские офицеры ограничивались только «наблюдением», то есть получением информации о совершении правонарушения, принятых административными или правоохранительными органами мер и доведения данных сведений до своего руководства.

15 сентября 1841 г. временный комендант Нижегородской ярмарки подполковник Казимирский направил в Дежурство 6 округа записку, что купец 2 гильдии Д. Сокольский набрал в долг у других купцов товаров на 125 тыс. 214 руб. и неизвестно куда исчез. Записка была получена 19 сентября за 215 и после ознакомления оставлена руководством без последствий⁵.

26 февраля 1857 г. в ходе ярмарки в г. Симбирске сыном богородского купца 3 гильдии Ф.И. Морковкиным были нанесены побои часовому гарнизонного батальона рядовому Танченки. Жандармский штаб-офицер узнал о данном событии и немедленно сообщил исполняющему должность гражданского губернатора Извекову. 4 марта представитель «голубого ведомства» получил от последнего отношение, что по факту произведено следствие полицмейстером, «которое имеет им быть передано в судебное место». 10 марта Извеков поручил полицмейстеру предоставить жандармскому офицеру интересующие сведения, сообщенные последним 13 марта шефу жандармов⁶.

¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.6 (1831 г.). Д. 441. Л. 4, 4 об.

² См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.6 (1831 г.). Д. 441. Л. 6.

³ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 7.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 7, 8.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 29, 29 об.

⁶ См.: ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об., 10 об., 11 об., 12 об., 13 об.

Заметим, что жандармские офицеры уже использовали в оперативно-розыскной деятельности прообразы агентурных методов. Начальник округа, граф Апраксин направил рапорт А.Х. Бенкендорфу 14 июля 1831 г., что нижегородский губернатор В.П. Голенищев-Кутузов, попросил на период ярмарки командировать к нему для исполнения поручений 1 штаб-офицера и 2 чиновников во фраках. Граф собрался выполнить эту просьбу, но узнал, что исполняющим должность коменданта командирован из Санкт-Петербурга подполковник Панов, которому он предложил аналогичную помощь¹. Как вытекает из ответа шефа жандармов от 24 июля 1831 г., действия нашли поддержку².

По завершении ярмарки жандармские штаб-офицеры в губерниях должны были представить Шефу жандармов ее подробное описание³. Уже 12 октября 1833 г. в Дежурство 6 округа поступило циркулярное предписание, чтобы штаб-офицеры в губерниях представляли руководству политической полиции донесения о ярмарках с подробным их описанием⁴. Создавая его, они опирались не только на собственные наблюдения, но и на собранные статистические сведения о ярмарках (количестве участников, обороте и т.д.). Последнее подтверждается описью уничтоженных дел саратовской жандармской команды и управления штаб-офицера с 1840 по 1861 гг., где за 20 от 1857 г. значится дело «О существующих в Саратове ярмарках Никольской и Введенской»⁵, а также запросами симбирского губернского штаб-офицера за 1856–1858 гг.⁶

С одной стороны, штаб-офицеры непосредственно отправляли донесения первым лицам института, с другой стороны, руководство округом дублировало это на основе сведений, полученных из губерний. 27 декабря 1840 г. подполковник Шварц направил рапорт за 347 с отчетом о Введенской ярмарке в Саратове руководству 6 округа, который был получен 3 января, и 27 февраля 1841 г. информация о ней среди других была отправлена Шефу жандармов⁷.

Описи дел Дежурства 7 округа, подпадающих под компетенцию Третьего отделения, содержат материалы, свидетельствующие об указанной деятельности руководства округа. В частности, с 3 января по 20 ноября 1841 г. сформировалось дело «О предоставлении г. Шефу жандармов отчетов о ярмарках»⁸, аналогично с 12 января по 30 ноября 1842 г.⁹ Такая практика продолжалась до конца анализируемого периода — с 29 января по 20 декабря 1855 г.¹⁰ Интересно отметить, что хотя объем их существенно различался, наблюдается тенденция к его росту (соответственно 70, 31, 145 листов), это свидетельствует об увеличении размеров ярмарок и объема деятельности местных подразделений.

Представители корпуса жандармов осуществляли эффективную деятельность в ходе проведения ярмарок. В некоторых случаях это происходило с первых дней. В частности, 12 июля 1831 г. нижегородский губернатор, генерал-майор

¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 1, 1об.

² См.: ГАРФ. Ф. 109.1 эксп. Оп.6 (1831 г.). Д. 441. Л. 4.

³ См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 588. Л. 25 об.

⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 632. Л. 28 об.

⁵ См.: ГАС. О. Ф. 53. Оп. 2. Д. 6. Л. 92 об.

⁶ См.: ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1–3.

⁷ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 630. Л. 1 об.

⁸ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 634. Л. 1.

⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 635. Л. 1.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 648. Л. 2.

Голенищев-Кутузов направил А.Х. Бенкендорфу отношение о прибытии и вступлении в должность временного коменданта ярмарки подполковника Панова. В нем констатировалось, что распорядительность и усердие, «с каковым он принялся за дело, — подает надежду, что я буду иметь в нем хорошего помощника»¹.

Доказательством этого служат многочисленные поощрения чинов Корпуса за службу во время данных мероприятий.

На основании отношения начальника 7 округа графа Апраксина от 13 сентября 1833 г. шефу жандармов об образцовом выполнении своих обязанностей исполняющим дела временного коменданта нижегородской ярмарки штаб-офицером Тиличевым, приказом руководства Корпуса от 9 октября того же года за 75 ему была объявлена благодарность². Руководством корпуса отмечались наградами заслуги при проведении ярмарок не только офицеров, но и нижних чинов. Другим приказом, за 9 по Корпусу от 7 февраля 1833 г. А.Х. Бенкендорф наградил рядового нижегородской жандармской команды 50 руб. ассигнаций за пресечение экономического преступления на ярмарке³.

Таким образом, ярмарочная торговля как прямое следствие развития товарно-денежных отношений наложила существенный отпечаток на функционирование местных подразделений политической полиции. Нормативной базой их деятельности в данном направлении были отдельные нормы законов, а также инструкции, циркуляры подзаконного, ведомственного характера. Ярмарки выступали объектом внимания местных подразделений Корпуса жандармов по ряду причин, которые требовали от них реализации широкого спектра их функций. Среди причин выделяются важное значение эффективной ярмарочной торговли для нормальности экономического развития страны, благоприятные условия для деятельности противников существующего государственного и общественного строя. В целом эффективность деятельности их во время проведения ярмарок в 1826-1860 гг. была удовлетворительной.

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 6 (1831 г.). Д. 441. Л. 3.

² См.: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 114. Л. 46, 46 об.

³ Для сравнения: за спасение тонувшего ребенка рядовой казанской жандармской команды тем же приказом был награжден медалью за спасение погибающего и 25 руб. ассигнаций.

В.М. Кириллов,
*ассистент кафедры Ульяновского
государственного университета*

111

К вопросу о циркуляции политических элит в постсоветский период развития политической системы Ульяновской области

Региональную политическую систему невозможно рассматривать в отрыве от тех историко-политических изменений, которые проходила государственная система страны в целом в постсоветский период. Процесс политической трансформации оставил свой отпечаток на всех уровнях государственной власти, причем диверсификация последствий данных изменений

напрямую зависит от политических и социально-экономических характеристик региона, личностных характеристик представителей региональных политических элит, наличия или отсутствия системы налаженных горизонтальных отношений «власть–общество» и вертикальных «регион–центр». В то же время процесс циркуляции элитарных групп может быть рассмотрен в контексте перехода страны из состояния революционной активности как власти, так и общества (значительное количество реформ со стороны власти, высокая активность оппозиции, высокая степень пассионарности социума) в состояние постреволюционной стабилизации, характеризующееся стагнацией социально-экономического процесса.

Можно выделить как минимум три подхода в определении контента политической элиты регионального уровня: позиционный, репутационный и оценка степени участия в принятии ключевых решений¹. По нашему мнению, объективная картина региональной политической элиты может быть сложена с применением некоего симбиоза вышеперечисленных методик. Человек имеет право именоваться частью политического элитарного кластера в случае отношения к нескольким направлениям деятельности. Исключением может служить ситуация, когда человек имеет определенное количество публичного капитала, принимает участие в принятии политических решений (или имеет определенную степень влияния на эти решения), но не занимает значительных политических постов (в силу оппозиционной направленности деятельности или по причине того, что занимал данные посты в прошлом и в регионе произошла смена политических элит). Степень значимости данного сектора элитарной группы может быть определена спецификой политической системы региона или личностными характеристиками участников политического процесса.

Ульяновская политическая элита переживала в своем развитии три основных этапа, символами которых стали три политических региональных лидера. Мы рассматриваем стратификацию процесса развития региональной политической элиты именно относительно ее формальных лидеров (руководителей региона) по ряду причин. Во-первых, важное значение, по нашему мнению, имеют электоральные циклы, которые (начиная с 1996 г.) совпадают со сроками правления губернаторов региона, а также с федеральными электоральными циклами. Во-вторых, элита в сознании жителей региона четко персонифицирована, что позволяет нам ассоциировать процесс смены региональной элиты с процессом смены руководства региона.

Первый этап начался в 1991 г. с приходом к власти Юрия Горячева и стал частью общегосударственного тренда трансформации советской партийной номенклатуры в политическую элиту новой России. Символично, что на свой первый губернаторский срок Горячев был назначен Борисом Ельциным, но в последствии отказался поддерживать политику федерального центра по вхождению в рыночную экономику. Основу (или, если можно так выразиться, «живой вес») региональной элиты первого десятилетия реформ составила советская партийно-хозяйственная номенклатура. Попытка вести самостоятельную (без фактической крупной поддержки федерального центра)

¹ См.: Ручка А.Н. Элиты транзитного общества. Киев, 2003.

хозяйственную и социальную политику сказалось на благополучии и темпах экономического и политического развития Ульяновской области. Отсутствие мер поддержки малого и среднего бизнеса и сотрудничества с экономической элитой региона и отсутствие процесса партийного строительства в области отбросили регион на одно из последних мест в стране по комплексному уровню развития. В то же самое время политическая элита на данном этапе развития региона выполняла одну из главных, на наш взгляд, задач — формирование некоей идеологической системы. И даже учитывая фактор несоответствия данной идеологической позиции установкам федерального центра, нельзя не отметить целостность направления движения региона в период с 1991 по 2000 гг. Кроме того, была осуществлена попытка реализации концепции «мягкого вхождения в рынок» (что являлось попыткой исправить федеральные ошибки команды Ельцина–Гайдара), постепенной приватизации собственности (в руках государства оставались крупные стратегические предприятия), а также ведения специальной налоговой политики и политики ценообразования (цены на потребительские товары росли не так быстро, а налоги в большей степени оставались в регионе). Все это позволило Горячеву выиграть выборы 1996 г., а партийно-номенклатурной элите — сохранить свои позиции в регионе.

Второй этап развития региональных политических элитарных групп начался в 2000 г. с приходом к власти в Ульяновской области генерала, героя России Владимира Шаманова. С одной стороны, это была попытка федерального центра нормализовать и систематизировать ситуацию в проблемном регионе («красный» пояс, «разваленная» экономика, отставание в социальном, культурном, экономическом развитии), а также часть начинающегося с приходом на пост президента страны Владимира Путина процесса построения «вертикали власти», продолжением федерального тренда установления власти представителей так называемых «силовых структур». С другой стороны, это была попытка региональной элиты привлечь некоего «внешнего управляющего» областью. Рискнем предположить, что два этих процесса (при несомненной взаимосвязи) совпали в определенном промежутке времени, и сейчас не представляется возможным выяснить, какой из них был первичен. Данный период жизни региона характеризовался приходом нового сектора региональной элиты — московских управленцев (Сидорчев, Ильинский, Пиорунский). Их отличали более высокий уровень образованности, новый взгляд на развитие региона, больший политический и управленческий уровень. Однако этот процесс неизбежно вел к началу передела собственности и сфер политического влияния. Именно в это время начался процесс продажи региональной и муниципальной собственности представителям крупного российского бизнеса, что в свою очередь способствовало деградации собственной экономической элиты. Только спустя два года губернатор начал делать ставку на внутренние региональные управленческие кадры, но к тому времени была безнадежно упущена идеологическая составляющая развития региона.

Третий период развития Ульяновской области начался в 2004 г. с приходом к власти губернатора Сергея Морозова, чье становление на посту

губернатора стало результатом лоббирования своих интересов на территории Ульяновской области финансово-промышленной группой компаний «СОК» (Самарская область). В результате этого в начальном периоде формирования элитарных групп мы можем наблюдать две равнозначные тенденции: резкий и временами необоснованный рост муниципальных чиновников до уровня региональных чиновников, обусловленный не степенью компетентности того или иного управленца, а степенью «близости» его губернатору (который до этого был мэром г. Димитровград), и появление во властных структурах представителей бизнес групп, лоббирующих свои интересы в регионе по причине своевременного финансирования предвыборной кампании губернатора.

В данный момент ульяновская региональная политическая элита может характеризоваться наличием нескольких признаков:

- оторванность правящей верхушки от населения, отсутствие социальных и карьерных лифтов;
- отсутствие открытой дискуссионной площадки;
- отсутствие как развитого политологического сообщества (за исключением отдельных специалистов), так и экспертного сообщества в различных сферах жизнедеятельности региона;
- сращивание бизнес-элиты и политической элиты и высокая коррумпированность региональной политической элиты, хотя данная характеристика присуща и федеральным элитарным группам;
- недостаточный уровень образованности и компетентности политико-административной региональной элиты;
- отсутствие связи между отдельными экспертами и административной элитой;
- отсутствие развитого гражданского сектора.

Для строительства демократии необходимым является наличие в стране института гражданского общества. Россия — страна, имеющая историю более чем 70-летнего тоталитарного правления и столетий автократической власти. В результате российское гражданское общество представляет собой весьма слабый институт. Более того, Россия в 90-е гг. была охвачена спонтанным строительством конкурирующих региональных рынков в сочетании с хаотической фрагментацией государства и строительством протодемократических институтов — тройной переход, тройная сложность. Именно в силу данных обстоятельств и особенностей российской трансформации первоочередное внимание уделяется региональным элитам как ключевым акторам современного политического процесса.

На сегодняшний день политическая элита Ульяновской области не выполняет основную функцию любой государственной элиты — формирование идеологии и постановка ориентиров движения региона. Причем в современной России данная функция является особенно актуальной ввиду несостоятельности федерального центра (несмотря на несомненные успехи в экономике и росте благосостояния общества) в ее выполнении.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВУЗЫ РОССИИ —
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ •

С.В. Передерий,
*доктор политических наук,
профессор Пятигорского государственного
лингвистического университета*

**Российская государственность в свете вызовов
глобализации: некоторые проблемные вопросы**

27–28 февраля 2009 г. в Ростовском государственном университете путей сообщения состоялась 6-я Международная научно-практическая конференция «Государственность и право славянских народов в условиях глобализации». В итоговых документах конференции отмечается, что установление на планете евроатлантического мирового порядка повлекло за собой утрату многими странами государственного суверенитета и негативные последствия для социально-экономической жизни их народов. Как считают участники конференции, разразившийся мировой экономический кризис побуждает принять дополнительные меры по укреплению государственного суверенитета России, обеспечению стабильности и управляемости страны. Решение этой важнейшей задачи на фоне роста безработицы и протестных настроений невозможно без опоры институтов государственной власти страны на собственный народ, на его культурно-исторические традиции и способность к консолидации в тяжелые для страны времена, что подтверждается многовековой российской историей.

В связи с этим полагаем необходимым и важным проанализировать, что сегодня представляет собой так называемое большинство в современной России, то есть русский народ, составляющий, как известно, 82 % населения страны и являющийся государствообразующим. Каково его положение в нашем общем доме, называемом Российской Федерацией, и как к нему относятся во властных эшелонах? Ответить можно одним словом — никак, как к чему-то несуществующему. Постоянное замалчивание «русского вопроса», неупотребление самого слова «русский» первыми лицами страны начинает все больше и больше беспокоить представителей общественности¹. К сожалению, это является продолжением предыдущего курса властных структур на «обезличивание» русского народа, конструирование в отношении него разного рода мифов. Например, в сталинский период идеологами ВКП(б) пропагандировался миф о русском народе как «старшем брате» в братской семье советских народов. В постсоветский период либерально-демократические

¹ См.: *Третьяков В.* Мои вопросы национальному лидеру // *Известия.* 2008. 4 дек. С. 6.

СМИ выхолостили истинное содержание этого мифа и трансформировали его «с точностью до наоборот». В сталинский и постсталинский периоды этот миф служил идеологическим подспорьем для переключивания на русских как на «старшего брата» (соответственно, на РСФСР в Союзе ССР) всех основных общегосударственных тягот. Постсоветская пропаганда вывернула эту печальную реальность наизнанку и стала говорить об «угнетении» русскими в СССР нерусских народов с требованиями для последних разнообразных «компенсаций».

Между тем в РСФСР после Великой Отечественной войны колхозное крестьянство в русских регионах платило наиболее тяжелый сельхозналог — в 3–5 раз больше, чем, например, в Якутской и Тувинской автономных республиках или в Узбекской ССР. И это при том, что по русским регионам в европейской части СССР огненным смерчем прошла война, в то время как территории названных республик война миновала.

Из сказанного следует, что правящие элиты СССР и Российской Федерации выпестовали и вырастили привычку к национально-экономическому паразитизму в отношении русского народа со стороны ряда других народов РСФСР и СССР. Это наглядно проявляется и в настоящее время, поскольку уже вошло в их этнические стереотипы и наблюдается на бытовом уровне. В то же время русский народ подвергался и подвергается этносоциальной эксплуатации со стороны государства и правящих элит в национально-территориальных субъектах Федерации (в республиках РСФСР и РФ) и Союза ССР.

Этому существует множество примеров, из которых со всей очевидностью следует вывод, что русский этнос в настоящее время ослаблен до предела. Немалую роль сыграла политика двойных стандартов со стороны государства на протяжении всего советского и постсоветского периодов. Ослабление русского народа, всех его ресурсов (духовно-нравственных, экономических, культурных, демографических и т.д.) настолько очевидно, что не требует специальных доказательств. Русские сегодня находятся, по существу, в состоянии многолетней прогрессирующей деградации. С точки зрения этнологии, русские как этнос проходят в настоящее время фазу надлома и поэтому крайне уязвимы, а их этническое будущее вообще проблематично.

Советский социализм с его всеобщей государственной собственностью, диктатом одной партии и уравнительным принципом распределения потерпел крах, сокрушив при этом государство. Однако форсированная капитализация страны, попытки либеральных преобразований по западным стандартам также оказались непригодными для России и, более того, раскрутили маховик уничтожения русского народа как государствообразующего. Сегодня Россия стремительно вымирает, каждый день в России умирают две деревни. По данным Росстата, на 1 января 2008 г. население страны составило 142 млн 8 тыс. 838 человек. На конец июля 2008 г. — 141 млн 888 тыс. человек. За семь месяцев умерли более 120 тыс. россиян, наибольшие показатели смертности — в регионах проживания русского населения. К 2050 г. население Российской Федерации может уменьшиться до 100 млн человек (это прогноз ООН). Прогноз Института социально-политических исследований РАН —

---

83 млн человек. Первый заместитель председателя Комитета ГД по охране здоровья Н. Герасименко считает, что если не принимать никаких мер, то в 2010 г. Россия превратится в «страну вдов».

За последние несколько лет смертность в России увеличилась на 20 %, остается низкой рождаемость. Средняя продолжительность жизни российских мужчин — 58 лет и 8 месяцев, а женщин — 72 года. За минувшие 13 лет с карты страны полностью исчезли 290 городов и 11 тыс. сел. 13 тыс. российских деревень остались без жителей¹.

Виной всему проводимая властными структурами социальная политика: стали нормой алкоголизм, наркотики, ДТП, стрессовые ситуации, аборты, генетические заболевания, поддельные лекарства.

Страна действительно находится на пороге гуманитарной катастрофы.

В этих условиях гражданским долгом российских обществоведов является акцентирование внимания общественности и властных структур на пагубность подобного развития событий. К сожалению, мы сталкиваемся с тем, что некоторые известные специалисты, напротив, вводят общество в заблуждение, выдвигая нелепые теоретические конструкции. В качестве примера привести позицию члена-корреспондента РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН, члена Общественной палаты РФ В.А. Тишкова, выраженную во многих его трудах, в том числе и в редактируемом им сборнике «Северный Кавказ в национальной стратегии России»².

Как основополагающий тезис В.А. Тишков развивает идею о формировании в российском обществе общероссийской идентичности и значимости этого феномена. Саму по себе постановку задачи формирования общероссийской идентичности как пути снижения межнациональных и межэтнических противоречий, казалось бы, можно только приветствовать. Однако в дальнейших рассуждениях автора не видно конкретных политических механизмов претворения этой идеи в жизнь. Возможно, он предлагает в качестве таковых упразднение национально-государственных образований, которые стоят на пути формирования общероссийской идентичности? Отнюдь, нигде в его работах эта проблема даже не затрагивается. А ведь без этого все рассуждения о формировании общероссийской идентичности являются не более чем политической маниловщиной. Призывы В.А. Тишкова к формированию общероссийской идентичности по сути дела сводятся к предложению только русским отказаться от своей идентичности и значиться просто россиянами. Заметим, что это предлагается только русским, а не татарам или, допустим, чеченцам. Понятно, как бы они отреагировали на подобное предложение.

Вся беда в том, что все рассуждения В.А. Тишкова вступают в противоречие с реальными политическими событиями. Сегодня происходит буквально взрыв этнического самосознания. За примером далеко ходить не надо. В мае 2008 г. в Иерусалиме прошло масштабное заседание генеральной ассамблеи Всемирного Конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ), где почему-то не прозвучало призывов к проживающим в России евреям отказаться

¹ См.: Аргументы недели. 2008. 40. С. 10.

² См.: Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. Тишкова. М., 2008.

от своей идентичности и стать просто россиянами. Кстати, президентом этой организации во второй раз стал российский сенатор от Пензенской области Б. Шпигель¹.

Так к чему же В.А. Тишков призывает русский народ и, говоря о стратегии России на Северном Кавказе, народы этого региона? Чем это может обернуться в конечном счете для российской государственности?

Отсутствие самоопределения русского народа в своих национальных целях по праву можно отнести к одной из наиболее болезненных проблем современной России, в ряде публикаций на это обоснованно обращается внимание². Это не только проблема русского народа, но и главный раздражитель для других народов России. Действительно, когда ведущий не знает, куда он идет, начинается самоопределение ведомого в своих целях и задачах, что в конечном счете и содержит угрозу самому государству, объединяющему эти народы.

Полагаем, что многие трагические события XX в. для русского народа и других народов, некогда входивших в Советский Союз, были вызваны тем, что в годы большевизма и распада СССР в 90-е гг. из российской государственной политики была «вытравлена каленым железом» идея русскости этой государственности. Тем самым был утерян главный ориентир, скреплявший некогда Российское государство, он был заменен показавшей свою несостоятельность идеей советского народа, а затем — идеей многонационального Российского государства, которая и сегодня может привести к новому развалу государства.

Многовековая история Российского государства, его успешное развитие в прошлом во многом обусловлены тем, что Россия всегда позиционировала себя как государство русского народа. Отход от этого обернулся в XX в. национальной катастрофой. Вот почему представляется важной необходимость более четкого определения и в общественном сознании, и законодательно роли русского народа как государствообразующей нации страны, которая несет ответственность за единство и целостность страны, за ее будущее.

В настоящее время в общественном сознании все больше утверждается понимание того, что многие угрозы российской государственности порождены изъянами и недоработками Основного Закона РФ — Конституции. Необходимость обращения к содержанию Конституции РФ определяется особенностями ее принятия в декабре 1993 г., явившегося результатом не столько общественного согласия, сколько разрешившегося силой противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти. Быстрое, безальтернативное осуществление конституционной реформы в 1993 г. привело к тому, что в Основном Законе закрепились положения неолиберального характера, таящие в себе потенциальную угрозу государственной целостности и национальной идентичности России. Дело в том, что следование в Основном Законе России западной конституционной традиции не отражает в должной мере ее цивилизационной и культурно-исторической специфики. Так, если убрать название «Россия», то такой документ может быть отнесен к любому государству. В Конституции, по сути, игнорированы аспекты

¹ См.: Известия. 2008. 23–25 мая. С. 1.

² См.: Сафаралиев Г., Дибиров А.Н. Государство строится вокруг русского народа // Парламентская газета. 2007. 24. С. 7.

духовной и национальной ориентированности государства, которые играют важнейшую роль в консолидации различных сил общества.

Кроме того, Конституция России провозглашается от имени ее «многонационального народа», но юридическое определение этого термина отсутствует. Народ не может быть многонациональным. Нация — может, поскольку она является более широким по отношению к народу понятием и соотносится с государством в целом. Если народ культурологичен и этничен, то нация может быть многогородной, многонациональной. Категория «многонациональный народ» является порождением советского идеологического лексикона. Ни в одной конституции других стран мира нет такого понятия. Оно представляет собой не что иное, как воспроизводство идеологемы «новая историческая общность — советский многонациональный народ». Однако вне коммунистической идеологии эта категория не имеет смысла.

По существу, само положение о полиэтничности государства также заимствовано из советской этнополитической модели. Действительно, в СССР численно преобладающий русский народ составлял лишь около 50 % населения. В Российской Федерации картина этнического представительства принципиально иная. Доля русских в населении Российской Федерации — более 80 %, что соответствует показателям представленности титульных народов в национальных европейских государствах. В соответствии с этим современную Россию вполне можно классифицировать как моноэтническое государство. Следовательно, можно уже вводить правовой институт национальности, национального меньшинства и принципиальной функции национального права и государственной власти по защите от дискриминации по национальному признаку. Согласитесь, что если нет правового понятия национальности (например, не упоминается в паспорте), то невозможно построить правовую систему защиты человека от дискриминации по национальному или расовому признаку. Преодоление этого стало бы возможным при другой законодательной схеме. В связи с этим мы поддерживаем высказанное политологом В.И. Якуниным предложение вместо слов «мы, многонациональный народ Российской Федерации» использовать другое субъектообозначающее определение: «мы, русский народ, и все народы России, составляющие в совокупности российскую гражданскую нацию...»¹. Аналог такой формулы мы видим, например, в конституции Испании: «мы, испанский народ, и другие народы Испании». Показательно, что доля испанцев в населении Испании — 70 %, что ниже процентного представительства этнических русских в Российской Федерации².

Важнейшим недостатком Основного Закона РФ следует признать отсутствие закрепленной на конституционном уровне коллективной самоидентификации российского населения. Беспрецедентным для конституций мира является факт полного игнорирования проблемы национальной идентичности преобладающей общности. Русский народ, составляющий 82 % населения Российской Федерации, вообще не упоминается ни в одной из статей Основного Закона.

¹ См.: Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Государство и право. 2007. 5. С. 8.

² См.: Национальные парламенты мира : энциклопедический справочник. М., 2005. С. 92.

Подчеркнем, что по международным канонам Российская Федерация является мононациональным русским государством, в котором государствообразующей нацией являются великороссы, находящиеся в органическом единстве с другими коренными народами России. Как мы уже отмечали, русскими признают себя более 80 % населения России. При этом, будучи государствообразующим народом и становым хребтом Российской Федерации, русские в России юридически не существуют, они не обладают правосубъектностью, фактически лишены возможности выражать свою волю, формулировать и защищать собственные интересы. На практике это ведет к отчуждению русской нации от собственной государственности, и в этом, на наш взгляд, заключается самая серьезная угроза государственной безопасности Российской Федерации. Полагаем, что в целях ее устранения в Конституцию России как мононационального русского государства должны быть внесены соответствующие коррективы.

Практически это, во-первых, приведет к возвращению утерянного в годы большевизма и распада СССР главного ориентира, скреплявшего некогда Российское государство — идеи русскости.

Во-вторых, это предотвратит продолжающееся варварское расхищение природных богатств и выкачивание денежных средств из страны. Мы разделяем позицию тех авторов, кто забывание о русской нации в Конституции рассматривает как сознательное и намеренное действие ее создателей: предостояло ограбление русского народа, поэтому самое лучшее — сделать вид, что такого народа вообще нет¹.

Все это вместе будет способствовать укреплению российской государственности, уменьшению влияния пагубного социального пессимизма русских людей, создаст необходимые духовно-политические предпосылки для предотвращения катастрофического вымирания нации, защиты ее интересов в стране и за ее пределами.

¹ См.: *Бородин Е.Т.* Русская идея есть идея русского патриотизма // Социально-гуманитарное знание. 2007. 6. С. 267.

М.А. Сучков,
*аспирант Пятигорского государственного
лингвистического университета*

США на Кавказе: интересы и цели

Присутствие американцев в Кавказском регионе берет начало в XIX–XX вв., когда в связи с вовлечением Кавказа в мировое хозяйство в Баку был представлен американский капитал в лице «Стандарт ойл»¹. В 1903 г. Рокфеллер предложил царскому правительству России сдать в арен-

¹ «Стандарт Ойл» (Standard Oil), крупная нефтяная компания, созданная Джоном Д. Рокфеллером в 1870 г. В 1911 г. разделилась на несколько более мелких компаний, некоторые из них сохранили в своем названии слово «Стандарт». В настоящее время это группа формально самостоятельных нефтяных трестов, образующих «нефтяную империю» Рокфеллера (см.: *Томахин Г.Д.* США. Лингвострановедческий словарь. М., 2001. С. 478).

ду американцам бакинские нефтепромыслы с правом на последующий выкуп месторождения. Уже тогда договор предполагал строительство нефтепровода Баку—Батуми с вывозом российской нефти танкерами через Дарданеллы в Европу. Однако предложения российских и азербайджанских нефтепромышленников по переработке нефти в Баку и последующей транспортировке через трубопровод керосина в Европу вытеснили Рокфеллера с рынка¹. Данный этап является, несомненно, важной вехой в трансформации геостратегической значимости региона: с этого времени Кавказ стал не только ключевым геополитическим евразийским плацдармом и исторически сложившимся (со времен Великого Шелкового пути) торгово-транспортным коридором, но еще и важным ресурсно-транзитным каналом углеводородов.

В постсоветский период Кавказ можно вновь назвать источником хронической нестабильности и конфликтности, одним из самых неустойчивых в политическом и экономическом отношении регионов в мировой политике. Основная угроза безопасности региона заключалась в хрупкой структуре государственных институтов; региональных конфликтах в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе; распространении исламистского радикализма, преимущественно на Северном Кавказе; культурной дезориентации; глубоко укоренившейся коррупции; распространении криминальных структур (торговля людьми, наркотрафик); обострившейся борьбе за доступ к нефте- и газо-месторождениям Каспийского бассейна. Эти и многие другие факторы не только стали объектом повышенного внимания нерегиональных акторов, но и каналами, по которым наращивалось иностранное присутствие.

Понимая значение представившегося им исторического шанса, в 90-х гг. XX в. США включили Кавказ в зону своих жизненно важных интересов². Кроме того, некоторые американские аналитики стали относить Кавказский «субрегион» к геополитическому понятию «Большого Ближнего Востока» (Greater Middle East)³ — центральному объекту всей американской внешней политики. Действительно, проблемы Кавказского региона схожи с проблемами современного Ближнего Востока — важные нефтяные и газовые резервы вкуче с авторитарным правлением, глубокие дилеммы «расстроеной» модернизации и немалое число неразрешенных или потенциальных конфликтов.

Стартовые условия для нового этапа проникновения США в данный регион создал пришедший к власти в 1989 г. Дж. Буш-старший. Одним из главных направлений политики Белого Дома с целью укрепления своих позиций стало двустороннее сотрудничество с государствами Каспия и Кавказа. В достаточно короткие сроки США удалось поднять уровень сотрудничества в дипломатической и экономической областях.

С приходом к власти администрации Б. Клинтона, провозгласившей одним из своих приоритетов содействие американскому бизнесу, американские нефтяные компании стали стремиться расширить доступ к месторождениям

---

¹ См.: *Панарин И.Н.* Вооруженные конфликты и Кавказ. URL: <http://www.panarin.com/doc/29> (дата обращения: 16.12.09).

² См.: *National Security Strategy*. URL: <http://www.state.gov/documents> (дата обращения: 16.12.09).

³ См.: *Kemp G., Harkavy R.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Brookings Institution Press. 1997.

нефти и газа, тем самым начиная играть все большую роль в регионе. Однако было очевидно, что за нефтяными компаниями, игравшими роль своеобразного «троянского коня», стояла американская администрация. Яркий пример тому — поддержка Клинтоном энергетических проектов в регионе, например, Баку—Тбилиси—Джейхан. Уже тогда стало ясно, что декларирование американскими властями необходимости поддержки американского бизнеса в регионе и создания ему прочных позиций — лишь верхушка «большого внешнеполитического айсберга», оно имело более обширную цель по использованию его в качестве плацдарма для закрепления в регионе.

В целом интересы США на Кавказе в период президентства Б. Клинтона были кратко изложены в начале 1998 г. Яном Калицки, высокопоставленным чиновником его администрации: «Обеспечивать безопасность и суверенитет государств, увеличивать и диверсифицировать мировые источники энергии, обеспечивать региональную кооперацию на Каспии, поддерживать нефтяные компании США, оказывать давление на Иран в целях изменения политики этого государства»¹. Следует отметить, что для США наращивание своего присутствия в странах Закавказья, в том числе и военного, было важным не только с точки зрения расширения арсенала воздействия на Иран (и Россию), но и с целью получения возможности выхода в Центральную Азию, что, в свою очередь, стало бы важным элементом сдерживания нарастающего геополитического влияния и экономической мощи Китая.

После 11 сентября 2001 г. у американского руководства появилась такая возможность, в то время как значимость Кавказа в геополитическом аспекте возросла. Если антитеррористическая кампания и война в Афганистане стали «катализатором», усилившим интерес Вашингтона к региону, то дальнейшей его «разработке» способствовало изменение стратегических планов и пересмотр приоритетов Пентагона. В 2002 г. министр обороны Дональд Рамсфельд в своем докладе президенту и Конгрессу отметил, что «все пространство широкой дуги нестабильности от Ближнего Востока до Северо-восточной Азии превратилось в “гремучую смесь” из усиливающихся и слабеющих региональных держав»². В результате Минобороны США начало глобальную передислокацию вооруженных сил с целью обеспечения стратегического контроля над «дугой нестабильности», в основном, за счет расширения военного присутствия на этих направлениях³.

Результатом подобного смещения акцентов стали амбициозные военные и дипломатические инициативы США на Кавказе. Так, в мае 2002 г. американцы запустили программу по оснащению и обучению грузинских вооруженных сил стоимостью 64 млн долларов. Помимо этого Вашингтон пообещал выделить Азербайджану 10 млн долларов для совершенствования инфраструктуры связи, усиления охраны границ и проведения операций

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 56.

² U.S. Department of Defense, «2002 Annual Report to the president and the Congress». Washington, D.C., 2002. URL: <http://www.defenselink.mil/execsec/adr2002> (дата обращения: 16.12.09).

³ См.: Feith Douglas J. Transforming the Global Defense Posture, remarks before CSIS, Washington, D.C. 2003. Dec. 3.

по борьбе с распространением оружия массового поражения¹. К тому же по инициативе американской стороны были проведены совместные учения в Каспийском море, призванные, как официально заявлялось, подготовить азербайджанские ВМС к защите морских нефтепромыслов².

США провели ряд инициатив с целью налаживания более тесного контакта и с ближайшим партнером России в регионе — Арменией, заключив в апреле 2004 г. соглашение о развитии военного сотрудничества.

Мощным инструментом американского проникновения и присутствия на Кавказе являются региональные конфликты, поэтому их разрешение было и по-прежнему остается важным элементом политической программы США. Ряд влиятельных американских экспертов и политиков, периодически обвиняя Россию в имперских амбициях, ангажированности и невозможности занимать объективную позицию по данным вопросам, настаивают на посреднической миссии Вашингтона в основных конфликтах — Карабахе, Южной Осетии, Абхазии. Ведущий специалист Фонда «Наследие» по России (Heritage Foundation) Ариэль Коэн утверждает, что «для того, чтобы закрепить свои позиции на Кавказе, США должны... постепенно наращивать свое дипломатическое участие в разрешении региональных конфликтов в Нагорном Карабахе и Абхазии»³. В действительности же подобные инициативы призваны не столько содействовать миротворчеству, сколько консолидировать и проводить в жизнь национальные интересы Соединенных Штатов.

Известный американский специалист по России Крэг Нейшен, проанализировав политику России и США в регионе, пришел к выводу, что внешнеполитическая стратегия Вашингтона преследует две группы целей на Кавказе — глобальные и региональные. Региональные цели американской политики заключаются в сдерживании России; изоляции Ирана; обеспечении контроля над углеводородными ресурсами Каспия и развитии альтернативных транзитных маршрутов; поощрении и поддержке лояльности региональных союзников — Турции, Грузии и Азербайджана; развитию возможностей для более масштабного военного присутствия и потенциального создания военных баз; укреплению региональной стабильности и разрешении конфликтов в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе посредством поддержки их реинтеграции в «метропольные государства» с гарантией какой-либо автономии. Глобальные цели американской внешней политики состоят в проецировании собственного влияния в региональный «вакуум власти» — в широком контексте — препятствовании усилению России в регионе; предупреждению расширения влияния Ирана и Китая; сокращении угрозы исламистского проникновения⁴.

Данное «резюме» по сути не является чем-то новым — планомерное целеполагание велось американскими политиками и экспертами не один де-

¹ См.: United States Signs Agreement with Azerbaijan to Help Ex-Soviet Republic Strengthen Its Borders // Associated Press. 2004. 3 Jan.

² См.: *Abdullayeva S., Shulman V.* US, Azerbaijan Begin 10-Day naval Exercise // Itar-TASS News Service. 2004. 26 Jan.

³ *Cohen A.* U.S. Interests in Central Asia and the Caucasus: The Challenges Ahead, Institute for Central Asian and Caucasian Studies. URL: <http://www.ca-c.org/journal/eng-02-2000/02.cohen.shtml> (дата обращения: 16.12.09).

⁴ См.: *Nation R. Craig.* Russia, the United States and the Caucasus. The Strategic Studies Institute, US Army War College. 2007. February. P. 29.

сятков лет. Более того, возникает немало вопросов как относительно интерпретации заявленных целей, так и относительно самой их формулировки. Однако очевидным представляется то, что американцы видят в регионе опорный пункт потенциального сдерживания сразу трех серьезных «игроков», со всеми подходами и инструментарием для работы с ними, а также важную транзитную и ресурсную магистраль, над которой, во что бы то ни стало, нужно установить контроль.

На сегодняшний день вопрос состоит в том, каким путем к достижению этих целей пойдет администрация Б. Обамы. В марте 2009 г. уже упоминавшийся авторитетный аналитический центр США, Фонд «Наследие», опубликовал работу, в которой, в частности, содержится ряд рекомендаций для нового американского руководства по проведению политики на Кавказе. Они во многом отражают уже озвученные постулаты и призывают не отступать от проводимой в последние десятилетия политики, а на некоторых направлениях — быть жестче. Так, военный конфликт в августе 2008 г. является одной из центральных тем данного исследования Фонда. Анализируя его последствия, авторы делают вывод, что «война в Грузии однозначно понимается как направленная скорее против США, чем против Грузии. В результате американскому региональному и международному престижу был нанесен ощутимый удар, после которого доверие к США как к союзнику пошатнулось не только в данном регионе, но и у Израиля и Японии. Администрации Обамы нужно изменить эту опасную тенденцию»¹.

Сложно сказать, насколько жестко США будут отстаивать свои интересы в регионе, но, по-видимому, отказываться от намеченных целей эта администрация также не будет, особенно ввиду обострившихся противоречий по иранской ядерной программе, масштабной военной операции в Афганистане и запуска российских энерго-транзитных проектов «Северный поток» и «Южный поток». Очевидно и то, что региональные вопросы Кавказа в ближайшие годы будут оказывать значительное влияние на российско-американские отношения.

¹ См.: *Cornell Svante E. Russia and Eurasia: A Realistic Policy Agenda for the Obama Administration: Heritage Foundation Special Report. Ed. By A. Cohen. 2009. 27 March. P. 26.*

Д.А. Миргород,
*аспирант Пятигорского государственного
лингвистического университета*

Влияние глобализации на государство

В настоящее время происходит формирование новой системы мирового порядка. За последние два десятилетия начали интенсифицироваться процессы, связанные с резким расширением и усложнением взаимосвязей как отдельно взятых людей, так и государств, и целых регионов. Это выражается в создании глобального информационного пространства и возрастании информационных потоков между удаленными регионами.

Увеличивается взаимодействие глобального рынка капиталов, товаров и рабочей силы. Интернациональный характер принимают проблемы индустриального воздействия на экологию, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, международных отношений и безопасности.

На мировой арене стали появляться новые акторы, которые не имеют привязки к конкретным государствам. Важную роль начинают играть транснациональные образования: транснациональные корпорации (ТНК) и международные организации¹. Это означает, что в новой системе мироустройства утверждаются «новые центры принятия решений и практической власти, способные влиять на правила игры и даже формировать их на глобальном уровне»². Данные изменения в мировом устройстве протекают в условиях глобализации.

За последние полтора десятилетия понятие «глобализация» стало одним из центральных при исследовании проблем международных отношений и глобального развития. Практически никто из тех, кто изучает новое мироустройство и старается спрогнозировать развитие современных процессов, не обошел стороной этот серьезный вопрос. В связи с широким спектром политических пристрастий в мировой науке и политике не существует единой общепризнанной позиции относительно понятия «глобализация», однако практически ни у кого не возникает сомнений в существовании самого явления, охватывающего практически все сферы деятельности общества.

Многие рассматривают глобализацию как более корректное выражение повсеместной вестернизации и американизации. Во многом именно поэтому, с учетом роли субъектов и объектов глобализации, данное явление воспринимается как негативное. И поскольку главными акторами нового мира являются США и страны, составляющие основу «золотого миллиарда», глобализация приравнивается к вестернизации, а под ней, в свою очередь, понимается американизация³. Например, А. Дугин ставит вопрос о том, насколько глобальна и однозначна глобализация. По его мнению, она может быть представлена как «многополярная» и «однополярная», «глобальная», «американоцентричная»⁴. Причем он отмечает, что первая имеет исключительно теоретический характер и отвечает интересам тех стран, которые оказываются в проигрышном положении в случае успешного осуществления других вариантов глобализации. Однако, на наш взгляд, в этом феномене многозначности термина следует усматривать, скорее, более объективное «формирование и утверждение целостности, взаимосвязанности, взаимозависимости, интегральности мира и восприятие его как такового общественным сознанием»⁵.

---

¹ См.: *Медведева И.Я., Шишова Т.Л.* Логика мирового глобализма. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=11&id=4> (дата обращения: 05.10.09).

² *Косолапов Н.А.* Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу // *Общественные науки и современность*. 2001. 6. С. 140–166.

³ См.: *Прозерский В.В.* Глобализация и культура: аналитический подход. СПб., 2003. С. 47–53.

⁴ *Дугин А.В.* Тезисы о глобализме (глобализации). URL: <http://geopolitica.ru/Articles/207/> (дата обращения: 11.12.09).

⁵ См.: *Мнацаканян М.О.* Глобализация и национальное государство: три мифа // *Социс*. 2004. 5. С. 137–142.

Одной из основных проблем глобализации является неоднородность ее последствий для всех участников интеграционных процессов. Мы предлагаем осветить этот вопрос через взаимосвязь субъектов и объектов этих процессов. С философской точки зрения, субъект и объект находятся в постоянном противостоянии. Именно поэтому все точки зрения на современное мироустройство основываются на противоречиях по линии субъект–объект глобализации. Под первыми понимаются своего рода глобальные лидеры, которые «организуют, направляют и двигают вперед процесс глобализации»¹, а вторые пытаются играть по правилам, установленным субъектами. Причем субъекты в настоящее время могут носить и негосударственный, наднациональный характер. Это мнение подтверждает У. Бек, который считает, что «глобализация обозначает процессы, в которых государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных международных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»².

Более того, можно смело утверждать, что эти акторы являются «институциональной основой» глобализации. К главным участникам интеграционных процессов можно отнести национальные государства, центральные банки (входящие в мировую экономическую систему), международные неправительственные организации (являющиеся международными сообществами людей, которые представляют интересы различных групп), международные правительственные организации (представляющие объединения суверенных государств), транснациональные корпорации, международные финансовые институты³.

Существуют различные мнения относительно данного феномена: от позиций гиперглобалистов (ортодоксы-глобалисты) и трансформистов до скептиков и антиглобалистов. Нельзя не упомянуть и о школе глокалистов, рассматривающих проблему «глобального — локального»⁴ как целое, а не противопоставляющих их, и о таком термине, как «гробализация», которая «подавляет локальное»⁵.

Вызывает споры и сам факт существования глобализации. Например, В. Иноземцев выделяет три причины, по которым процесс глобализации можно назвать нонсенсом. Во-первых, он считает, что «любые "глобальные" изменения порождаются наиболее развитыми хозяйственными системами той или иной эпохи». Во-вторых, эти преобразования не в состоянии ликвидировать «барьеров, разделяющих мировое экономическое и политическое пространство», они усугубляют их, заменяя «условные политические рубежи все более труднопреодолимыми экономическими преградами». И, в-третьих, глобализационные процессы «объективны и подчиняются сугубо хозяйственным закономерностям», оставляя политическому аспекту роль закрепления достигнутых результатов⁶.

¹ Мировая экономика. Субъекты и объекты глобализации. URL: http://www.intereconomic.ru/str_21.php (дата обращения: 01.12.09).

² Beck U. What is Globalization? Wiley-Blackwell. 2000. P. 150.

³ См.: Ervin J., Smith A.Z. Globalization: a reference handbook. ABC-CLIO. 2008. P. 21–26.

⁴ См.: Held D., McGrew A.G. Globalization/Anti-Globalization. Polity Press. 2007. P. 166.

⁵ Ritzer G. The mcdonaldization of Society: An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life. A Sage Publications Company. 2004. P. 165.

⁶ Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль-XXI. 2000. 1. С. 26–36.

Тем не менее такое видение проблемы не отрицает наличия центробежных сил и интеграционных процессов в современном обществе.

Таким образом, несмотря на полярность существующих мнений, все исследователи в той или иной степени видят в глобализации неизбежную парадигму развития мирового сообщества, все они рассматривают позиции государства в мире, находящемся на стадии формирования новой системы миропорядка, лейтмотивом которой выступают глобализационные процессы.

Оставаясь определяющей и движущей силой в мировой политике, государства в определенной степени лишились возможности самостоятельно решать политические и экономические проблемы: «государства все более уязвимы перед лицом внешних угроз, терроризма и преступности»¹. Вместе с тем происходит постоянное увеличение значимости негосударственных образований, в первую очередь, в экономике. Например, в транснациональные корпорации производят сегодня треть совокупного мирового продукта².

Говоря о судьбе государства в глобализирующемся мире, важно раскрыть суть этого понятия, рассмотреть признаки, благодаря которым государство может считаться таковым. В общем смысле государство представляет собой единство власти, населения и территории. Иными словами, государство — это организация политической власти, действующей в отношении всего населения на определенной территории и основанной на единстве закона.

Однако это понятие может иметь и более широкий спектр признаков, которые могут быть представлены следующим образом:

1. Отделение публичной власти от общества, ее несоответствие с организацией всего населения, появление слоя профессионалов-управленцев.

2. Территория, очерчивающая границы государства. Законы и полномочия государства распространяются на людей, проживающих на определенной территории.

3. Суверенитет. Высшей властью, решения которой обязательны для всех граждан, организаций и учреждений, обладает государство.

4. Монополия на легальное применение силы, физического принуждения.

5. Право на взимание налогов и сборов с населения.

6. Обязательность членства в государстве.

7. Претензия на представительство общества как целого и защиту общих интересов и общего блага³.

Таким образом, можно утверждать, что именно глобализационные процессы, возникновение глобальной экономики привели к тому, что благосостояние простых граждан отдельных стран больше не зависит исключительно от действий их правительств. К растущему числу негосударственных, транснациональных субъектов экономики и политики переходит часть функций, которые раньше были прерогативой государства.

---

¹ *Кайзер К.* Взаимоотношения крупных держав в XXI веке. URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/28/8536.html> (дата обращения: 01.12.09).

² См.: Transnational corporations. URL: http://www.foundation-for-gaia.org/index.php%3Foption%3Dcom_content%26view%3Darticle%26id%3D59%26Itemid%3D85+transnational+corporations+and+gdp&cd=7&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 15.11.09).

³ См.: *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М., 1995. С. 191.

Экономический потенциал и мощь транснациональных корпораций превосходят возможности многих стран мира. Глобализация вместе с ТНК ослабляет возможность государства регулировать социальные и экономические связи¹.

Интенсивное развитие коммуникаций ослабило роль государства в информационной сфере, в настоящее время правительства различных стран практически не в состоянии контролировать информационные потоки.

Размывание границ привело к тому, что многие проблемы, носившие внутривнутриполитический характер, становятся проблемами всего мирового сообщества. Международная политика, проводимая государствами, дополняется отношениями между неправительственными организациями, экономическими наднациональными образованиями и т.д.

Однако, на наш взгляд, государство даже в условиях современного интенсивно глобализирующегося мира не потеряет своих позиций в системе международных отношений. Так, по мнению В.А. Никонова, государство сохранит за собой такие определяющие функции, как «обеспечение порядка и обороноспособности, предоставление социальных услуг, регулирование рынка, поддержание транспортной инфраструктуры, контроль за добычей природных ресурсов, регулирование миграции, решение внутренних этнических проблем и другие»².

Тем не менее государствам следует приспособиться к новым условиям ведения игры на международной арене. Они должны быть готовы к конкуренции с новыми образованиями, порожденными глобализацией и повсеместной интеграцией. От этого будет зависеть судьба государства как независимой политической системы.

Очевидно, что процессы глобализации невозможно остановить, но их можно контролировать и направлять для того, чтобы глобализация не стала деструктивной. Для международной стабильности и безопасности необходимо выработать эффективные механизмы совместного управления мировыми процессами.

¹ См.: *Bonanno A., Constance D.* Stories of globalization: transnational corporations, resistance, and the state. Penn State Press, 2008. P. 80.

² *Никонов В.А.* Глобализация и государство. URL:http://www.nasledie.ru/global/17_1/article.php?art=14 (дата обращения: 16.11.09).

С.В. Парастатов,
*аспирант, ассистент Пятигорского
государственного лингвистического
университета*

«Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах

С момента распада Советского Союза, ознаменовавшего собой конец «холодной войны» и, следовательно, всемирную трансформацию структуры системы международных отношений, прошло почти два десятилетия.

Однако отзвук минувшего глобального идеологического противостояния, иногда называемого на Западе «синдромом эпохи после “холодной войны” (Post-Cold War Syndrome¹), раздаётся и в наши дни. Особенно ярко данное явление наблюдается в регионах, территория которых служила границей раздела сфер влияния военно-политических блоков. В свою очередь среди всех регионов, для которых характерен вышеназванный феномен в силу имманентных причин, наиболее конфликтогенным представляются Балканы.

Термин «балканизация», имеющий уничижительный оттенок, давно укоренился в сознании политических деятелей и публицистов как синоним крайней раздробленности. Широкий спектр всевозможных конфликтов, находившихся в эпоху «холодной войны» в «замороженном» состоянии, много веков назад тугим узлом затянулся в балканском регионе. Распад биполярной системы международных отношений дал новый импульс развитию дезинтеграционных процессов на волне обострения межнациональных конфликтов на Балканах.

Ввиду перманентного наличия в балканском регионе целого ряда животрепещущих проблем («югославский кризис» со всеми его последствиями), невооружённые конфликты зачастую не рассматривались мировым сообществом как способные серьёзно дестабилизировать ситуацию в регионе. Однако расширение Североатлантического Альянса на Восток, а также проблемы обеспечения энергетической безопасности Западной Европы выявили немаловажное значение разрешения подобных конфликтов. Одним из таких конфликтов в настоящее время является «македонский вопрос».

Современный греческий «антимакедонизм» начал формироваться в середине прошлого столетия как реакция на проводимый югославским лидером Иосипом Броз Тито на территории сербско-македонской провинции Вардарская бановина македонский *nation-building* (создание «искусственной» нации), первым шагом к которому было образование шестой союзной республики — Социалистической Республики Македония. Такая политика объяснялась как внутренними, так и внешнеполитическими соображениями. Главной целью Броз Тито было пресечь проболгарские ирредентистские настроения в регионе путём искусственного создания новой нации — македонцев. Однако если в эпоху существования Социалистической Федеративной Республики Югославия греческие власти достаточно терпимо относились к внутривнутриполитическим переменам соседнего государства, то коллапс социалистического лагеря Восточной Европы начала 90-х гг. XX в., повлекший за собой распад СФРЮ, явился для Афин настоящим вызовом.

8 сентября 1991 г. в пока ещё принадлежавшей Югославии союзной республике Македония состоялся референдум по вопросу создания суверенного и независимого государства Македония, которое впоследствии будет вправе присоединиться к будущему союзу суверенных государств Югославии. После того как подавляющее большинство ответило на этот вопрос положительно, 17 сентября 1991 г. национальное собрание края провозгласило независимость, то есть образование суверенной Республики Македония.

¹ См., например: Beyond the «Post-Cold War Syndrome». The Case of Russian Foreign Policy. URL: <http://ci.nii.ac.jp/naid/110000439656/en> (дата обращения: 05.01.10).

В Греции таким изменениям в соседней республике были далеко не рады. Уже перед плебисцитом тогдашний греческий министр иностранных дел Антонис Самарас заявил, что Афины не готовы признать независимость какого-либо государства с названием «Македония», так как это наименование является частью исторического и культурного наследия Греции, несмотря на то, что не вся территория Древней Македонии входит в состав современной Греции.

Позиция Греции основывалась не только на том, что название «Македония» греческого происхождения, но и на том, что на севере современной Греции есть область с одноименным названием. Кроме того, греческие власти неоднократно отмечали, что древние македонцы были греками и разговаривали на одном из древнегреческих диалектов, а современное славянское население молодой республики является пришлым и на современной территории впервые датируется историками лишь в V в. н. э., во время Великого переселения народов. Таким образом, по мнению греческих властей, де-факто шел процесс узурации новым государством чужой истории и культуры.

Греко-македонский конфликт вокруг названия разросся до общеевропейского уровня в декабре 1991 г., когда Республика Македония подала заявление о ее признании странами Европейского Сообщества. Греция как государство-член ЕС намеревалась навязать новообразовавшемуся государству название, которое не содержало бы в себе таких понятий, как «Македония», «македонский» или «македонцы». Одним из применяемых Афинами средств была угроза использования права вето в коллегиях объединенного Европейского Сообщества в случае, если последние не примут во внимание требование Греции относительно данного вопроса.

Однако в Афинах не могли полагаться лишь на стратегию вето. Помимо того, что использование права вето могло привести к полной изоляции Греции в пределах ЕС, все больше возрастала опасность расторжения договоренности отдельными государствами-членами Сообщества и признания ими Республики Македония на свой страх и риск. Следовательно, для Греции было крайне важно разъяснить «западноевропейцам» свои возражения относительно наименования северного соседа, то есть сыграть на их чувствах и, таким образом, предотвратить «опрометчивое» признание молодой республики. Данная кампания по убеждению помимо прочего осуществлялась при помощи целого ряда меморандумов и личных писем, присылаемых с 1991 по 1994 гг. политическим руководством страны лидерам одиннадцати государств-членов Сообщества. Кроме того, бывший в то время президентом Греции Константинос Караманлис всякий раз прибегал к использованию своего авторитета, который он себе снискал в Европе в течение десятилетий, когда казалось, что ситуация складывается в пользу Скопье.

Изначально к заявлениям властей Греции о присвоении Македонией не только греческого исторического наименования, но и древнемакедонской символики (так называемая «Виргинская звезда» на флаге новой республики) в Европе отнеслись крайне скептически. Однако после появления в македонской конституции от 17 ноября 1991 г. формулировок о возможных

территориальных изменениях государства вследствие присоединения греческой и болгарской частей Древней Македонии (идея образования «Великой Македонии»), а также о всяческой «заботе и поддержке» «македонского народа», проживающего на территории соседних государств, настороженность и опасения Греции перестали казаться надуманными и беспочвенными. 6 января 1992 г. под давлением Европейского Сообщества в некоторые статьи македонской конституции были внесены соответствующие изменения.

Начало 1992 г. было одним из критических моментов. Сначала «Комиссия Бадинтера» к большому удивлению Афин заявила о «пригодности» Македонии быть признанной¹. Затем последовало признание Македонии со стороны Болгарии, что вызвало в Греции еще более глубокие разочарования, так как София с середины 70-х годов не только относилась к числу самых близких союзников Греции на Балканах, но и вела аналогичную Афинам политику в отношении Македонии на протяжении последних четырех десятилетий.

Наконец, итальянский министр иностранных дел Джанни Де Микелис вызвал у греков чувство глубокой досады, заявив 16 января 1992 г., что «конституционное название македонского государства не угрожает безопасности Греции» и одновременно выступил за скорое, имея ввиду промакедонское, решение вопроса о ее признании. В Греции высказывание Де Микелиса истолковали как разрыв «европейской солидарности», обещанной в начале «Югославского кризиса» и испугались одиночных действий Италии, касающихся признания Македонии. В этой крайне неприятной для Греции ситуации президент Караманлис счел себя вынужденным действовать и послал в соответствии с этим итальянскому премьер-министру Джулио Андреотти официальное письмо, в котором Италии с исторической точки зрения объяснялась позиция Греции в споре вокруг названия Македонии².

Таким образом, несмотря на то, что в 1992–1993 гг. конституционное название новой республики было признано многими государствами (в том числе и Российской Федерацией), Греции все-таки удалось воспользоваться правом вето и «заставить» ООН, ЕС, НАТО и ряд других международных организаций называть Македонию в международных документах «Бывшая Югославская Республика Македония» (БЮР Македония).

Однако на этом претензии Греции не были удовлетворены. Греческое государство настаивало на изменении национального флага Македонии, то есть призывало убрать с полотнища «Виргинскую звезду». Ввиду этого Греция объявила Македонии торговую блокаду и закрыла с ней свои границы. Санкции были сняты при посредничестве ООН в 1995 г. после того, как Македония заменила «Виргинскую звезду» стилизованным восьмиконечным солнцем.

Предложение Скопье о вступлении в Европейский Союз 22 марта 2004 г. дало новую возможность урегулирования нерешенного вопроса между

¹ См.: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000) // Русское право / Русский Национальный Фонд. М., 2001. С. 341.

² См.: Brief des Präsidenten der griechischen Republik K. Karamanlis an den Ministerpräsidenten Italiens G. Andreotti. 1992. 21 Jan. URL: http://www.europa.clio-online.de/site/lang__en/ItemID__232/mid__11373/40208215/default.aspx (дата обращения: 18.12.09).

государствами-соседями. 14 сентября 2004 г. в Брюсселе на специальном заседании стран-членов ЕС по процедуре присоединения Македонии было установлено, что разногласия с Грецией относительно названия государства все еще существуют. На основании этого ЕС призвал противоборствующие стороны как можно скорее прийти к взаимовыгодному разрешению проблемы.

В декабре 2006 г. конфликт получил новый резонанс после того, как правительство Македонии объявило о переименовании аэропорта в Скопье в аэропорт имени Александра Македонского, что незамедлительно вызвало протест министерства иностранных дел Греции.

2–4 апреля 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте, где рассматривались кандидатуры Хорватии, Украины, Грузии, Македонии и Албании по вступлению в Североатлантический альянс, Греция заблокировала принятие решения в отношении Македонии.

6 июня 2008 г. греческие власти отказали в посадке самолету президента Македонии, прибывшему в Грецию на очередной саммит глав стран юго-восточной Европы, так как на фюзеляже самолета была надпись «Республика Македония», а не «БЮР Македония».

На сегодняшний день конституционное название Македонии (Республика Македония) признают и используют в двусторонних отношениях многие государства, в том числе и три из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН — Россия, США и Китай. Два других постоянных члена Совбеза — Великобритания и Франция, наряду с другими странами-членами ЕС, принимают притязания Греции и признают название БЮР Македония. При международно-правовых сношениях наименование БЮР Македония является обязательным для всех государств-членов ООН.

Нерешенная проблема названия молодого балканского государства уже давно стала предметом спекуляции среди «великих держав». В настоящий момент, по мнению греческих аналитиков, признание хотя бы одной из этих держав (главным образом, конечно, США) составного названия БЮР Македония будет иметь поворотное значение в направлении разрешения вопроса. Однако США, заинтересованные в скором вступлении Македонии в НАТО, явно не готовы сделать подобный шаг. Не желает Вашингтон оказывать серьезное давление и на Афины. В данном случае имеет место этнический лоббизм, а именно, двухмиллионная, греческая диаспора в США, традиционно тяготеющая к демократам и сыгравшая не последнюю роль в победе на выборах Барака Обамы¹.

Что касается Москвы, то 21 октября 2008 г. официальный представитель МИД России Андрей Нестеренко сделал публичное заявление, что российская позиция касательно «македонского вопроса» остается неизменной. Несмотря на то, что в 1992 г. Москва признала конституционное наименование Республики Македония, «в данный момент Российское государство выступает за разрешение спорного вопроса между Грецией и БЮРМ при помощи ООН в качестве посредника»².

¹ См., например: Этнический лоббизм в США: успехи греческой диаспоры. URL: <http://h.ua/story/154267/> (дата обращения: 19.11.09).

² Россия не изменила подход к спору по поводу названия Македонии. URL: <http://www.zakon.kz/index.php?newsid=123601> (дата обращения: 19.11.09).

Однако принципиальная в нерешенном вопросе позиция Афин, о чем свидетельствует иногда чрезмерно открытая конфронтация с некоторыми западными державами (в первую очередь с США), а также то, что Греция с недавних пор де-факто осталась без союзников вблизи своих границ, может послужить катализатором развития российско-греческих отношений. Утратив свое влияние в регионе после распада СССР, сегодня Москва продолжает поддерживать традиционно дружеские отношения лишь с Сербией и Грецией. При этом в последней особенно сильно проамериканское лобби, что играет достаточно негативную роль в процессе консолидации взглядов Греции и России. Возможно, именно «македонский рычаг» способен оказаться козырем в «рукаве» Москвы, дающим возможность реализовать свои внешнеполитические задачи на Балканах.

А.А. Драганов,
*преподаватель Пятигорского государственного
лингвистического университета*

Иран и Большой Ближний Восток в парадигме современных региональных геополитических процессов

Цель статьи — определение геополитических интересов Ирана на Большом Ближнем Востоке. Данная проблема является актуальной для всего мирового сообщества, поскольку внешнеполитический курс Исламской Республики Иран (ИРИ) определяется, прежде всего, разработкой ядерной программы. Одним из первых определяющих решений нового президента после его избрания в 2005 г. было возобновление переработки урана на заводе в Исфахане. Этим шагом Ахмадинежад дал понять, что страна избирает новый, более активный политический и независимый курс в отношении ядерной программы, поддерживая официальные контакты с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ).

Действия иранского президента вызвали отрицательную реакцию со стороны Европейского Союза. Особенно резко против планов ИРИ по обогащению урана выступила так называемая европейская тройка — Великобритания, Франция и Германия. Европейские государства настаивают на полном прекращении иранской деятельности по обогащению урана. Взамен они обещают масштабное экономическое сотрудничество и содействие в освоении современных технологий. Однако Иран твердо намерен продолжать свои ядерные исследования. Лейтмотивом иранской позиции по ядерной программе являлось создание собственного ядерного топливного цикла в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Иран проявляет готовность сотрудничать с МАГАТЭ в разрешении неясных моментов в деятельности ИРИ по освоению мирного атома¹.

¹ См.: *Мирский Г.* Иран и США: Противостояние на фоне «ядерного кризиса» // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. 7. С. 11.

Вместе с тем иранская позиция по ядерной программе в отдельных вопросах становилась более жесткой и бескомпромиссной. Прежде всего это выразилось в приостановке меджлисом процесса ратификации Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях МАГАТЭ. 24 сентября 2005 г. на заседании Совета управляющих МАГАТЭ была принята достаточно жесткая резолюция, открывающая путь для передачи иранского «ядерного досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН с перспективой введения международных санкций против ИРИ. При голосовании резолюцию поддержали 22 страны, воздержались — 12, в том числе Китай, Россия и Пакистан¹.

В ответ на это меджлис призвал пересмотреть внешнеэкономические связи ИРИ в пользу тех государств, которые отказались поддержать резолюцию. М. Ахмадинежад заявил, что «позиция Франции в отношении мирной ядерной программы Ирана является тормозом в развитии двусторонних отношений», добавив, что Иран ожидает от Франции позитивных шагов по «восстановлению испорченных отношений между двумя странами». Кроме того, на встрече с премьер-министром Турции Ахмадинежад высказал намерение ИРИ экспортировать мирные ядерные технологии в другие страны исламского сообщества. Выступая на заседании кабинета министров 21 сентября 2005 г., Ахмадинежад подчеркнул, что Тегеран не собирается действовать с позиции силы, однако в случае усиления давления со стороны Запада реакция иранской стороны будет адекватной. Такие действия иранского руководства разочаровали представителей ЕС, особенно США².

В то же время Иран попытался договориться с рядом неевропейских государств, в первую очередь со странами-членами Совета управляющих МАГАТЭ и членами движения неприсоединения по ядерной иранской программе. Практическим воплощением этой тактики стали визиты иранских высокопоставленных лиц в столицы ядерных государств региона — Китая, Индии, Пакистана и России. Особую признательность Иран выразил Китаю за его позицию по иранской ядерной программе. Президент Ахмадинежад подчеркнул готовность Ирана развивать сотрудничество с Китаем и поднять двусторонние отношения на новый уровень. Министр иностранных дел ИРИ Моттаки, посетивший Китай в октябре 2005 г., призвал китайский бизнес к активным инвестициям в иранскую экономику, особенно в нефтегазовый сектор. Китай заинтересован в иранской нефти. Иран занимает второе место в ряду поставщиков энергоресурсов этого региона. Товарооборот между Ираном и Китаем за 8 месяцев 2005 г. увеличился в полтора раза и составил 9 млрд долларов³.

Одной из стран Центральной Азии, с которой ИРИ поддерживает тесные связи, является Пакистан. Это мусульманское государство, хотя официально данный статус не запротоколирован. Нельзя не учитывать и то, что Пакистан

¹ См.: *Примаков Е.* Это Ближний Восток, это своя специфика // *Международная жизнь.* 2006. 4. С. 25.

² См.: *У ядерного порога: уроки кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения* / под ред. А. Арбатова // *Разоружение и безопасность. 2004–2005: новые подходы к международной безопасности: сборник.* М., 2007. С. 35.

³ См.: *Мальшева Д.* Геополитические маневры на Каспии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. 5. С. 77.

обладает ядерным оружием и баллистическими ракетами (последнее испытание баллистических ракет, способных нести в себе ядерный заряд, произошло 23 февраля 2007 г.)¹.

Принимая во внимание последний факт, можно утверждать, что Пакистан имеет предрасположенности к контролю над всеми политическими процессами в данном регионе. Однако некоторые противоречия между Пакистаном и Индией, которая также обладает ядерным оружием, являются препятствием для расширения политического влияния данной страны на весь Ближний Восток. В этом случае Пакистан должен руководствоваться интересами своей национальной безопасности.

В Афганистане после военной кампании Советского Союза возрос конфликтный потенциал внутри страны. После начала военных операций Соединенных Штатов против религиозного движения «Талибан» уровень интенсивности возникновения новых конфликтов неуклонно растет. Можно дискутировать о том, насколько правомерно подобное заявление, но факты трудно оспорить: различные контртеррористические операции стран блока НАТО, ответные террористические акты со стороны движения «Талибан» и т.п.² Данные факты не позволяют нам утверждать, что конфликтный потенциал в Афганистане будет угасать.

Несмотря на то, что у Афганистана, как и у других стран данного региона, имеется большой запас природного газа и энергоресурсов, наличие внутренних вооруженных конфликтов идет вразрез с представлениями о государстве, которое претендует на главную роль в региональных геополитических процессах Среднего Востока.

Россия не отказалась от своей прежней позиции поддержки иранской мирной ядерной программы и после принятия резолюции МАГАТЭ. Именно благодаря позиции России и Китая в резолюции по Ирану не была указана конкретная дата передачи этого вопроса в Совет Безопасности ООН. Россия и Китай пытаются убедить Иран проводить более взвешенную политику по ядерной проблеме.

Ю.Г. Романченко утверждает, что в настоящее время наибольшую значимость для национальных интересов России и Ирана будут иметь противоречия глобального характера³. Они связаны с будущим истощением энергетических ресурсов и возникновением различного рода межгосударственных конфликтов вследствие борьбы за контроль над источниками энергии. «Мирный атом» — это один из путей решения проблемы обеспечения энергетическими ресурсами.

Поддержка Россией мирной ядерной программы Ирана определяется рядом причин. Успешное завершение строительства в Бушере может обеспечить России новые подобные контракты в других районах Ирана. В перспективе ИРИ планирует построить 20 новых атомных электростанций, что позволит

---

¹ См.: Пахомов Е. Пакистан успешно испытал ракету, способную нести ядерные боеголовки // РИА-Новости. URL: <http://rian.ru/society/20070223/61149557.html> (дата обращения: 08.12.09).

² См.: Маркедонов С. Уроки Афганистана: Афганистан.Ру. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/8209.html> (дата обращения: 08.12.09).

³ См.: Романченко Ю.Г. Российско-иранские отношения в контексте обеспечения безопасности в Центральной Азии, Закавказье и Каспийском бассейне // АЗИЯИНФОРМ. 2007. 7 марта.

России извлечь большую экономическую и финансовую выгоду¹. Кроме того, Российская Федерация поставляет Ирану военную технику и вооружения оборонительного порядка и не захочет потерять этот выгодный рынок. Имея нормальные дипломатические отношения с иранским режимом, Россия не заинтересована в его дестабилизации. В результате смены режима в Тегеране к власти могут прийти проамериканские силы, что может создать опасную ситуацию в Центральной Азии и особенно на Кавказе. В то же время Россия не заинтересована в том, чтобы Иран овладел атомным оружием, так как это, несомненно, создаст определенную напряженность и опасность на южных границах России. Поэтому российские политические деятели неоднократно подчеркивали, что иранская ядерная программа создается только в мирных целях, исключая создание атомного оружия.

Как представляется, планы Ирана расходятся с этими пожеланиями. Иран стремится именно к созданию атомного оружия, считая, что только оно может обеспечить безопасность государства и исламского режима. Сегодня перед иранскими руководителями стоит сложный вопрос: как защитить «жесткий» курс в отношении ядерной программы ИРИ и в то же время выглядеть умеренными политиками. В связи с этим руководство Ирана пытается осуществлять двойную тактику. С одной стороны, игнорируя европейцев, Иран рассчитывает на иракский тупик, лабильный мировой рынок нефти и развитие экономического сотрудничества с Китаем и Россией. С другой стороны, Иран эксплуатирует свое законное право на использование атомной энергии в мирных целях под контролем МАГАТЭ. Одновременно ИРИ стремится расколоть движение неприсоединения и убедить его лидеров в том, что меры, принятые против ИРИ, носят дискриминационный характер и могут быть использованы США и Европой как прецедент, который позволит закрыть доступ к получению мирной энергии атома и другим странам.

Такая политика, приносит определенные плоды. Россия и Китай вместе с десятью государствами движения неприсоединения воздержались при голосовании по иранской атомной программе в МАГАТЭ². Нынешнее руководство ИРИ пытается поднять ядерную программу до уровня одного из основных национальных интересов современного иранского государства.

Иран озабочен возможной дестабилизацией ситуации в регионе, присутствием многотысячных американских войск в соседних странах, особенно в Ираке и Афганистане. Он опасается, что ему не на кого будет рассчитывать в критической ситуации, так как он находится в окружении проамерикански настроенных стран либо государств, на территории которых расположены американские войска или базы. Сегодня военной мощи ИРИ недостаточно, чтобы эффективно противостоять потенциальным противникам в лице Израиля и США. Все это обуславливает скрытое стремление Тегерана к обладанию ядерным оружием, что на практике скорее всего означает озабоченность ИРИ приобретением своеобразного

¹ См.: *Макаркин А.* Иранские маневры России // Prime-Тайм. URL: http://vmeste.org/prime/prime_politkom3.htm (дата обращения: 14.12.09).

² См.: *Абазева А.* Россия и ислам: политические и экономические аспекты диалога // Центральная Азия и Кавказ. Швеция. 2006. 2. С. 157.

фактора сдерживания потенциального агрессора в условиях отсутствия явных и надежных союзников в регионе.

На сегодняшний день Иран принимает активное участие во всех процессах, происходящих на Ближнем Востоке. Следствием этого является увеличение активности ИРИ на международной арене. Можно с уверенностью утверждать, что Иран стремится занять ключевое положение в регионе. Данный вывод основывается на ряде объективных факторов, которые позволяют нам говорить об Иране как об одной из влиятельных стран Ближнего Востока.

Ключевое положение ИРИ заключается в ее уникальном географическом положении, а также сосредоточении в Иране большого экономического потенциала (наличие углеводородных ресурсов, развитие высоких технологий). Иран активно взаимодействует с государствами Южного Кавказа, в частности, с Арменией, интересы которой отвечают внешнеполитическим интересам ИРИ. Азербайджан и Армения, заслуживающие особого внимания, являясь странами Южного Кавказа, в свою очередь, попадают в сферу интересов США и Российской Федерации.

Поскольку после исламской революции Иран приобрел статус мусульманского государства, стремящегося стать региональной державой, вполне понятно, что страны мусульманского мира находятся в сфере его стратегических интересов. Естественно, что к мнению Ирана будут прислушиваться все геополитические региональные и внерегиональные «игроки» и «центры силы» данного региона.

Подводя итоги проведенного анализа политики непосредственно соседствующих с Исламской Республикой Иран государств, а также самого Ирана и его взаимодействия с ближайшими соседями, можно с уверенностью утверждать, что данные страны Среднего Востока и Центральной Азии в силу определенных нами обстоятельств в ближайшем будущем не будут выступать в качестве региональных геополитических держав. Четко прослеживается активное стратегическое сотрудничество с Туркменистаном: между Туркменистаном и Ираном подписаны свыше 150 различных документов, регламентирующих сотрудничество в разных областях. Связи Туркменистана и Ирана, тем самым, очевидно, укрепляются. Тем не менее возможности расширения сотрудничества Ашхабада с Тегераном лимитируются неоднозначным отношением мирового сообщества к политике руководства Исламской Республики Иран, и особенно к атомным проектам Тегерана. Мягкая изоляция Ирана препятствует, например, реализации масштабных проектов экспорта туркменских энергоносителей на внешние рынки через иранскую территорию¹. Так же активно ИРИ взаимодействует с Пакистаном в торгово-экономической сфере (энергоресурсы). Афганистан и Ирак не могут рассматриваться как стратегические партнеры Ирана в силу их высокого конфликтного потенциала, тем более что на их территории присутствуют вооруженные силы США. Что касается О.А.Э. и Саудовской Аравии, то они, являясь проамериканскими государствами во внешней

---

¹ См.: Куртов А.А. Туркменистан и Иран: взаимоотношения соседей // АЗИЯИНФОРМ. 2007. 15 янв.

политике, пытаются выступать как относительно самостоятельные игроки на Среднем Востоке, без претензий на региональное лидерство.

Стремлением ИРИ закрепиться в качестве регионального геополитического центра силы объясняются также определенные шаги со стороны Ирана принять более активное участие в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), где он является на сегодняшний день наблюдателем. Как представляется, в случае принятия в ШОС Иран полностью состоится как региональный геополитический актор на Кавказе и Большом Ближнем Востоке, тесно сотрудничая с Россией и Китаем.

М.С. Зинченко,
*преподаватель Пятигорского государственного
лингвистического университета*

Проблема политизации ислама в современном мире: вопросы теории и практики

На протяжении последних десятилетий мир был свидетелем неуклонного усиления политической роли ислама как во внутреннем, так и во внешнем развитии целого ряда стран. После революции в Иране (1979 г.) заговорили о «возрожденческом движении почти всемирного масштаба», «регенерации исламского этноса», о том, что мусульманский мир вступил в «одну из наиболее решающих фаз своей религиозной и культурной истории»¹.

Обобщая взгляды большинства зарубежных и отечественных исследований, можно выделить три генеральных направления политической мысли, характерных для современного ислама, каждое из которых активно борется за усиление своего влияния на верующих. Среди них — традиционализм, модернизм и исламизм (политический ислам). Все они появляются как ответ на идеологический вызов Запада и отражают три возможные реакции: попытку законсервировать идеи и институты дозападного мира, признание главенства Запада и приспособление к нему и борьбу с Западом посредством утверждения собственной идейной и практической альтернативы.

Наиболее активным вариантом выстраивания отношений ислама и политики является исламизм — политический ислам, представляющий собой антизападный и антилиберальный вариант реформизма, который в отличие от модернизма не ведет к секуляризации, объясняя политические явления исключительно через события сакрального мира. По своей гибкости и умению приспособливать старую догматику к новым условиям (то есть активному использованию иджихада) исламизм сравним с традиционализмом. Однако исламисты изменяют догмы не для того, чтобы легитимизировать правящие режимы и не для того, чтобы приспособиться к народной религиозности,

---

¹ См.: *Косов Г.В.* Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политологического анализа. Ставрополь, 2008. С. 145.

а для того, чтобы в исламе найти обоснование борьбе против существующего политического порядка. Исламизм — идеология революции. «Все многообразие практики исламского поведения можно распределить между двумя крайними полюсами, которые неизбежно упираются в общественно-политическую материю: один полюс — это структуры, покорно служащие земной власти, ибо “всякая власть от Бога”, а другой — структуры, отрицающие правомочность существующих земных порядков, нацеленные на мятежное противостояние “миру, забывшему Бога”, далекому от того, что было заповедано Им» — пишет Э.Ф. Кисриев¹. Не зря его иногда называют «исламской теологией освобождения», проводя прямые и косвенные параллели с политизированным гибридом католицизма и марксизма.

Политический ислам представляет собой союз теологии и политики (теории и практики). Они находятся в диалектическом единстве: политическая практика вторична по отношению к теологии, но формы этой практики заставляют изменять теологию. Идеология политического ислама — набор определенных концепций, которые могут произвольно использоваться для конструирования конкретной идейной позиции. Эти концепции могут быть по своему происхождению исламскими («ждахилийя», «шикр»), западно-либеральными («исламская демократия»), марксистскими («исламская революция») и т.д. Многообразие источников концепций служит доказательством постмодернистской природы исламизма. Эклектический характер исламизма, его внутренняя противоречивость никак не обсуждается идеологами. Они лишь декларируют определенные принципы, которые, взятые вместе, образуют мозаику политической религии².

Наш анализ политического ислама как результата современного процесса политизации религии основывается на работах исламистов из разных стран, суннитов и шиитов, основателей исламизма и их современных последователей. Комплексный подход к источникам обусловлен, во-первых, тем, что сами исламисты ссылаются на работы друг друга, во-вторых, тем, что пишут они приблизительно одно и то же, и, в-третьих, тем, что современные идеологи являются в большей степени интерпретаторами и толкователями наследия ранних исламистов, чем оригинальными мыслителями³. При этом, рассматривая политический ислам, имеет смысл уйти от жесткого разграничения между суннизмом и шиизмом. Преодоление этого разделения, так же как разделения суннитов по мазхабам — одна из основных задач исламистов. Они стремятся вернуться к исламу времен Пророка, не знавшему современной раздробленности. «Каждый, кто попытается разделить мусульман на шиитов и суннитов, не принадлежит ни одной из этих общин и должен считаться неверным», — писал Аятолла Хомейни⁴. В этом же ключе высказывался и духовный лидер Судана Хасан ат-Тураби: «Мы не сунниты и не шииты, и не разделены по мазхабам»⁵.

¹ Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004. С. 221–222.

² См.: Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. М., 2009. С. 103–104.

³ См.: Малащенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006. С. 76.

⁴ Цит. по: Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма». М., 2008. С. 76.

⁵ Цит. по: Поляков К.М. Арабский восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2001. С. 21.

Все это обуславливает необходимость рассматривать исламизм как целостное явление, несмотря на наличие внутри него различных направлений и ответвлений. Данный подход, например, применяется А.В. Малашенко, который также считает, что «между суннитским и шиитским вариантами исламизма принципиальной разницы нет»¹. Единственное различие, имеющее значение — это различие между исламизмом умеренным (с которым современные государства могут уживаться) и радикальным (оппозиционным вплоть до использования экстремизма, терроризма и восстаний). Умеренные исламисты действуют через легальные политические институты. «Они не ломают систему, но трансформируют ее “под себя”, стремясь занять внутри нее стабильное место... Радикалы же ведут борьбу за смену системы»². Остальные различия не имеют особого значения, косвенным доказательством чему является тот факт, что сами исламисты легко преодолевают их.

К классикам раннего исламизма принято относить Абу Аля Маудуди (1903—1979, Пакистан), Сайида Кутба (1906—1966, Египет), Хасана ат-Табари (р. 1932, Судан), Аятоллу Рухоллу Хомейни (1900—1989, Иран), а также их менее известных учеников и продолжателей. Как видим, все они жили и проповедовали в XX в., что позволило Ф.М. Мухаметшину сделать вывод о том, что «исламский фундаментализм — феномен второй половины XX века»³, который возник как результат «глубоко ощутимых» угроз, внешнего давления, разочарований и неудач, пережитых миром ислама еще в первой половине XX в. Однако в качестве идейных и исторических предшественников исламистов часто называются Ахмад Ибн Ханбал (780—855), действовавший еще в IX в. как «решительный противник рационального толкования исламских догматов» и основоположник ханбалитского мазхаба — «наиболее строгой богословско-юридической школы в исламе», его самый известный последователь Ахмад Таки ад-Дин Ибн Таймийя (1263—1328), требовавший «возврата к первоначальной чистоте ислама», а также аравийский религиозный реформатор XVIII в. и основоположник ваххабизма Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб.

Несмотря на то, что все теоретики политического ислама были вынуждены создавать теории «построения исламизма в одной стране» (по аналогии с «построением социализма»), они не оставляли идею создания мировой Уммы — единого религиозно-политического сообщества, объединяющего все человечество. В работах Маудуди, Кутба, Хомейни и других исламистских идеологов со всей очевидностью проявляется универсализм политического ислама, его претензии на глобальную роль.

Суть исламского сценария глобализации заложена в исламском взгляде на мир, в соответствии с которым мир делится на «дар уль ислам» (местонахождение ислама), «дар уль харб» (местонахождение войны) и «дар уль курф (сульх)» (местонахождение мирного сосуществования, мир неверия)⁴.

¹ Малашенко А.В. Указ. соч. С. 54.

² Там же. С. 85.

³ Мухаметшин Ф.М. Взгляд на исламский фундаментализм. М., 1998. С. 9—63.

⁴ Цит. по: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 12.

В пределах dar-al-Islam возобладали дружба и сотрудничество на основе исламских принципов. **Dar-al-harb** включает арену прямых военных конфликтов, а также тех, кто находится во враждебном отношении к исламу. Странами dar-al-sulh являются те немусульманские страны, которые достигают большой автономии и мира за счет больших выплат и налогов в мусульманскую казну. Исламский проект, отвергая существующий миропорядок, возникающий в результате западной колонизации, отрицает секулярное национальное государство и ориентирует на возврат к идее халифата — «исламского идеального государства».

В рамках концепции исламского миропорядка, которая была озвучена в Декларации международного семинара, проходившего 3–6 августа 1983 г. в Лондоне, подчеркивается, что одной из политических целей Уммы является объединение всех исламских движений в единое глобальное движение «с тем, чтобы создать исламское государство»¹. Учитывая то, что «джихад» является «важным долгом каждого мусульманина во все времена», он должен стать существенным элементом современного исламского движения. Процесс создания исламского государства сопряжен, по мнению участников семинара, во-первых, с ликвидацией всех видов власти, находящихся в конфликте с Аллахом и его пророком, во-вторых, политическим, экономическим, социальным, культурным и философским влиянием западной цивилизации. Конечной целью исламского варианта глобализации должно стать установление справедливости «во всех человеческих отношениях на всех уровнях в мире»².

Исламская система (порядок), по мнению Шамиса Абд аль-Манама, призывает к полной всеобъемлющей социальной справедливости; свободе народов без какой-либо расовой дискриминации, преимуществ араба над иностранцем иначе как в набожности; свободе мысли.

Исламский сценарий глобализации связан с превращением исламской традиции в политическую идеологию, стремящуюся, во-первых, к объединению всех мусульман в едином исламском государстве и, во-вторых, к тотальной войне против всех неверных с целью их обращения в ислам для дальнейшего их включения в состав исламского государства. Современный автор аль-Афгани разработал основополагающие принципы панисламизма: «во-первых, отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; во-вторых, подтверждение основного принципа (панисламизма) — ислам верен для любого места и времени»³.

Перед исламистами стояла задача-максимум — обращение в ислам всего мира и превращение человечества в единую умму. Задача-минимум — добиться хотя бы реисламизации регионов с историческим мусульманским населением. Иранская (шиитская) революция, обозначив прорыв на этом направлении действий мирового политического ислама, по мнению А.В. Малашенко, принесла в суннитский мир идею победы политического ислама⁴. Тем не менее экспорт иранской революции в суннитские государства

¹ Цит. по: *Жданов Н.В.* Указ. соч. С. 24.

² Цит. по: Там же. С. 24.

³ Цит. по: Там же. С. 12.

⁴ См.: *Малашенко А.В.* Указ. соч. С. 86.

не всегда был успешным. Со временем это привело к тому, что Иран все меньше стал ощущать себя авангардом исламизации мира и все больше — национальным государством, реализующим собственные интересы.

Эти процессы были вызваны разочарованием не только в панисламистском проекте, но и в возможности постепенной исламизации исторически мусульманских государств. Некоторые авторы даже стали полагать, что происходившие процессы озаменовали поражение или провал исламизма. Так, Ж. Кепель в 2001 г. утверждал, что «исламистские движения вступили в фазу заката, который с середины 90-х годов XX века становится все более стремительным»¹. Однако, как справедливо замечает О. Руа, «смягчение позиций крупных исламистских движений и их интеграция в своеобразную форму национализма открыли нишу для нового типа радикализма, который должен был быть суннитским, идеологически консервативным и наднациональным»². Помимо идейного разочарования значительную роль в обновлении исламизма сыграли отрицательные социально-экономические последствия неолиберальной глобализации.

В начале 1990-х гг. поднимается вторая волна исламизма. Для представителей этой волны характерно фундаменталистское видение мира как полностью погибшего и не предназначенного для спасения. Исламисты предполагают (хотя и не могут быть уверены в этом), что человечество живет под властью Даджала (антихриста). Все, что может сделать авангард «избранных» — вести партизанскую войну и наносить точечные удары по миру джахилии. Конечно, исламистский идеал остается прежним: создание всемирной уммы, но процесс борьбы становится для исламистов новой волны важнее результата. «У этих радикалов очень слабая программа, сводящаяся к введению шариата и игнорирующая важные социальные и экономические требования старых движений»³, — пишет о «новых исламистах» О. Руа. Разумеется, «новый исламизм» не отменяет «старый» — они сосуществуют, иногда сотрудничая, а иногда враждуя.

Идейной основой нового исламизма (в его радикальном варианте) является фундаментализм, который в политическом исламе сегодня представлен многочисленными международными террористическими организациями. В настоящее время в мире существуют сотни исламистских террористических организаций и группировок. По оценкам западных спецслужб, в 1968 г. их было 13, а в 1995 г. — уже около 100, причем общее число активных членов, способных совершить террористические акты, к этому времени составляло не менее 50 тыс. человек⁴. Ю.П. Кузнецов считает, что «в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80 % террористических актов в мире, и в конце XX в. на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности»⁵. Российский эксперт по проблемам

¹ См.: Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 9.

² Рой О. Бен Ладен: апокалиптическая секта, отколовшаяся от политического ислама // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. 4. С. 74.

³ Там же. С. 75.

⁴ См.: Полонский В. Джихад всему миру // Общая газета. 1995. 17.

⁵ Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. СПб., 1998. С. 31.

радикализма в исламе А.А. Игнатенко, в свою очередь, называет цифру 200¹. Среди наиболее одиозных террористических группировок, действующих в современном мире, можно назвать: международные террористические организации исламских ультра-радикалов «Аль-Каида» и «Мировой фронт джихада», палестинские движения сопротивления «ХАМАС» и «Исламский джихад», египетские «Ал-Гамаат ал-исламийа» и «Ал-Джихад», пакистанские «Джамаат ал-фукра» и «Харакат ал-ансар», ливанскую «Хизбалла» («Партия Аллаха») и «Вооруженную исламскую группу (GIA)» в Алжире, среди северокавказских — многочисленные исламистские «джамааты» и др.

Учитывая преимущественно террористический характер практической деятельности нового исламизма, представляется актуальным раскрыть понятие «терроризм». Будучи сложным социально-политическим явлением, терроризм обусловлен многими эндогенными и экзогенными факторами и до сих пор не имеет единого, общепризнанного определения. В связи с этим некоторые исследователи (в частности, С.А. Эфиров) полагают, что вообще не следует стремиться выработать универсальное определение терроризма, а можно ограничиться лишь некоторыми важнейшими признаками, достаточно полно характеризующими это явление. К таковым относятся:

- политическая мотивация насильственных действий;
- направленность насилия на дестабилизацию положения в обществе и запугивание различных социальных групп;
- отсутствие обязательной связи терактов с последующими вооруженными конфликтами;
- и, самое важное, наличие определенной идеологии экстремистской направленности, оправдывающей террористические действия².

На наш взгляд, данные признаки существенно уточняют критерии терроризма и позволяют предположить, что терроризм — это идеология (идеологическая доктрина) и основанная на ней политико-криминологическая практика, включающая в себя совокупность насильственных уголовно-наказуемых деяний, совершаемых негосударственными субъектами, заключающаяся в нелегитимном воздействии на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, с целью добиться определенных изменений путем нелегитимного и опосредованного устрашения противника³.

Для фундаменталистов, как и для ваххабитов прошлого характерна обостренная ксенофобия и эксклюзивизм. Вместе с тем большинство исследователей все же не сводят политический ислам исключительно к его радикальной практике, считая это большой политической ошибкой. Так, В.Я. Белокреницкий полагает, что «в политическом исламе, строго говоря, надо различать две стороны — умеренно-фундаменталистскую, националистическую и радикально-фундаменталистскую, транснациональную и

¹ Цит. по: Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2006. С. 15.

² См.: Эфиров С.А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. 4. С. 24.

³ См.: Боташева А.К. Терроризм как феномен современной политической реальности. Ставрополь, 2009. С. 25.

экстремистскую»¹. По мнению Г.В. Косова, «исламский радикализм образует небольшой сегмент исламского интеллектуального и политического спектра, однако его значение определяется воинственностью и готовностью некоторой части активистов к насильственным действиям, в том числе к крупным террористическим акциям»². «Возможно, умеренных фундаменталистов гораздо больше, но они составляют как бы «молчаливое большинство», а вот радикалы-экстремисты благодаря своей агрессивности, шумной агитации, актам террора и насилия, широко освещаемым в СМИ, у всех на виду и вроде бы доминируют над основной массой мусульман. Однако от того, что собой представляет эта масса и что она думает, зависит слишком многое в судьбах и Востока, и Запада. Поэтому мнение этой очень значительной части верующих мусульман никак нельзя игнорировать», — пишет Р.Г. Ланда³.

Сегодня политический ислам бурно переживает «второе рождение», стремительно распространяя свое влияние практически на всех континентах и в большинстве стран мира. Для России, где нашли отражение все отмеченные выше общемировые тенденции, политизация ислама приобрела радикальный характер и серьезно дестабилизирует политический процесс как на локально-региональном, так и на общенациональном уровнях. Особенно это касается южных территорий страны и в первую очередь — Северного Кавказа, где ислам традиционно оказывает воздействие на общественно-политическую жизнь. Все это обуславливает наш научный интерес к данной проблематике и заставляет более глубоко разобраться в процессах трансформации изначально неполитического явления, коим является религия ислама, в значимый фактор политического процесса, способный оказывать на него как стабилизирующее, так и дестабилизирующее воздействие.

¹ Цит. по.: Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-2109.html>.

² См.: Косов Г.В. Указ. соч. С. 159.

³ Ланда Р.Г. Указ. соч.

С.К. Осипов,

преподаватель Пятигорского государственного лингвистического университета

Религиозный фактор в эволюции политической системы России

Конец XX в. ознаменовался для России огромными социокультурными и политическими изменениями. Падение железного занавеса, окончание холодной войны способствовали большей открытости России к восприятию новых, преимущественно либеральных идей. Именно поэтому в России обозначился духовно-нравственный кризис, который является отражением глубинных процессов, происходящих в социокультурной сфере. Российское государство отказалось от официальной идеологии, а большую

часть традиционных духовных и нравственных идеалов утратило. Вследствие этого нынешнее время диктует необходимость переоценки современной системы ценностей, сложившихся в ходе цивилизационного развития, формирования новых культурных доминант и новых подходов в формировании политической культуры. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время Россия находится в поисках официальной идеологии, которая поможет сплотить общество, задать созидательный вектор общественного развития. Таким вектором может стать православие.

Для определения места и роли православия в формировании политической культуры России следует четко определить, что представляет собой политическая культура. Прежде всего политическая культура — это исторически сложившаяся система норм и ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Поэтому она является неким гуманитарным цензом политики. Понятие политической культуры часто используется, когда нужно выявить особенности работы одних и тех же политических институтов в различных странах или вероятность заимствования политических новаций из других стран.

Формирование политической культуры является частью процесса социализации и адаптации людей к изменяющейся внешней среде. В данном процессе принимают участие практически все социальные институты, но наиболее значимыми среди них являются государство, семья, средства массовой информации, партии, армия, образовательные учреждения и церковь.

Каждый из этих социальных институтов привносит свой значимый элемент в общий процесс формирования национальной политической культуры. Православная церковь как социальный институт является неким морально-этическим центром и основным источником общечеловеческих ценностей, формирующим особое мировоззрение, которое определяет наше поведение в обществе, образ мышления и нашу политическую культуру.

Как известно, мировоззрение — это целостные представления о природе, о мире, государстве и обществе в их единстве, о человеке и его месте в мире, о смысле бытия и т.д. Однако эти представления выступают элементами мировоззрения только в том случае, когда они становятся формой общественного самосознания человека, в которой ключевыми категориями являются понятия «человек» и «мир». Благодаря им субъект мировоззрения (индивид, класс, социальная группа или социум в целом) осознает свое место и назначение в мире.

Следовательно, мировоззрение всегда лично, оно является высшим уровнем самосознания индивида и выступает своего рода рефлексивным пониманием жизни, бытия в мире. Поэтому мировоззрение, сформированное в рамках православного вероучения, дает ответы практически на все вопросы, которые могут встать перед человеком и, прежде всего, о смысле его бытия, что в последствии и определяет поведение индивида. Православие способствует формированию у человека систем жизненных ценностей — добродетелей, обладание которыми, с точки зрения данной религии, помогает решению основной задачи человеческой жизни — спасению души. Постепенное овладение ими подобно долгому восхождению человека по

лестнице духовного совершенствования, где ступенями являются сами добродетели¹. В то же время мировоззрение индивида так или иначе перекликается с общечеловеческими взглядами, идеями, убеждениями, ценностями в целом и выступает как социально-политическое, культурно-историческое образование, служа основой для создания и нормального функционирования любого отдельного политического института и государства в целом. Так, православное вероучение сыграло огромную роль в возникновении и развитии Русской государственности. Православное мировоззрение стало государствообразующей религией, обозначившей цели государственного устройства общества, методы достижения этих целей и формы, в которых возможно их достижение.

За тысячу лет своего существования православие в России создало то, что с полной уверенностью можно назвать «православной цивилизацией»². В настоящее время православие, как и прежде, является одной из главных форм мировоззрения общества, вплетенных в ее духовную и материальную жизнь. Стоит заметить, что православие предполагает и сакрализирует для человека системы жизненных ценностей, аккумулируя в себе социально значимые для человека установки и нормы, формируя при этом наиболее законченную форму мировоззрения, которая и обуславливает дальнейшую жизнь человека.

Чтобы проследить становление православия как государствообразующей религии в России, сформировавшей мировоззрение и политическую культуру ее граждан, необходимо провести историко-психологический анализ взаимодействия религии и политики в прошлом и настоящем, с последующим прогнозом на будущее. Итак, православное мировоззрение сыграло огромную роль в возникновении и развитии русской государственности. Оно стало фундаментом государственной идеологии на Руси. После принятия христианства в качестве государственной религии на Руси в 988 г. мировоззренческие основы православия стали оказывать огромное влияние на формирование политической культуры русского общества. Этот сложный и длительный процесс не только затронул правящие элиты, но и проник в народное сознание. Продолжительность периода становления православного мировоззрения охватывает период примерно с конца IX по XV в. **Данный процесс протекал неравномерно и неоднозначно оценивается исследователями.** Впрочем, без сомнений, результатом этого процесса явилось создание государства, славящегося своим величием не только из-за размеров его территории, но и благодаря политической, экономической и духовной культуре населявшего его общества. Причиной послужило создание уникальной формы политической организации государства, а именно, Русского православного самодержавия. Фактически Русское государство стало логическим завершением политико-правовых начинаний императора Константина I, перенесшего столицу из Рима в Византию и основавшего новое царство, и Юстиниана I, **закрепившего его в новой правовой форме, получившей название «Симфония властей».**

¹ См.: *Преподобный Иоанн Лествичник*. «Лествица, возводящая на небо». М., 1999.

² См.: *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

Как было отмечено, православие стало духовной, даже в какой-то степени идеологической основой политического устройства русского государства, вследствие чего практически все процессы осмысления сущности и предназначения государства происходят прежде всего в среде православного духовенства.

Осмысление политических основ православной государственности со временем привлекает не только духовенство, но и государственных деятелей, что в свою очередь явилось началом теоретического осмысления и последующего практического воплощения трактовки высшей государственной власти — самодержавия. В самой идее и практическом воплощении самодержавия соединились высокое духовно-нравственное содержание, «категорический нравственный императив» и политико-правовая форма. Необходимо заметить, что это слияние осуществляется при приоритете нравственности как для власти, так и для ее носителей и, прежде всего, царя.

Таким образом, со временем верховная княжеская власть стала осознавать свое предназначение и, исходя из этого, стала определять себя самодержавной властью, которая ограничивалась только высшим духовно-нравственным законом. Подтверждением этому является «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского»¹. В этом произведении указываются три источника власти князя. Во-первых, наследственное право. Во-вторых, «благодати от Бога». В-третьих, «”отчинное владение”, требующее внутреннего достоинства, княжения по чести же и славе»². Очень важный идейно-политический аспект данного исторического свидетельства заключен в осознании того, что единство государства неразрывно связано с единой верховной властью. Это соответствует христианскому принципу, высказанному Даниилом Заточником: «женам глава муж, а мужем князь, а князем Бог»³. В этом высказывании впервые в полной ясности выражена идея божественного благословения самодержавной власти. Выстраивается вертикаль государственной власти, и высшее место в ней принадлежит князю, который ответственен только перед Богом, а все остальные, независимо от своего положения, обязаны ему подчиняться.

Можно с уверенностью утверждать, что к периоду становления Русского централизованного государства относится активизация политической полемики, которая обнаружила у ее участников высокую культуру политического мышления и книжную образованность, что, безусловно, предполагает наличие преемственности культурных традиций древнерусского государства и Византии. Конец XV в. ознаменовался для Руси периодом окончательного формирования самодержавной государственной власти. С появлением самодержавной власти активизируются политические споры, касающиеся происхождения Русского государства, взаимоотношений церкви и государства, форм и способов организации верховной власти, родословия его князей и др. Поэтому без решения вопроса о соотношении самодержавной и церковной

---

¹ Подробно о происхождении и составе этого памятника см.: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства. XIV–XV вв. М., 1960. С. 655–659.

² Там же. С. 656.

³ Там же.

власти не представлялось возможным разрешение вышеперечисленных споров. При подробном изучении литературных памятников были обнаружены две богословские точки зрения на данную проблему — Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

Согласно взглядам Иосифа Волоцкого царская власть учреждена на земле Богом, причем с некоторыми универсальными функциями. Как он пишет, «Бог в себе место посади на престоле своем», а потому «царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен Богу»¹. Так, например, в характеристике князя Андрея Боголюбского говорится следующее: «естеством бо земным подобен есть всякому человеку цесарь, властью же сана яко Бог»². Прямой обязанностью царей было нравственное воспитание народа, обеспечивавшее этим его спасение.

Необходимо также заметить, что не только «иосифляне» говорили о боговластии в государстве, но и другие православные богословы также разделяли это учение и повторяли, что «Бог управляет царствами человеческими и посылает им царей и прочие власти»³.

Вопрос о соотношении двух ветвей власти — светской и духовной — разрешался на основе теории «Симфонии властей». В Россию она попала вместе с христианством и в качестве правового документа была зафиксирована в 42 главе Славянской Кормчей. В дальнейшем эта теория подвергалась глубокому осмыслению и развитию у богословов. В итоге православные богословы на протяжении многих веков развивали на Руси идею симфонии, главной задачей которой является гармоничное соединение и последующее взаимодействие религии и политики. Основным принципом «Симфонии властей» является принцип нераздельности и неслияния божественной и человеческой природы, который исходит из догмата боговоплощения. Следует отметить, что в православном учении государи и патриархи символизируют различные воплощения Иисуса Христа. Царь-самодержец является образом Христа в служении государству, а патриарх есть образ Христа в служении церкви. Каждый из них имеет превосходство перед другим в пределах своей власти. Однако если рассматривать концептуальную сторону проблемы, то царь не может быть выше либо ниже по рангу, чем патриарх, так как они оба являются живым воплощением образа Бога.

Таким образом, для иосифлян миссия церкви состоит в учреждении политико-правового государства, которое всецело сольется с ней. Причем церковные догматы и обряды станут непосредственно государственными законами, а сама церковь станет частью государственного аппарата. Так, например, царское служение государству приравнивается к церковному служению и ограничивается пределами Верховного Закона. Сутью этого учения является то, что живя в таком государстве, повинаясь его власти, исполняя его законы, человек тем самым исполняет религиозные предписания. Живя праведной жизнью в рамках государства, он и обретает спасение. В этом видится некий компромисс между духовной, религиозной жизнью и жизнью светской, мирской.

¹ Цит. по: Дьяконов И.А. Власть московских государей. М., 2003. С. 34.

² Там же. С. 31.

³ Православно-догматическое Богословие Макария Метрополита Московского // Сочинения : в 6 т. СПб., 1895. Т. 1. С. 583–584.

Как известно, Иван Грозный, являясь духовным учеником Иосифа Волоцкого, продолжил искания своего учителя и стал автором теории русского самодержавия, построенной в духе «иосифлянства» и выраженной в переписке с князем Курбским. Изучив содержание переписки Ивана Грозного и А. Курбского становится очевидным, что Иван Грозный пошел значительно дальше своих предшественников и сформировал теоретическое обоснование русского самодержавия. Так, в переписке с Курбским он приводит аргументы, доказывающие законность его права на обладание верховной властью, вытекающие из его царскородного происхождения: «Яко же родихомся в царствии, тако и воспитахомся и возрастахомся и воцарихомся Божиим велением и прародителей своих и родителей благословением»¹. Идея богоизбранничества царя представлена в целом ряде документов XVI в. Наличие широкого спектра подобных материалов — от летописных сводов до челобитных — свидетельствует, с одной стороны, о достаточно высокой степени развития политического сознания в ту эпоху, а с другой — подчеркивает, что сознание это отличалось православной универсальностью.

Именно поэтому Иван Грозный, веря в свою богоизбранность и признавая наставничество только в образе Христа, так ревностно относился к поучению его другими. Подчеркивая абсолютный характер земной власти самодержца, он, в то же время, сознавал и ее пределы, определяемые подчинением Богу, перед кем за свои дела и грехи царь будет держать ответ. Определяя царскую власть как делегированную от Всевышнего, а не от народа, Иван Грозный понимал, что его удел — спасение не только своей жизни, но жизни всех его подданных: «иное дело душу спасать, иное же о многих душах и телесах пешихся»².

Таким образом, восприятие царя как Божьего наместника фактически стало основополагающим элементом политического и национального сознания русского народа. Сама идея «надмирного» царства и ее важность для России всегда являлась главной преградой на пути возможной трансформации самодержавной монархии в конституционную. Любые реформистские попытки сразу же поднимали проблему неприкосновенности религиозного начала в государстве, которое не подлежащего реформированию.

Подобная государственная политика в духе «Симфонии властей» является следствием работы Соборной Православной церкви, которая выступает как важнейший фактор становления и утверждения национально-духовного сознания Русского государства. Поэтому вся идея самодержавия на Руси основывалась на христианских постулатах, определявших основы государственной власти и формировавших православное мировоззрение как у государя, так и у всего народа. Это было не просто «русским государственным мировоззрением», но именно народным восприятием власти. Г.П. Федотов писал: «Народ относился к царю религиозно. Царь не был для него личностью или политической идеей. Он был помазанником Божьим, носителем божественной силы и правды»³.

Подводя итог, следует сказать, что православная самодержавная концепция явилась уже не только идеей, она стала в полном смысле слова

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 13.

² Там же. С. 18.

³ Федотов Г.П. Изучение России // Сочинения : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 128.

доминирующим, государствообразующим политическим мировоззрением на Руси. Именно поэтому русская политическая традиция, источником которой является православное мировоззрение, радикально отличается от западной. Может быть, именно поэтому с конца XVIII в. попытки решать государственно-политические вопросы в православном государстве, используя западные, протестантско-секулярные подходы, со временем привели к абсолютному непониманию, и, как следствие, критике «православного» государственного строя.

Таким образом, можно констатировать, что составным элементом общественно-политической жизни является политическая культура, на формирование которой значительное влияние оказывает религия. Религия, являясь частью национальной и исторической традиции народа, играет важную роль в становлении и развитии его духовности и в силу этого отражается на особенностях его политической культуры. Так, российскую политическую культуру отличают, преимущественно, сакрализованное некритическое отношение к верховной власти, сильные харизматические интенции, высокая предрасположенность к конформизму, слабые элементы индивидуализма, низкий статус личных притязаний на власть и политическое участие, устойчивые коллективистские ориентации, сильные этатистские симпатии. Говоря иначе, российской политической культуре присущ авторитарно-патриархальный характер, который сложился благодаря многовековому влиянию православия. Следовательно, православная модель как некий консолидирующий фактор может быть включена в формирование политической культуры граждан Российской Федерации, а также выступать в качестве национальной идеи общества в целом.

Е.А. Соловьева,
*преподаватель Пятигорского государственного
лингвистического университета*

Использование интернет-пространства в условиях информационного противоборства

Тенденцией последних лет в межгосударственных отношениях и, прежде всего, в период военно-политической конфронтации государств, является смещение центра тяжести от открытых силовых методов к скрытым, не силовым, информационным методам и средствам. Причем нередко под прикрытием риторики о переходе к ненасильственному миру борьба обостряется. Собственно военные действия все чаще становятся последним, а порой и необязательным актом в разыгрываемом сценарии войны на уничтожение, захват или сдерживание противника.

Ряд ученых-политологов справедливо замечают, что в будущем расширение власти и доминирование над другими народами будет происходить не в результате военных сражений в привычном их понимании, а в ходе борьбы

за контроль над информацией, за завоевание информационного господства. Так, по мнению А.В. Крутских, «в современном мире происходит постепенная «информатизация» вооруженных сил и «интеллектуализация» традиционных вооружений. Информационное оружие становится важным элементом военного потенциала государств. Оно эффективно дополняет традиционные военные средства и в ряде случаев способно заменить их»¹.

Исходя из этого становится очевидным, что в решении глобальных задач по организации эффективного управления информационным пространством в интересах обеспечения национальной безопасности государства должны активно участвовать все силы и средства, деятельность которых в той или иной мере связана с решением вышеперечисленных проблем.

До недавнего времени пространство, на котором локализовалось информационное противоборство, ограничивалось средствами массовой информации, которые считались главным источником распространения политических решений. Однако тенденцией последних лет в геополитическом информационном противостоянии государств является выход на первый план глобальной сети Интернет. Сегодня часто говорят об Интернете как о наименее управляемом средстве массовой коммуникации. Посылаемая и получаемая по Интернету информация контролируется с большим трудом и лишь частично, ее источники и адресаты в большинстве своем являются неофициальными, соответственно, не попадают под воздействие законодательных мер. Кроме того, невозможность распространения законов одного государства на источник информации, находящийся в другой стране, существенно затрудняет контроль над информационными потоками в Интернете. Все это создает дополнительные возможности в сфере ведения сетевой информационной борьбы и новые проблемы в вопросах управления информационным пространством в сети Интернет, которые обостряются в период конфликта.

Возрастание роли глобальной сети Интернет в процессе информационного противоборства подтвердил конфликт Грузии и России в августе 2008 г. «Пятидневная война» в Южной Осетии показала, что Интернет способствовал появлению новых возможностей и перспектив ведения информационной борьбы и управления информационным пространством, что он является таким же фронтом, как традиционные СМИ, причем фронтом, куда более масштабным и оперативным.

По мнению А.В. Атанесяна, «динамика развития и возможности регулирования современных конфликтов в существенной степени зависят от того, как они преподносятся и воспринимаются участниками конфликта, «третьей стороной», независимыми наблюдателями, элитой и обществом»². В подтверждение этой точки зрения многие эксперты справедливо замечают, что органы государственного и военного управления Российской Федерации не достигли информационного превосходства в вооруженном конфликте в

---

¹ Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. 2007. 1. С. 28.

² Атанесян А.В. Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Ереван, 2008. С. 115.

Южной Осетии¹. Если общественное мнение внутри России сформировалось естественным образом и в правильном ключе, то информационную войну за пределами страны Россия проиграла. Об этом свидетельствуют следующие данные: «Соотношение позитивных и негативных статей о России во время и после пятидневной войны в американско-английской прессе 1:12, в немецкой — 1:4, можно констатировать, что негативный информационный фон в мире создан»².

Допущенные просчеты в вопросах управления информационным Интернет-пространством, организации и использовании информации, сетевых информационных средств и технологий со стороны органов государственного и военного управления Российской Федерации в период зарождения и эскалации данного вооруженного конфликта на фоне повышенной информационной активности за рубежом в немалой степени способствовали формированию негативного общественного мнения в мире в отношении действий России.

Для всестороннего анализа возможностей использования ресурсов сети Интернет в условиях информационного противоборства необходимо исследовать процесс ведения сетевой информационной борьбы России и Грузии в августе 2008 г. по трем основным направлениям: стратегический политический анализ, информационно-психологическое воздействие, информационное противодействие.

Стратегический политический анализ — разновидность аналитической деятельности, целями которой являются анализ и прогноз развития ситуации во всех важнейших сферах своего государства и геополитического конкурента, а также подготовка возможных вариантов и расчет последствий управляющих информационных воздействий³.

В период пятидневной войны руководство Грузии взяло за образец реализации управления информационным интернет-пространством раздел из руководства по ведению информационных операций Министерства обороны США и следовало ему на протяжении всей информационной кампании. Даже самый поверхностный взгляд на этот конфликт показывает, что грузинская атака была практически идеальным примером того, как современные боевые действия должны вестись на информационном фронте. Грузины продемонстрировали удивительное понимание концептов ведения информационных операций, запуская дезинформационные кампании, ведя контрпропаганду и манипулируя онлайн-новыми СМИ.

Грузинская сторона понимала важность четко определенной стратегии сетевого информационного противоборства, в то время как информационные акции России были направлены в основном на формирование благоприят-

¹ См., например: *Куксенкова И.* Трое суток в чеченском «Востоке» // Независимое военное обозрение. 2008. 8 авг. С. 3; *Шербаков В.* Минобороны проиграло информационную войну. Спецпропаганда отсиделась в кустах // Независимое военное обозрение. 2008. 22 авг.

² *Барановский А.* Информационная война вокруг конфликта в Южной Осетии: анализ и выводы // Общественная комиссия по расследованию военных преступлений в Южной Осетии и помощи пострадавшему гражданскому населению. URL: <http://www.osetinfo.ru/main/194/page/29> (дата обращения: 04.01.10).

³ См.: *Панарин И.Н., Панарина Л.Г.* Информационная война и мир. М., 2003. С. 21.

ного информационного фона внутри страны. Достигнуть информационного превосходства в мировом масштабе России не удалось. Однако практика показывает, что успех информационного противоборства во многом зависит от подготовленности государства к управлению информационным процессом, которая подразумевает под собой не только меры, направленные на прогнозирование и планирование ситуации, но и организацию, стимулирование и регулирование самого процесса сетевой информационной борьбы.

Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения того или иного государства¹.

Основным средством информационно-психологического воздействия в сетевом информационном противоборстве является манипулирование общественным сознанием — специальные действия, направленные на формирование стереотипов и создание определенного впечатления или отношения к тому или иному факту, событию, позволяющие корректировать, регламентировать и проектировать массовое сознание и психику людей. При этом упор делался на использование законов психологии, некритическое восприятие, политическую неопытность большинства интернет-аудитории.

Информационно-психологическое воздействие подразумевает под собой применение различных психологических операций, призванных убеждать, воздействовать или усиливать восприятие, отношение, обоснование и поведение иностранных лидеров, групп и организаций в сторону, наиболее благоприятную для национальных и военных задач.

В сетевом информационном противоборстве России и Грузии информационно-психологическое воздействие на российское интернет-сообщество началось задолго до начала обстрелов Цхинвала. Большинство грузинских информационных агентств и информационно-аналитических порталов в течение года до событий августа 2008 г. работали на обострение, создавая в мировом сообществе антироссийский настрой. В сообщениях грузинских онлайн-СМИ Россия была представлена как недружественное Грузии государство, замышляющее плохое. Об этом свидетельствовало огромное количество материалов, публикуемых на российских и грузинских информационных порталах. Антироссийские заголовки статей, а также не менее антироссийские по содержанию тексты и комментарии к ним представляли собой целенаправленное информационно-психологическое воздействие на широкие массы населения посредством Интернет-сети, следствием которой стала резкая трансформация общественного сознания за сравнительно небольшой промежуток времени. При этом западные информационные порталы достаточно длительное время акцентировали внимание на демократичности Саакашвили, превознося его ориентированность на Запад, и в негативном ключе освещая деятельность «сепаратистов» из Южной Осетии и Абхазии. **Фактически шла подготовка общественного мнения и пристрелка по инфор-**

¹ См.: Мельников В.П. Информационная безопасность и защита информации / В.П. Мельников, С.А. Клейменов, А.М. Петраков; под ред. С.А. Клейменова. М., 2006. С. 83.

мационному полю. Со стороны Российской Федерации такой подготовки не было, и начавшаяся уже 8 августа днем информационная атака фактически стала для российских традиционных и сетевых СМИ неожиданностью.

Анализ сетевого информационного противоборства непосредственно в период «пятидневной войны» показывает, что Грузия доминировала на психологическом поле с самого начала. На первом этапе политическая элита Грузии смогла убедить все мировое сообщество, что Грузия стала жертвой российской агрессии еще в то время, когда грузинские ракеты обстреливали Цхинвал. Затем Саакашвили круглосуточно давал интервью CNN и BBC, во время которых постоянно повторял, что Россия — агрессор, напавший на Грузию, и просил помочь «маленькой демократической стране»¹. Интервью перманентно транслировались в Интернете, что сделало их доступными для всего мирового сообщества.

В ответ на это Россия собрала экстренное заседание Совета Безопасности ООН, чтобы попытаться принять резолюцию, требующую от Грузии сложить оружие. Однако это сложно назвать психологической операцией.

Информационное противодействие — это включающее комплекс мероприятий, направленных на противостояние пропаганде противника, разоблачения попыток противника влиять на понимание ситуации. Эти действия включают в себя опровержение, нейтрализацию, преуменьшение или извлечение выгоды из психологических операций или попыток пропаганды противника.

К подобного рода мероприятиям, обуславливающим эффективность управления информационным пространством в сети Интернет, можно отнести контролирование, ограничение и даже уничтожение информационных потоков, исходящих от соперника; комментирование его сообщений; трансляцию собственной информации и ограничение нежелательной информации, исходящей от противника, посредством ее вытеснения на менее влиятельные каналы; приписывание сообщений конкретному источнику (лицу), дискредитацию последнего и, тем самым, дискредитацию сообщения, а также точечные информационные удары, представляющие собой направленное информационное воздействие одного из участников конфликта на «слабые стороны» в информационном пространстве другого².

В период «пятидневной войны» грузинская сторона успешно применяла многие из этих технологий. Как только российские блоггеры стали распространять сообщения о том, что грузинские обстрелы Цхинвала повлекли за собой более тысячи жертв среди мирного населения, Грузия начала обороняться: на различных интернет-сайтах публиковались грузинские отчеты о российских авиаударах по гражданским целям. В мировом общественном сознании Грузия стала жертвой российского военного вторжения. Когда Россия обвинила Грузию в этнических чистках в Южной Осетии, грузины противопоставили этому заявления о российском геноциде против грузин.

¹ См.: Georgia Gets Its War On McCain Gets His Brain Plaque // The exiled. 2008. 8 august. URL: <http://exiledonline.com/georgia-gets-its-war-onmccain-gets-his-brain-plaque> (дата обращения: 10.01.10).

² См. подробнее: *Атанесян А.В.* Указ. соч. С. 117–122.

Снимки кровавых тел, снятые западными журналистами, появились практически на каждом западном информационном портале. Грузинской контр-пропаганде помогало то, что Грузия не препятствовала попаданию западных журналистов в зону конфликта, а те, в свою очередь, при его освещении предпочитали замалчивать российскую точку зрения.

Успешность дезинформационной кампании Грузии против России была построена на использовании ряда штампов — стандартных обвинениях противника, часто используемых в процессе информационного противоборства: в ведении войны против гражданского населения; в оскорблении святынь или уничтожении культурных ценностей; в аморальном облике российских солдат; в геноциде¹. По мнению М. Жарова и Т. Шевякова, с грузинской стороны в ходе «пятидневной войны» «все эти штампы были обыграны не один раз — и весьма успешно, впечатлив тихих европейских обывателей»².

Таким образом, опыт российско-грузинского сетевого информационного противоборства в период «пятидневной войны» позволил констатировать, что российские спецслужбы, политические институты, системы обороны, силовые министерства и ведомства были не в полной мере готовы вести информационную борьбу на сетевом информационном поле. Устаревшие системы функционирования спецслужб оказались неэффективными по сравнению с тонкими современными технологиями виртуального пространства. Подобные реалии ставят перед руководством Российской Федерации достаточно острую проблему пересмотра имеющихся подходов и доктрин по защите национальных интересов, развитию и совершенствованию механизмов и средств ведения сетевого информационного противоборства и управления интернет-пространством в условиях конфликта.

Анализ всестороннего использования ресурсов виртуального пространства на примере конфликта в Южной Осетии подтвердил, что на сегодняшний день Интернет является существенным элементом, который необходимо учитывать при планировании и проведении военных операций. При этом продуманное, гибкое и максимально полное использование возможностей глобальной сети становится важным фактором достижения успеха в управлении информационным пространством в современных и будущих локальных войнах и военных конфликтах.

¹ См. подробнее: *Жаров М., Шевяков Т.* Хроники информационной войны. М., 2009. С. 12.

² Там же.

Т.С. Грачев,

аспирант *Пятигорского государственного
технологического университета*

К вопросу о «классическом» понимании принципа единства прав и обязанностей

Соотношение основных элементов принципа, вынесенного в заглавие статьи (ими выступают «права» и «обязанности»), обозначается термином «единство», согласно традиционной трактовке которого они рассматриваются как два равнозначных, равновеликих и равноправных элемента. Право — это мера, обязанность — тоже мера. Они располагаются на противоположных чашах весов, и от того, в какую сторону образуется «крен», зависит характер правового регулирования в государстве. Идеальной является ситуация, когда чаши находятся в равновесии, это является залогом плавного, эволюционного развития всех сфер общественных отношений.

Смысловое ядро в понятии субъективного права — «возможность», в понятии юридической обязанности — «необходимость», которые также образуют логико-философскую пару. Субъективные побуждения личности, стремление к полной независимости и *возможности* безусловного удовлетворения своих интересов неизменно противоречат самому факту наличия объективной необходимости. Из этого противоречия рождается диалектическое единство¹. Между необходимостью и возможностью нет непреодолимого барьера; необходимость, имея строгие рамки, содержит в себе известные возможности².

Еще одна пара категорий, традиционно рассматриваемая не иначе как в контексте принципа единства и борьбы противоположностей — это «свобода» и «ответственность». При этом она теснейшим образом связана с предыдущей парой «возможность–необходимость». «Только высоко ответственная личность может в полной мере осознавать возможность действий в рамках познанной необходимости, т[о] е[сть] быть свободной, и наоборот, только свободная личность может в полной мере нести ответственность за качество выполнения своих обязанностей»³.

Сущность «классического» единства заключается в равных пропорциях прав и обязанностей граждан, в их сбалансированном развитии. Право не противопоставляется обязанности, а сливается с ней: осуществление права

¹ См.: Чухвичев Д.В. Свобода личности и юридическая ответственность // Государство и право. 2005. 3. С. 104.

² См.: Юнусов М.А. Реализация человеком и гражданином в Российской Федерации конституционных обязанностей как важнейшее условие законности (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 12.

³ Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 12.

обеспечивается выполнением обязанности¹. Зависимость здесь прямая: нет обязанности — нет возможности воспользоваться своим правом в полной мере.

Сила, крепость единства прав и обязанностей подчеркивается невозможностью раздельного существования одних от других: «Наши права суть закрепленные за нами, принадлежащие нам как наш актив долги других лиц. Права не представляют таким образом чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей»². «Представление об одном, — писал Г.Ф. Шершеневич о праве и обязанности, — неразрывно связано с представлением о другой»³.

Неразрывность данных категорий подтверждается «говорящими» примерами, взятыми из речевой практики. Во многих национальных языковых системах как прошлого, так и настоящего наряду с выражениями «право», «правопритязание», «требование» по отношению к тому или иному субъекту или вместо этих выражений используются равнозначные обороты, содержащие указание на активную принадлежность данному субъекту долга, обязательства другого лица.

Так, в древних немецких памятниках управомоченность обозначается путем указания на обладание долгом, а управомоченный называется «господин долга» («schuldherr»). В шведских памятниках слово «skuld» означает и долги, обязанности, и (при указании на активную принадлежность) права. По-латыни «obligatio» («обязанность») означает и долг, и соответствующее право. В русском языке слово «долг» одинаково используется и кредитором, и должником, в то время как первый имеет ввиду свое право, а второй — обязанность.

Однако не следует единство прав и обязанностей превращать в их смешение. Тем не менее некоторые исследователи не избежали такой опасности. Например, О.С. Иоффе считал субъективное право юридическим средством обеспечения такого поведения других лиц, в котором нуждается управомоченный. «Содержание субъективного права действительно заключается в том, что предписано делать обязанному лицу»⁴.

Субъективное право не может быть сведено исключительно к возможности требовать от обязанного лица совершения предписанного ему действия или воздержания от действия. Нельзя рассматривать его и как средство регулирования поведения обязанного лица, в котором нуждается управомоченный, поскольку при таком подходе стирается всякое различие между правом и обязанностью⁵.

Субъективные права и обязанности являются структурными элементами правоотношения, образующими его юридическое содержание⁶. «Установление

¹ См.: Генкин Д.М. Сочетание прав с обязанностями в советском праве // Советское государство и право. 1967. 7. С. 35.

² Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 58.

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е.А. Суханова. М., 1995. С. 56.

⁴ Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 49.

⁵ См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 39–40.

⁶ См., например: Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. Гл. 3. §1.

юридического отношения имеет место тогда, когда известный юридический факт связывает право с известным субъектом, возлагая одновременно обязанность на других»¹. Зависимость между правами и обязанностями такова, что без юридических обязанностей исчезает и само право².

Правовое отношение может быть интерпретировано как распределительное, элементами которого являются права и обязанности его участников, а законом их модели единства выступают взаимность и эквивалентность. При этом взаимность поднимает совокупность прав и обязанностей до уровня правоотношения (юридической формы социальной связи), а эквивалентность отвечает за «распределение» — определяет количественную меру прав и обязанностей (стабильное состояние правоотношения) и обуславливает тот или иной вариант обращения прав и обязанностей (динамическое состояние правоотношения).

Механизм реализации эквивалентности прав и обязанностей в правоотношении включает в себя следующие требования: 1) равенства прав и обязанностей; 2) компенсации возложения дополнительных обязанностей предоставлением больших прав и наоборот; 3) уменьшения объема предоставленных субъекту прав при освобождении его от некоторых обязанностей; 4) уменьшения объема возложенных обязанностей при уменьшении объема субъективных прав³.

Субъективные права и обязанности, таким образом, взаимозависимы: изменения в содержании субъективного права одновременно влекут изменения в содержании субъективной обязанности и наоборот. Эта динамика происходит одномоментно. Она имманентна рассматриваемому правовому явлению. Субъективные права и обязанности «стремятся к единству, тождеству, совпадению»⁴. «Субъективные права и обязанности возникают одновременно, тесно взаимосвязаны, и соответствие между ними не нарушается никогда»⁵.

Некоторые авторы приводят довольно аргументированное суждение о том, что субъективное право может быть не только элементом правоотношения, которому корреспондирует обязанность, но и элементом сложного правоотношения без корреспондирующей ему обязанности. Такие права могут входить в правовой статус граждан, компетенцию юридических лиц⁶. Думается, существование такой позиции обусловлено тем фактом, что непосредственная, прямая связь права с точно отвечающей ему обязанностью характеризует далеко не все правоотношения. Причем вычленение данного правоотношения из системы взаимосвязанных правоотношений, в которых состоят его участники, иногда даже препятствует развернутой характеристике их взаимных прав и обязанностей. Подобное вычленение необходимо в процессе исследования для того, чтобы на простейшем примере установить некоторые общие закономерности, хотя для более глубокого исследования

¹ *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 59.

² См.: *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 165.

³ См.: *Бублик В.А.* Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости // Вопросы теории юридических обязанностей : тезисы II межвузовской научной конференции молодых ученых-юристов. Воронеж, 1988. С. 4.

⁴ *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 172.

⁵ *Капустин М.* Общая теория права. Догматика. М., 1898. С. 234.

⁶ См.: *Абова Т.Е.* Охрана хозяйственных прав предприятий. М., 1975. С. 20–21.

важен учет влияния связи данного, конкретного правоотношения с другими¹. Именно поэтому мы говорим, что принцип единства прав и обязанностей — это принцип права в целом, а не отдельно взятого правоотношения.

Следует специально остановиться на том, что права и обязанности не выступают непосредственно связующей субъекты материей. Это обусловлено, в первую очередь, спецификой природы данных феноменов, которые представляют собою либо нормативно установленные конструкции, либо субъективно осознанные возможности (необходимости) соответствующего поведения. Очевидно, что и в том, и в другом случаях право и обязанность сами по себе не содержат того, что реально связывает субъектов друг с другом.

Примером, говорящим в пользу сказанного, может являться нередко встречающаяся на практике ситуация, при которой субъекты наделены соответствующими правами и обязанностями по отношению друг к другу, однако практически между ними не происходит того взаимодействия, идеальная модель которого сконструирована законодателем. Причины могут быть различными: простое незнание субъектами своих прав или обязанностей, недостаточное их понимание, отсутствие мотивации к активному поведению, очевидная выгода от невыполнения законодательных предписаний и др.²

Понимая правоотношения как связи корреспондирующих друг другу субъективных прав и юридических обязанностей их участников, в этом понятии отражают лишь потенциально возможную, идеально сконструированную модель взаимодействия субъектов, в «фундаменте» которой заложен принцип единства прав и обязанностей.

Поэтому более корректным представляется понимание содержания правоотношения как реального взаимодействия (фактического поведения — действия или бездействия) в правовой сфере, выступающего в виде должного (возможного), юридически действительного взаимодействия³. Такое содержание называют «материальным» содержанием, отграничивая его от так называемого «юридического», представленного комплексом прав и обязанностей субъектов⁴.

В литературе встречается мнение о существовании прав на односторонние действия («вторичных» прав), которым не корреспондируют обязанности. Поведение управомоченного в таком случае вызывает состояние зависимости, связанности. При реализации «вторичных» правомочий другая сторона находится в положении «правового состояния». Оно означает не меру должного поведения, а состояние зависимости, в которую ставят пассивную сторону действия носителя вторичного правомочия⁵.

Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением в связи с тем, что оно входит в определенное противоречие с принципом единства прав и

¹ См.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 245.

² См.: *Шундилов К.В.* Системные связи в правовой жизни общества // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2009. 3. С. 39.

³ См., например: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 22–23; *Братусь С.Н.* К вопросу об объекте правоотношений по советскому гражданскому праву // *Советское государство и право.* 1950. 9. С. 86; *Явич Л.С.* Указ. соч. С. 210.

⁴ См., в частности: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 256–301.

⁵ См.: *Мотоловиловкер Е.Я.* Юридическая обязанность и правовое состояние // *Вопросы теории юридических обязанностей : тезисы II межвузовской научной конференции молодых ученых-юристов.* Воронеж, 1988. С. 8–13.

обязанностей. Если объективному праву не соответствует чья-либо юридическая обязанность, то невозможно установить юридически ответственное лицо в случае препятствия в осуществлении субъективного права его носителем. Всякая мера, направленная на защиту субъективного права, есть в то же время и мера обеспечения надлежащего исполнения юридической обязанности¹. При этом процедура реализации прав обычно предполагает согласованность активных действий правообладателя и обязанных субъектов, четкую нормативную обозначенность этих действий по форме, методам, средствам, времени, месту осуществления и т.д.²

Поскольку исполнение юридической обязанности является не только соблюдением нравственного долга обязанным, но и удовлетворением притязания управомоченного, при ее (обязанности) установлении право не может принимать всех субъективных особенностей обязанного. Поэтому все юридические обязанности формулируются в общих, типических чертах: они рассчитаны «на среднего человека».

Несмотря на некоторую «приблизительность» в субъективном плане, с позиции объективизации выражения, напротив, требуются неукоснительная строгость и четкость. Право указывает каждому точные пределы его обязанностей и притязаний. По этой причине обязанности должны носить строго определенный характер, этого требует именно притязание. Установление неопределенных притязаний может привести к злоупотреблению, к эксплуатированию обязанного управомоченным.

Для понимания сущности рассматриваемого принципа следует уяснить, что он представляет собой единство субъективного и объективного. Действуя в отношении неопределенного круга субъектов, а точнее — всех возможных субъектов с присущими им особенностями внутренней организации, применительно к конкретным субъектам в сложившейся определенной жизненной ситуации он приобретает объективированно-конкретные черты.

¹ См.: *Витченко А.М.* Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С. 59.

² См.: *Комаров С.А., Ростовщиков И.В.* Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002. С. 77.

М.М. Карабеков,

*ассистент Пятигорского государственного
технологического университета*

Правовые акты Президента Российской Федерации как средство реализации правовой политики

Должность Президента Российской Федерации представляет собой обособленный институт государственного управления, который характеризуется координирующей функцией властно-распорядительных отношений. Вопрос о природе президентской власти в свете рассмотрения ее как эле-

---

мента правовой политики исключительно важен, поскольку планирование и осуществление рассматриваемого вида правовой политики напрямую связано с президентскими полномочиями. «Особенностью современного состояния исполнительной власти в России является роль Президента РФ в политической системе и механизме принятия государственных решений. Достаточно отметить, что Президенту посвящены 14 статей Конституции РФ, которые предоставляют ему огромные полномочия по внутренней и внешней политике. По своему правовому статусу он является главой государства, и в то же время он обладает реальными рычагами, позволяющими ему осуществлять исполнительские функции, наряду с Правительством РФ»¹.

Уникальность правового положения Президента РФ состоит в том, что фактически по своему статусу он является не просто лицом, замещающим государственную должность — функции главы государства сопоставимы с функциями органа управления. Несмотря на то, что Президент — орган единоличный, его исключительный статус позволяет ему играть определяющую роль в становлении и осуществлении правовой политики государства.

«Сильное государство не является каким-то особым, отдельным типом (видом) государства. Это специфическое состояние государства (и всей системы государственности), его качественная характеристика, основным содержанием которой является состояние, работоспособность, эффективность государства (и всех элементов государственности) на данный момент времени»². Соглашаясь со сказанным, применительно к России мы связываем понятие «сильное государство» с сильной президентской властью, обеспечением ею основных гарантий прав и свобод человека и охраны основ конституционного строя. Следует отметить, что выполнение вспомогательных функций в отношении реализации полномочий Президента РФ входит в компетенцию его Администрации³.

Статья 80 Конституции РФ определяет правовые основы статуса Президента РФ. Функции Президента РФ состоят в реализации конституционных установлений и обеспечении согласованности взаимодействия органов государственной власти. Президенту РФ, таким образом, принадлежит главенствующая роль в механизме правового регулирования, его правовые акты становятся важнейшим элементом в механизме правового обеспечения Конституции РФ.

Статья 90 Конституции РФ устанавливает, что Президент РФ издает указы и распоряжения. Указы являются нормативными правовыми актами, адресованными широкому кругу лиц и направленными на обеспечение Конституции РФ и федеральных законов, тогда как распоряжения главы государства относятся к правоприменительным правовым актам, в том числе актам внутриведомственного характера, адресованным государственным служащим по тем или иным вопросам управления. В.В. Верстов пишет о характере правовых актов Президента РФ следующее: «указы — акты

¹ Лобанов В.В. Государственное управление и общественная политика. СПб., 2004. С. 202.

² Затонский В.А. Региональная правовая политика и эффективность государственности: личностный фактор // Правовая политика в Российской Федерации: региональный уровень / под ред. А.В. Малько. Тамбов, 2008. С. 16.

³ См.: Еришов В.А. Государственное и муниципальное управление : учебное пособие. М., 2009. С. 33.

подзаконные, и они не должны ни по сути, ни по содержанию противоречить Конституции и законам Российской Федерации»¹.

Вместе с тем считаем нужным отметить, что указы первого лица государства могут как являться подзаконными актами, так и обладать высшей юридической силой, сопоставимой по объему регламентируемых вопросов и адресации широкому кругу субъектов с федеральными законами. Нормативный указ может быть издан Президентом РФ по любому вопросу, входящему в предмет ведения Российской Федерации или предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов при отсутствии федерального закона, то есть «опережающие» указы ограничены во времени периодом до принятия федерального закона². Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции РФ глава государства вправе определять внутреннюю и внешнюю политику государства. Мы полагаем, что данное конституционное установление позволяет Президенту РФ издавать нормативные документы, относящиеся не только к ведению Федерации или совместному ведению федерального центра и регионов, но и собственной компетенции субъектов РФ.

Помимо нормативных указов Президента РФ можно выделить также и ненормативные указы, например, указы об освобождении или о назначении на должность руководителей органов исполнительной власти или Администрации Президента РФ.

Классификацию актов Президента РФ можно проводить по нескольким основаниям.

По характеру фиксации правовые акты Президента РФ подразделяются на письменные (юридические документы) и устные. Первые представляют собой типичный способ осуществления Президентом РФ его власти, управления страной.

Письменные правовые акты Президента Российской Федерации можно разделить на две основные категории — нормативные и ненормативные (правоприменительные) акты. Актами Президента, влекущими за собой юридические последствия, в классическом понимании можно считать указы и распоряжения (ст. 90 Конституции РФ).

Устные правовые акты главы государства (например, публичное заявление Президента РФ по какому-либо вопросу) несут в себе достаточно емкую информацию о целях, средствах и планировании конкретных действий в указанный период. Помимо информативной функции они содержат в себе элементы распорядительного характера. В качестве примера можно привести Перечень поручений Президента РФ по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г.³

По юридической силе акты Президента Российской Федерации можно разделить на указы и распоряжения. Указы Президента в основном являются нормативными, за исключением тех, в которых производятся назна-

¹ Верстов В.В. Нормативные правовые акты Президента Российской Федерации (теоретический и историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 28.

² См.: Там же. С. 28–29.

³ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/12/210051.shtml> (дата обращения: 11.11.09).

чения на должности конкретных лиц либо освобождение от них (нормы индивидуально-разового применения). Нормативные указы Президента РФ по юридическим свойствам сопоставимы с федеральными законами. Эти особенности представляют собой феномен «президентского нормотворчества», приводящий к сочетанию в статусе президента элементов исполнительной и законодательной власти. «"Президентское нормотворчество" — это вид деятельности Президента Российской Федерации, закрепленный в Конституции, направленный на реализацию конституционных полномочий путем принятия (издания) не противоречащих закону нормативных и иных правовых актов»¹. Таким образом, нормотворческие полномочия первого лица государства могут быть реализованы двумя способами: 1) инициированием принятия президентского законопроекта в Парламенте; 2) изданием собственного указа.

Устные предписания и распоряжения выражают отношение главы государства к проводимой политике. Как и любой руководитель, он корректирует и направляет политическую деятельность в нужном для него направлении. Примером использования устных распоряжений можно считать выступления Президента на различных собраниях, обсуждение актуальных вопросов управления страной на заседаниях кабинета министров. Немаловажное значение имеют, в частности, интервью главы государства, в которых он разъясняет методику и целесообразность своих действий. Слова Президента нередко оказывают существенное влияние на экономическую и политическую обстановку в стране, курсы валют, ценовую политику, инвестиционный климат.

Экономические эксперты, ссылаясь на слова Президента, рассчитывают на «предсказуемость» его действий. Прогнозирование социально-экономической обстановки в стране планирование и осуществление реформ — решение этих первоочередных вопросов напрямую зависит от того, каким образом освещает их Президент РФ. Следовательно, речь первого лица государства вполне справедливо можно отнести к правовым актам.

¹ См.: Верстов В.В. Указ. соч. С. 28.

Т.П. Пестова,
*преподаватель Бузулукского гуманитарно-
технологического института (филиала)
Оренбургского государственного университета*

Понятие и признаки локальной льготно-правовой политики

Локальная льготно-правовая политика — это разновидность локально-правовой политики, которая обладает рядом специфических признаков. Как и локально-правовая политика в целом, локальная льготно-правовая политика организации зависит от социокультурных особенностей,

---

исторических традиций, специфики национального менталитета. Рассмотрим вопрос о влиянии национальной культуры на локальную, в частности, льготно-правовую политику на примере Японии.

В японской практике фирма представляет собой единую «производственную семью». Работник — член «семьи», его ответственность и права выходят далеко за рамки основных трудовых обязанностей. С одной стороны, работника используют «целиком», побуждая его раскрывать все свои способности, реализовывать весь свой профессиональный и человеческий потенциал в интересах данного предприятия. С другой стороны, фирма не только платит работнику заработную плату за выполнение трудовых обязанностей, но и заботится о его жизни в целом. Так, 60 % японцев, имеющих собственное жилье, получили его с помощью финансовой поддержки своей фирмы. Японские фирмы также осуществляют выдачу определенной денежной суммы в связи с рождением ребенка, выделяют стипендии детям на обучение в университетах и колледжах и т.д. Каждая японская фирма практикует применение принципа «старшинства» при оплате труда и продвижении по служебной лестнице, что обеспечивает ежегодный рост заработной платы в зависимости от стажа работы на данном предприятии и ее автоматическое увеличение при повышении уровня квалификации. При выходе на пенсию работнику, который непрерывно проработал на данном предприятии не менее двадцати лет, выплачивается высокое единовременное вознаграждение без его каких-либо предварительных страховых взносов. Подобная система является основой для формирования служебной карьеры и наиболее важным мотивационным и стимулирующим фактором для усердной работы и активного участия во всех делах фирмы.

Доход японского работника распадается на две части: постоянную (зарплата плюс различного рода пособия на оплату жилья, медицинских услуг, проезда к месту работы и т.п.) и переменную, размеры которой зависят от параметров работы предприятия, снижения издержек производства, роста производительности группового (коллективного) труда. Нормирование труда в японских фирмах, как правило, ведется на базе групповых, а не индивидуальных норм, и работники конкурируют между собой главным образом по показателям повышения квалификации, а также лояльного поведения в своем коллективе.

Кроме того, необходимо отметить, что для японских предприятий в целом характерен меньший (по сравнению с предприятиями подавляющего большинства других развитых стран) разрыв в доходах (заработной плате) между сотрудниками администрации и работниками (по экспертным оценкам, минимум в 2–2,5 раза). Это обстоятельство способствует установлению доверия между персоналом и администрацией, без чего трудно рассчитывать на достижение высоких стабильных экономических и социальных показателей деятельности предприятия. В результате для Японии характерен пронизывающий все трудовые отношения культ верности работников своему предприятию¹.

---

¹ См.: Рудык Э. Управление трудом в России: к вопросу о применении японского опыта // Российский экономический журнал. 2002. 1. С. 48–56.

Однако вне зависимости от социокультурных особенностей, исторических традиций, специфики национального менталитета для локальной льготно-правовой политики Российской Федерации характерны следующие особенности:

1) локальные льготы касаются вопросов внутриорганизационного характера и распространяются только на членов данной организации;

2) локальная льготно-правовая политика основана на применении льгот временного характера. Так, в коллективном договоре обычно оговаривается срок его действия. Соответственно истечение данного срока влечет прекращение действия установленных ранее льгот. Временный характер льгот взаимосвязан с целью и задачами локальной льготно-правовой политики, так как после достижения намеченной цели и решения поставленных задач льготы утрачивают свое значение;

3) целью локальной льготно-правовой политики является повышение уровня жизни и социальной защищенности работников организации;

4) задачами локальной льготно-правовой политики являются согласование интересов конкретной личности и организации в целом, стимулирование повышения трудовой активности граждан, более эффективное регулирование социально-трудовых отношений в рамках той или иной организации, повышение ее конкурентоспособности на рынке предоставления рабочих мест, привлечение граждан на работу во вредных и опасных условиях;

5) данный вид политики позволяет учесть специфику деятельности той или иной организации, активизируя тем самым дополнительные возможности правового регулирования на локальном уровне и стимулирование продуктивности деятельности;

6) организация добровольно принимает на себя обязательства по предоставлению тех или иных льгот определенному субъекту (работнику, контрагенту по гражданско-правовому договору и пр.) с учетом своих экономических возможностей и реальности обеспечения исполнения взятого на себя обязательства;

7) льготы, применяемые в рамках локальной льготно-правовой политики, как правило, являются дополнительными, так как основной перечень льгот уже предусмотрен действующим законодательством Российской Федерации и содержится в нормах трудового права;

8) установленные на предприятии льготы для работников не могут ухудшать их положение по сравнению с действующим трудовым законодательством и противоречить ему.

В рамках локальной льготно-правовой политики возможно установление и применение различных льгот: льгот-компенсаций, льгот-стимулов, льгот-гарантий.

Льготы-компенсации способствуют, например, восстановлению состояния здоровья сотрудников. Это могут быть дополнительные выплаты работникам, которые заняты на тяжелых работах, связанных с вредными, опасными и тяжелыми условиями труда.

Льготы-стимулы побуждают субъектов к достижению поставленных

целей и способствуют наиболее полному удовлетворению их интересов и потребностей. Примером таких льгот могут служить меры морального и материального стимулирования для того или иного контингента (например, молодых специалистов).

Льготы-гарантии создают благоприятные условия для использования прав и исполнения обязанностей соответствующими субъектами. Примером льгот-гарантий могут послужить новации в коллективных договорах, направленные на защиту членов профсоюзного комитета, оформление социальных пакетов в организации.

Таким образом, *локальная льготно-правовая политика — это планомерная, системная деятельность субъектов локально-правовой политики с учетом специфики деятельности организации, ее экономических возможностей, направленная на создание локальных льгот временного характера в целях повышения уровня жизни и социальной защищенности работников организации путем согласования интересов конкретной личности и организации в целом, повышения стимула трудовой активности граждан, более эффективного регулирования социально-трудовых отношений, повышения конкурентоспособности организации на рынке предоставления рабочих мест, привлечения граждан на работу с тяжелыми,*

**Проблема формирования
правоохранительной политики
(г. Саратов, 26 ноября 2009 г.)**

А.В. Малько,
*доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

**Правоохранительная политика
современной России:
пути формирования***

В современных условиях правоохранительную деятельность характеризуют кризис, разбалансированность, ей не хватает координации различных структур, их взаимообеспечения, взаимодействия и т.д. По сути, в российском обществе полноценная правоохранительная система сейчас отсутствует. Это связано со многими причинами. Во-первых, продолжается рост преступности, что является общемировой тенденцией. Во-вторых, сама преступность становится все более организованной (в частности, создаются коррупционные сети) и «умной» (преступники используют новейшие информационные технологии). В-третьих, сотрудники правоохранительных органов подчас сами выступают в роли преступников, что, несомненно, влияет на степень доверия людей к подобным органам в целом.

Однако государство и общество пока не адекватно реагируют на данные существенные изменения, так называемые вызовы времени. В основном — с помощью метода «проб и ошибок», фрагментарно.

Нужен иной подход, который позволил бы вывести правоохранительную деятельность на новый уровень развития и придал ей новое качество. Нужна комплексная, последовательная и научно обоснованная деятельность государственных и негосударственных структур в сфере охраны права, то есть нужна специальная правоохранительная политика.

Как известно, в зависимости от функций права правовая политика может подразделяться на праворегулятивную и правоохранительную. Если первая призвана содействовать осуществлению регулятивной функции права, созданию условий для обеспечения нормального развития общественных отношений, то задача второй — задать общий алгоритм действий для всех правоохранительных органов, мобилизовать их на более действенное выполнение охранительной функции права. Кроме того, правоохранительная

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 09-06-00156).

политика связывает соответствующую функцию государства и гражданского общества (правоохранительную) с охранительной функцией самого права. Правоохранительная политика объединяет имеющиеся правоохранительные структуры в единую правоохранительную систему.

Охранительная функция требует постоянного внимания к себе со стороны государственных и негосударственных правоохранительных структур. Для того чтобы более эффективно осуществлять охранительную функцию, указанные структуры должны так или иначе участвовать в формировании и осуществлении соответствующей правоохранительной политики.

Если данная функция не срабатывает, что и наблюдается сегодня в России, то, как показывает юридическая практика, не срабатывает, «пробуксовывает» и правовая система в целом. Роль правоохранительной политики заключается именно в том, чтобы наладить, в полной мере восстановить охранительную функцию права, сделать право более защищенным от вызовов и угроз современности.

В связи с этим правоохранительную политику можно определить как научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных структур по повышению эффективности охранительной функции права, по совершенствованию правоохраны, по выстраиванию полноценной правоохранительной системы. Причем правоохранительную политику не следует отождествлять с уголовно-правовой политикой. К задачам первой относятся охрана права, создание и функционирование полноценной правоохранительной системы, противодействие различным правонарушениям; вторая обеспечивает противодействие лишь уголовным правонарушениям, то есть преступлениям.

Следовательно, цель правоохранительной политики значительно шире — это повышение «иммунитета» права от всевозможных правонарушений, действенное осуществление его охранительной функции, результативная работа правоохранительной системы.

Правоохранительную политику необходимо модернизировать, сделать более современной, «прибавить» системности и последовательности в деятельности правоохранительных органов. Важно принять меры для того, чтобы новая правоохранительная политика способствовала принятию более совершенных нормативных и правоприменительных актов в правоохранительной сфере, восстановлению нарушенного права, обеспечению мер юридической ответственности лиц, совершивших правонарушения. Требуется и более тесное взаимодействие как государственных, так и негосударственных правоохранительных структур при достижении ими своих целей.

Можно только приветствовать то, что в сфере организации правоохранительной деятельности предпринимаются конкретные «шаги»: ориентация на создание системы профилактики правонарушений, установление прозрачности в их учете и регистрации, введение гражданского контроля за правоохранительными органами и т.д.

Таким образом, основная задача российской правоохранительной политики сегодня заключается в обеспечении опережающего развития правоохранительной системы, создании новой системы профилактики различного

рода правонарушений, настраивании правоохранительных структур на более действенную защиту интересов личности, общества и государства. Только значительно усилив роль правоохранительной политики в жизни страны, можно добиться более эффективной деятельности правоохранительных органов.

В.Н. Синюков,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Почетный сотрудник МВД РФ*

Реформа профессиональной подготовки в МВД в контексте модернизации правоохранительной системы*

Серьезную озабоченность в обществе вызывает проблема эффективности ведомственного профессионального образования в правоохранительной системе с точки зрения его соответствия потребностям охраны правопорядка и борьбы с преступностью, включая новые области оперативной, следственной и экспертной практики. Все явственнее проявляется нехватка специалистов в сфере борьбы с экономической организованной преступностью, миграционных отношений, высоких технологий. Имеются определенные деформации в профессиональном правосознании сотрудников, что показали многочисленные случаи нарушения законности в служебных отношениях с гражданами.

Активное формирование элементов рыночной экономики, значительное изменение в связи с новым процессуальным законодательством критериев деятельности МВД, в том числе в области обеспечения прав человека, выдвигают жесткие требования к ведомственной профессиональной школе, подготовке кадров с высокой квалификацией. Актуальна задача системного вовлечения современных технологий в сферу правоохранительной деятельности. Общество устало от плохого управления на различных уровнях и в отдельных звеньях. Поэтому модернизация ведомственной профессиональной образовательной системы должна стать адекватным ответом на вызовы системе уголовной юстиции.

Переломить негативные тенденции в формировании кадрового корпуса милиции может система мер, направленная на значительную активизацию морального и интеллектуального факторов в работе милиции, улучшение всей системы профессиональной составляющей борьбы с преступностью. Эту борьбу нельзя свести только к организационным, финансовым, силовым или материально-техническим мерам. Важнейшее звено, которого сейчас остро недостает всей системе МВД — повышение профессионального уровня сотрудников милиции, их морально-психологическая готовность к работе в современных условиях.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 09-06-00156а).

При общем повышении образовательного уровня граждан профессиональные умения и навыки сотрудников основных служб еще далеки от требований современности. Типичными являются низкое качество предварительного следствия, процессуальные ошибки, слабый уровень оперативной работы, неумение составить протокол, закрепить доказательства, поставить вопросы эксперту. Для повышения реального уровня правоохранительной работы, культуры юридической деятельности в органах внутренних дел необходимы серьезные меры по совершенствованию системы профессиональной подготовки, сопряженные со значительными изменениями характера, целей, критериев оценки деятельности милиции в новых условиях.

Поэтому одна из главных задач наряду с повышением материального фактора — дать сотруднику милиции хорошее образование, создать перспективу интеллектуального роста на уровне современных общероссийских возможностей.

Какие направления совершенствования профессионального образования в органах внутренних дел представляются наиболее актуальными? Главное — это решение проблемы стратегического развития образовательной системы МВД. Вузы МВД должны получить четкую перспективу своей деятельности. В настоящее время такая стратегия далека от определенности. Долгое время ведомственное профессиональное образование во многом либо пыталось копировать общее юридическое образование, вовлекаясь в силовое притяжение общей юридической школы, либо уходило в крайнюю специализацию, где теряется способность к широкому профессиональным и личностным квалификациям. Сейчас необходима самостоятельная, возможно, в какой-то мере надведомственная организация правоохранительного образования, имеющая сквозной характер для всей правоохранительной системы. В настоящее время правоохранительное образование выступает слабо систематизированным факультативом по отношению к общеправовому. Между тем эта область давно уже сформировала собственные содержательные закономерности — законодательные, научно-технические, социально-психологические, которые нуждаются в конституировании в сфере профессиональной подготовки.

Процесс выделения правоохранительной отрасли в сфере образования, начавшись с введения экспериментальной специальности «Правоохранительная деятельность», в условиях реформы юридического образования должен получить логическое продолжение и стать основой подготовки специалистов для всей правоохранительной системы с соответствующими ведомственными специализациями.

Профессиональное образовательное сообщество в этой сфере слабо консолидировано. Творческие силы вузов правоохранительного профиля МВД, ФСБ, Генпрокуратуры, Минюста, Госнаркоконтроля, Минобрнауки фактически разобщены, взаимодействуют, в основном, в рамках общего академического подхода. Поэтому имеются проблемы с качеством подготовки следователей, оперативных сотрудников, участковых инспекторов (такой профессии в образовании в настоящее время вообще нет). В лучшем случае выпускники получают более-менее хорошую общеправовую и общемиллицейскую подготовку. Между тем современная преступность характеризуется

новыми, неизвестными криминалистике, процессу, ОРД закономерностями, связанными с новыми явлениями в экономике, банковском секторе, трудовых отношениях, международной деятельности, сфере высоких технологий. Нужны новые алгоритмы подготовки правоохранительных кадров, которые должны иметь не только заказчиков соответствующих специалистов, но и субъектов образовательной деятельности, способных реализовать этот заказ.

К сожалению, в реальной образовательной системе МВД число таких субъектов сокращается. Более того, в настоящее время объявлены планы сокращения («оптимизации») в целом образовательной системы МВД. Это серьезный просчет в стратегии модернизации МВД, еще большее разведение «ножниц» между реальной ситуацией в сфере охраны правопорядка и способностью государства обеспечить кадровые потребности правоохранительных органов.

Новое поколение сотрудников милиции должно прийти из современных ведомственных вузов, а не из квазиобразовательных структур (включая коммерческие), дающих липовую квалификацию. Проводить сокращение штатов МВД, в том числе и за счет образовательной системы — недальновидная политика. Создать вуз, сформировать научную и педагогическую школы, учебно-научную базу — дело многих десятилетий. МВД накоплен значительный потенциал, который нуждается не в разрушении, а в развитии и рациональном использовании. Этот потенциал ведомственной образовательной системы должен стать основой модернизации всей системы МВД, ее кадрового и научно-технического профилей.

Поэтому необходимо определиться с формами и направлениями участия вузов МВД не только в реформе МВД, но и в общем процессе модернизации правоохранительной системы. В настоящее время очевидно одно: вузы МВД могут служить стратегической основой общей для всех правоохранительных ведомств образовательной системы, которая, разумеется, не может и не должна быть изолированной от общего процесса совершенствования образования в России. Однако правоохранительное образование не может и не должно утратить специфики, способности готовить кадры именно для правоохранительной системы с учетом ее структурных и функциональных особенностей.

В перспективе реформирования российского образования — переход от системы управления вузами к системе управления отдельными программами с отказом от аккредитации вузов в пользу аккредитации учебных программ; введение кредитно-модульной системы формирования образовательных программ; создание независимых центров оценки качества образования. Думается, что повышение гибкости ведомственного образования, подвижности учебных планов применительно к ситуации в сфере правоохраны — это то, что нам требуется в весьма значительной степени. В общем высшем образовании студенты будут учиться не по единому учебному плану, а станут выбирать сами, какие предметы изучать. Они начнут набирать интересные их кредиты (зачетные единицы) и модули (части образовательных программ), получат возможность сделать это не в одном, а сразу в нескольких вузах. Качество получаемых знаний будет подтверждаться аккредитацией каждого

курса, а также системой проверок, организуемых независимыми центрами оценки качества образования.

С учетом ведомственной специфики и целевого государственного финансирования правоохранительная система не может передать на усмотрение обучающихся выбор итоговой квалификации. Однако эта система не менее общегражданской заинтересована в объективной аккредитации каждого курса, привлечении к этому делу профессионального правоохранительного сообщества. В настоящее время, как известно, этим занимаются исключительно властные структуры. В Саратове и других регионах были сделаны первые шаги к формированию такого независимого сообщества, в частности, в сфере криминалистики и судебной экспертизы. Наряду с активно действующим УМО по судебной экспертизе несколько лет назад в Москве была учреждена общественная организация «Союз криминалистов России», открыто ее отделение в Саратовской области. В эту организацию входят криминалисты независимо от ведомственной принадлежности. Кроме функций по содействию развитию криминалистики, повышению роли научно-технических средств в борьбе с преступностью эта организация вполне способна представлять профессиональное сообщество в деле совершенствования криминалистического образования, в том числе посредством общественной аккредитации учебных планов и программ.

Следует констатировать, что в принципиальном плане основные положения принятой Правительством России «Стратегии Российской Федерации в области развития образования на период до 2010 года» соответствуют основным параметрам развития ведомственного профессионального образования, определенным в Концепции совершенствования профессиональной подготовки кадров в ОВД до 2010 г. Более того, в определенных аспектах ведомственная система юридического образования уже решила ряд стратегических задач российского образования, в частности, по установлению связи с профессиональным сообществом, нацеленности на конкретные рынки труда, 100%-ному заказу на выпускника. Поэтому она должна развиваться, максимально используя имеющиеся объективные преимущества и устраняя слабые стороны. Главные выгоды от своей ведомственности МВД еще не использовало. В этом ключевом вопросе повышения качества должны быть осуществлены такие меры, как проведение оценки качества подготовки с участием заказчиков с последипломным мониторингом; повышение индивидуальности в обучении; введение модульной системы управления образовательными программами; максимальное развитие гибкости системы ДПО; интеграция образовательной, научной и практической деятельности.

В целом речь идет о движении в сторону максимального использования правоохранительной образовательной системой преимуществ от реального вхождения в структуру профессионального сообщества.

В аспекте качества подготовки вузы, относящиеся к системе МВД, должны ориентироваться на следующие критерии деятельности: максимальный уровень профилизации и специализации, улучшение работы с конкретными заказчиками и с конкретным рынком региона; расширение сфер приложения интеллектуального потенциала вузов в новых областях правоохранительной практики; освоение новых образовательных технологий, оптимизация, в

связи с этим, штатной численности; создание системы дифференцированных (включая рыночные) юридических и экспертных практик, их интеграция в учебный процесс (центры, фонды, клиники).

Главное — обеспечить правоохранный профиль профессиональной подготовки. Академизм, безусловно, должен присутствовать, но он должен быть профильным. Поэтому необходимо не механическое сокращение приема в ведомственные вузы, а стабилизация и повышение качества набора, развитие новых методов обучения, выработка современных правоохранительных технологий, совмещение процесса обучения и профессиональной деятельности на базе интерактивных методик, формирование современного правоохранительного мышления, демократического правосознания. В вузе должна проходить полноценная профессиональная социализация сотрудника органов внутренних дел.

Надо значительно ужесточить требования к обучению в системе МВД. На районном уровне подчас не делается самого простого, некачественно проводится осмотр места происшествия, не выполняются все необходимые следственные действия, неграмотно составляются процессуальные документы, сотрудники не владеют техникой, даже при ее наличии, не имеют представления о культуре. Наука должна идти в райотдел только в форме образования и обучения.

Только с помощью профессионального обучения сотрудников, формирования их современного правосознания возможно выйти на новый уровень правоохранительной деятельности.

В профессиональном отборе молодежи необходимо четко позиционировать вузы правоохранительного профиля. Должна быть развернута целая система ранней профессиональной ориентации молодежи. Только так можно вырастить новое поколение сотрудников милиции.

Существуют определенные общесистемные препятствия для активизации морального и интеллектуального факторов в работе милиции. Речь идет об устаревших в контексте действующего законодательства фактических критериях деятельности милиции. В настоящих условиях необходимы новые профили программы для правоохранительной деятельности милиции, соответствующие современному конституционному, уголовному, гражданскому, административному и процессуальному законодательству, международным нормам. Сегодня наметился определенный отрыв должностных и образовательных стандартов от нового процессуального законодательства. Например, в соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Между тем существующая система оценки деятельности органов вну-

---

тренних дел не во всем нацелена на борьбу с преступностью именно в этом контексте. Это порождает раздвоение целей, мотивов, законодательных и ведомственных установок в деятельности сотрудников милиции, размывает идеологические основы профессиональной подготовки в органах внутренних дел на всех ее этапах. Конечно, с преступностью надо бороться, но не нарушая при этом прав граждан. Бороться с преступностью должно и само общество, прежде всего, посредством широкой социальной профилактики правонарушений. Милиция же обязана защищать, обеспечивать права граждан, и это — приоритетный вопрос в борьбе с преступностью. При всей нашей новой законодательной и технической базе в России сейчас занимаются обучением сотрудников милиции, используя старые средства: борьба с преступностью подчас любой ценой. Отсюда и многочисленные проблемы с регистрацией правонарушений и характером ведомственной оценки правоохранителей. В настоящее время в ведомственном образовании требуют уточнения концептуальные вопросы: чем должна быть милиция (полиция) в современной России? Кем должен быть работник российских правоохранительных органов по своей социальной роли? Какие элементарные истины и ограничения должны определять его подготовку и критерии оценки работы? Необходима глубокая проработка основополагающих принципов современного понимания роли милиции в демократическом обще-

К.Е. Игнатенкова,
кандидат юридических наук,
ученый секретарь Саратовского филиала
Института государства и права РАН

К вопросу о новейших приоритетах российской правоохранительной политики*

Как формируются приоритеты правоохранительной политики? Кто решает, какие ценности, идеалы, установки должны определять развитие правоохранительной системы? Откуда, наконец, население может получить информацию о том, что государство считает первоочередной задачей, а что — более отдаленной перспективой?

Ведущую роль в формировании приоритетов правоохранительной политики может и должен сыграть глава государства, что он и делает, в частности, посредством обращений с ежегодными посланиями к Федеральному Собранию, которые адресованы не только законодательному органу, но и всем остальным властным структурам, а также обществу в целом и каждому его гражданину в отдельности. В настоящий момент ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию приобрело статус ведущего средства его правовой (в том числе и правоохранительной) политики, становясь по сути «национальной стратегией», «государственной доктриной»¹.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 09-06-00156а).

¹ См.: Омельченко И. С доктриной вас! // Российская газета. 2006. 12 мая.

Новейшие приоритеты правоохранительной политики фактически определены в посланиях нового Президента России — Дмитрия Анатольевича Медведева. Антикоррупционная политика, выступающая важнейшей частью общей правоохранительной политики, получила «новое звучание» благодаря его первому Посланию Федеральному Собранию. Президент занял принципиальную позицию, назвав коррупцию врагом номер один для свободного, демократического и справедливого общества.

Согласно подписанному национальному плану противодействия коррупции Д.А. Медведев внес в Государственную Думу соответствующий пакет законов. Их главная особенность — в комплексности, системности и адресной направленности, в первоочередном устранении тех причин коррупции, которые порождены несовершенством нашего государственного и хозяйственного механизмов. Новый Президент России изменил стратегию антикоррупционной политики, считая, что она должна строиться на использовании мер упреждения, на создании атмосферы «невыгодности» коррупционного поведения. По инициативе главы государства принимаются следующие меры, которые, по его словам, «строги, но необходимы»:

Во-первых, серьезно повышаются требования к государственным и муниципальным служащим. Речь идет о предоставлении дополнительных сведений об их доходах и имуществе — в том числе принадлежащих членам их семей.

Во-вторых, закрепляются обязанности государственных и муниципальных служащих по соотношению своих действий с установленными правилами поведения на службе. Их невыполнение должно влечь дисциплинарную, а в необходимых случаях — административную и уголовную ответственность.

В-третьих, вводятся меры уголовного наказания за злоупотребление полномочиями лицами, которые исполняют управленческие функции в негосударственных организациях. Они будут соответствовать тем, что применяются к госслужащим.

В-четвертых, вводится административная ответственность юридических лиц за передачу взятки от имени или в интересах юридического лица.

Кроме того, устанавливается контроль за имущественным положением лиц с особым правовым статусом — прежде всего судей¹.

В Послании Федеральному Собранию 2009 г. Президент России продолжил тему борьбы с коррупцией, которая должна вестись по всем направлениям — от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым проявлениям этого социального зла.

Чтобы успешно бороться с коррупцией, все сферы государственного управления должны стать открытыми для общества, включая деятельность органов государственной власти, судов и органов судейского сообщества. Именно на это направлены и соответствующие законы, которые вступают в силу в следующем году: об открытости государственных органов и об обеспечении доступа к информации о деятельности судов. Такие меры будут способствовать помимо прочего и преодолению правового нигилизма.

¹ См.: Послание Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 нояб.

Для совершенствования системы правосудия планируется создание апелляционных инстанций в судах общей юрисдикции, что повысит законность и обоснованность судебных решений без увеличения сроков рассмотрения дел.

Еще одним приоритетным направлением правоохранительной политики, по мнению Д.А. Медведева, должна стать очистка рядов милиции и специальных служб от недостойных сотрудников, для чего необходимо принимать самые энергичные меры: нужно жестко укреплять дисциплину, активнее заниматься внутренними расследованиями, добиваться полного соответствия морально-психологических качеств личного состава высоким профессиональным требованиям. Только тогда общество будет с уважением относиться к работе сотрудников правоохранительных органов, так, как это происходит во всем мире.

Наконец, стратегическое значение для правоохранительной политики имеют слова Д.А. Медведева о том, что российское уголовное законодательство и практика его применения должны стать более современными. Уголовное наказание как на уровне закона, так и на стадии его применения судами должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и потерпевшего.

В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения. Надо шире применять штрафы в качестве наказания за малозначительные преступления и преступления средней тяжести, не связанные с насилием, а если взыскать штраф невозможно, то применять принудительные работы, которые необходимо ввести как самостоятельный вид наказания. Следует использовать и такую меру пресечения (меру воздействия), как залог. При этом размер залога по отдельным категориям преступлений должен быть увеличен¹.

Непосредственно в Конституции РФ определена тематическая направленность посланий Президента Федеральному Собранию — в них рассматривается положение в стране, определяются основные направления внутренней и внешней политики. Поэтому вполне логично, что именно послания главы государства являются и будут являться в дальнейшем главным источником провозглашения приоритетов всех направлений государственной политики, в том числе и правоохранительной.

¹ См.: Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 нояб.

А.Е. Михайлов,
кандидат юридических наук, доцент,
зам. директора Саратовского филиала
Института государства и права РАН

О некоторых современных проблемах становления правоохранительной политики в России*

Нет необходимости скрывать, что многие события, освещаемые в СМИ, на телевидении и в сети Интернет вызывают недоверие к людям в погонах со стороны правоохранительных служб, сомнение в возможности улучшения ситуации. Это требует не только прямого, непосредственного общения между правоохранительными органами России, их руководством и обществом в целом, но и научного анализа их деятельности.

Российские органы и учреждения правоохранительной службы сформировались и развивались вместе с российской государственностью. Они являются частью того общества, в котором живем все мы, граждане России. Между тем необходима концепция единой политики государства в области борьбы с правонарушениями, которая может служить серьезным ориентиром в деятельности органов, осуществляющих специальные меры, прямо и непосредственно воздействующие на преступность и иные правонарушения. Такие органы, как известно, называются правоохранительными. Предлагаемая политика государства также может быть названа правоохранительной. Однако для разработки концепции такой политики необходимо изначально обозначить исходные положения. Прежде всего необходим анализ развития страны и, в частности, правоохранительных органов России в 2000-е гг.: их задач, некоторых итогов и перспектив.

Начиная с 2000 г., в стране проводятся административные реформы в структуре государственной власти, в ходе которых правоохранительная служба России выходит на новую ступень своего развития, повернувшись лицом к проблемам наших сограждан. Хочется надеяться, что главная проблема реформирования правоохранительных органов не сводится лишь к организационно-правовым, управленческим и институциональным реформам. Например, российская милиция до тех пор будет оставаться «советской милицией», пока не уйдет в прошлое та социальная идея, которая объективно обуславливала необходимость именно репрессивной модели. Без новой социальной идеи не будет новой социальной модели, без последней не будет и подлинной реформы правоохранительных институтов.

Именно поэтому во второй половине 2003 г. был обозначен вектор развития, направленный на реализацию принципов открытости и прозрачности деятельности правоохранительной службы России¹. Были заключены важные соглашения с правозащитными организациями, церковью, установлены

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 09-06-00156а).

¹ См. подробнее: Нургалиев Р.Г. МВД России: вчера, сегодня, завтра // Щит и меч. 2009. 23 июля.

партнерские отношения с профсоюзами, общественными объединениями, представителями культуры и искусства, образован Общественный совет при МВД России. К сожалению, «принцип прозрачности» в деятельности правоохранительных институтов не находит понимания как в обществе, так и среди определенной части сотрудников правоохранительных органов и спецслужб России. Скептицизм понятен. В декабре 2005 г. МВД России совместно с Генеральной прокуратурой РФ было принято решение об изменении государственного подхода к выявлению и учету преступлений, одним из последствий которого явился рост зарегистрированных преступлений. Необходимость принятия данного решения была обусловлена тем, что за каждым зарегистрированным заявлением о совершении правонарушения — судьба человека, защита его прав и свобод.

Однако формальный рост преступности в тех условиях не означал, что наше общество стало более криминализированным, а напротив, являлся результатом целенаправленных мер по сокращению латентного сектора преступности. Причем преобладали деяния небольшой и средней тяжести, составляющие в общей сложности более 70 % от общего числа преступлений. Таким образом, весь спектр совершаемых преступлений стал открыт и очевиден для общества, а не только для специалистов.

Вывод из тени основной части преступности позволит правоохранительным органам оказывать более значительное влияние на криминальную обстановку и повысить результативность принимаемых мер, что впоследствии приведет к серьезному уменьшению доли тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве преступности, увеличению количества раскрытых деяний. Все это, безусловно, способствует реальной и более эффективной защите прав и свобод граждан от преступных посягательств.

Хотелось бы надеяться, что преобразования в деятельности органов, служб и учреждений правоохранительной системы принимают необратимый характер. Правоохранительные органы должны последовательно отстаивать принципы, определяющие позицию служения гражданам, обществу, его институтам.

На рубеже XIX–XX вв., в эпоху великих реформ, именно эта российская традиция делала культуру, здравоохранение, образование, науку, а значит, и право сферами публичной жизни, а не частью сферы платных услуг, как в западноевропейской цивилизации. Предоставление услуг в правовой жизни общества как функция государственной службы по форме может и должно сочетаться с идеями социального служения согражданам, обществу.

В связи с этим следует отметить, что состояние правопорядка на территории субъектов РФ вызывает особую озабоченность. По данным ГУВД по Саратовской области только за 10 месяцев 2009 г. в губернии зарегистрировано более 36 тыс. преступлений¹. Преобладают кражи, побои, мошенничество, умышленные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью. Большинство преступлений совершается в общественных местах, на улицах. Обсуждение этих проблем проходило в декабре 2009 г. в Саратовской областной Думе на депутатских слушаниях «О мерах по усилению охраны общественного поряд-

¹ См.: Нужны ли Саратову народные дружины? // Совфакс. 2010. 1. С. 2.

ка на территории Саратовской области и реализации права граждан на участие в охране общественного порядка».

Несмотря на то, что на вооружении у милиции появились видеокамеры, сигналы с которых поступают в дежурные части, созданы «островки безопасности», где можно вызвать милицию, депутаты считают необходимым создание добровольных народных дружин. В некоторых районах области они уже созданы, в основу их работы положены нормативные правовые акты местного самоуправления, но на областном уровне нужной нормативной базы нет. Понятно, что работа дружинников не должна держаться на энтузиазме. В советское время участие в оперативных отрядах стимулировали: предоставлялся бесплатный проезд в общественном транспорте, дополнительные дни к отпуску. Поэтому при разработке областного закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» следует просчитать финансовую составляющую, разработать систему мер морального и материального поощрения граждан, участвующих в охране правопорядка.

Подводя краткий итог, заметим, что в условиях усложнения правовой жизни и проводимых в современной России преобразований особую роль в правоохранительной системе страны призвана играть правоохранительная политика, которая, организуя саму правоохранительную деятельность и оптимизируя юридический инструментарий, имеет собственное содержание и самостоятельное значение наряду с осуществляемыми государством другими видами политики. Думается, что следствием проведения политики повышения качества современной российской правовой жизни на уровне правоприменения должна стать твердая уверенность каждого человека в охране его прав и законных интересов, в заботе государства о неприкосновенности его личности, об уважении его чести, достоинства, репутации, а также в том, что ни один виновный в совершении преступления не должен избежать уголовной ответственности, ни один невиновный не должен быть привлечен к ней.

М.П. Петров,
*кандидат юридических наук, доцент,
зам. директора Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

179

Об объекте реформы правоохранительной системы

Правоохранительная система и правоохранительная политика вследствие более или менее широкой трактовки объекта могут иметь несколько смысловых значений. Термины «правоохранительные органы», «правоохранительная служба» употребляются не только в научной и учебной литературе, но и в законодательстве. При этом их содержание малопонятно и законодателю, и правоприменителю. Во всех случаях эти понятия выполняют скорее

«рабочую» технико-юридическую задачу, подразумевая определенную часть государственного аппарата с полицейскими функциями. Во многом употребление термина «правоохранительная деятельность» — это лишь удобная традиция, имеющая опосредованное отношение к области охраны прав, подобная той, что относит некоторые органы к силовым, президентским, фискальным и т.п.

В широком аспекте правоохранительная деятельность охватывает любые механизмы обеспечения и защиты права, в том числе «правовую охрану» интересов субъекта, находящегося в границах правомерного поведения. В этом смысле к правоохранительной политике относится любая деятельность, способствующая правовому пути, создающая необходимые условия, предпосылки для позитивной части правовой жизни, препятствующая возникновению теневых форм правовой жизни. Указанная деятельность может быть институциональной, может оформляться в виде одномоментных акций (решений, мероприятий).

Правовая охрана выражается в закреплении комплекса правовых гарантий, создании институциональных механизмов обеспечения полноценной реализации права (оказание правовой помощи, создание специальных институтов государства и других условий защиты права), а также непосредственной деятельности уполномоченных и иных субъектов по охране прав (обеспечению правопорядка в связи с охраной прав).

В широком смысле правоохранительная система ориентирована не только на противодействие правонарушениям, но и на создание условий пользования в полном объеме теми правами, которые получили закрепление в правовых актах. Правоохранительная система государства в таком понимании ориентирована на предупреждение нарушений законности, охрану правопорядка, в том числе в форме противодействия правонарушениям. Другими словами, она состоит в обеспечении состояния защищенности интересов субъектов политической и правовой жизни от различного рода правонарушений, то есть правовой безопасности посредством охраны права. Уяснение значения категории «правоохранительная система» осложняется тем, что она раскрывается на основе не менее широких и не более определенных по своему содержанию понятий.

Самое широкое рассмотрение правоохранительной системы обусловлено отнесением к ее области всех обеспечивающих законность институтов: институтов публичной власти, включающих принудительные, обеспечивающие правоинтерпретационную судебную функцию и законность правовых актов; институтов гражданского общества, осуществляющих общественный контроль, правозащитную деятельность, участвующих в оказании помощи в охране правопорядка.

Объем правоохранительной деятельности в данном понимании включает область защиты права (исключение составляет институт самозащиты). Такой подход не ограничивает правоохранительную деятельность сферой юрисдикции, он также принимает во внимание правозащитную деятельность и устранение недостатков позитивного права. В этом случае правовая охрана сводится к средствам поддержания режима законности, при этом

в объеме правоохранительной деятельности включается юрисдикционная часть государственного принуждения.

Правоохранительная функция государства обусловлена природой права. Как средство регулирующего воздействия право обеспечено возможностью применения принуждения. Поэтому любая область правового регулирования дополняется системой правоохранительных, обеспечительных отношений, которые сами по себе несамостоятельны.

В аспекте соотношения правового регулирования и правовой охраны видится начальный момент анализа правоохранительной деятельности. Область правоохранительной деятельности — государственное принуждение и непосредственно с ним связанные отношения. Правоохранительная деятельность предусматривает использование превентивных, профилактических механизмов обеспечения законности, но она не должна отождествляться с подобными механизмами, рассматриваемыми в широком смысле понятия «предупреждение правонарушений», например, с антикоррупционной экспертизой нормативных правовых актов.

Не отрицая этих задач и соответствующих функций правоохранительной системы, следует указать на то, что объединение разнородных способов, институтов, порой с взаимоисключающими интересами, для целей обеспечения законности не может рассматриваться в качестве системного, комплексного, единого механизма. Вместе с тем именно такой аспект понимания объема правоохранительной деятельности ближе всего к разделению правовой сферы на регулятивную и охранительную части.

Если текущее беспринудительное (или, как исключение, — неюрисдикционное принудительное) регулирование ориентировано на область правомерной деятельности, то правоохранительное регулирование призвано вытеснить негативные теневые явления, запрещенные правом, а правоохранительная система — обеспечивать государственное принуждение.

При этом не следует переоценивать значение правоохранительной системы в реализации юрисдикционной части государственного принуждения. Это достаточно широкий круг отношений, среди которых уголовное, дисциплинарное и многие виды административно-правового принуждения, что предопределяет участие в них представителей фактически всего госаппарата. Вместе с тем правоохранительная деятельность, отвечающая критерию системности, объективно концентрируется в той части противодействия правонарушениям и явлениям, которая представляет значительную угрозу правопорядку, что требует специфических средств государственного принуждения. Поэтому нецелесообразно ставить знак равенства между юрисдикцией и правоохранительной системой.

К вопросу о понятии правоохранительной системы имеет отношение рассмотрение видов юридической деятельности. В литературе и законодательстве к ним, как правило, относят правотворчество, правоприменение и правоохранительную область. Представляется неконструктивной, неточной позиция противопоставления правоохранительной и правоприменительной деятельности. В данном случае имеет место логическая ошибка, смешение критериев группировки.

Другая проблема — невнимание к правоохранительной функции как к обособленной группе функций в рамках разделения компетенции органов исполнительной власти. Авторы Указа Президента от 9 марта 2004 г.

314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 22.06.2009 г.)¹, не называя прямо, вынуждены косвенно легализовать наличие правоохранительных функций. Что касается общей компетенции федеральной службы, то предусматривается, что она является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, а также специальные функции в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, борьбы с преступностью, общественной безопасности.

Наличие малопонятной, противоречивой, недоработанной формулировки, констатирующей присутствие «специальных» функций, создало объективные предпосылки для перемещения правоохранительной функции исполнительной власти на второй план, в том числе и в качестве потенциального объекта административной реформы. Соответственно требуется единый объективный критерий классификации государственных функций. Смещение понятий «правоприменение», «контроль и надзор», «правоохранительная деятельность» непримемлемо.

Более узкое значение понятия правоохранительной системы связано с пониманием правоохранительной деятельности как юрисдикционной. В этом случае также сложно выделять определенную систему правоохранительных отношений, составляющих единое целое, рассматриваемое в качестве функции государства, самостоятельного института. В рамках этого подхода в объем понятия правоохранительной деятельности включается часть юрисдикционной деятельности, определенным образом ориентированная на правонарушения, находящиеся в судебной юрисдикции, на противодействие такому явлению, как преступность. Избранный критерий не охватывает все явление, не выполняет строго научную функцию в решении задачи разграничения правоохранительной и прочей деятельности, он ориентирован на традицию, полицейское начало в управлении. Уголовное преследование составляет самую системную часть правоохранительных усилий государства. В данном контексте следует говорить о правовой безопасности, составляющей природу, сущность узкого понимания правоохранительной деятельности.

Представляется, что обеспечение правовой безопасности может составлять непротиворечивое содержание понятия правоохранительной деятельности в контексте предмета функционирования правовой системы, в том смысле, что этот вид безопасности позволяет защитить жизненно важные интересы субъектов в правовой сфере от посягательств и нарушений. В понятие правоохранительной системы, таким образом, не включается вся совокупность отношений по охране и защите права, а только их часть.

Правоохранительную систему можно определить как единую совокупность институтов публичной власти, обеспечивающих самостоятельно или совместно с институтами гражданского общества правовую безопасность посредством комплекса мер, непосредственно связанных с противодействием

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. 11, ст. 945; 2009. 26, ст. 3167.

совершению правонарушений и выражающихся в осуществлении контроля и надзора, судебного и административно-правового принуждения.

В.В. Нырков,
*кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

К вопросу о соотношении мер защиты и ответственности в системе правоохранительных средств*

При формировании концептуальных основ правоохранительной политики представляется немаловажным научно обоснованное определение ее понятийного аппарата. Особого внимания заслуживает проблема соотношения категорий «защита права» и «юридическая ответственность». Четкое разграничение указанных основополагающих понятий, на наш взгляд, может способствовать наиболее адекватному использованию мер юридического реагирования на различного рода нарушения правовых предписаний и повышению эффективности правоохранительной политики в целом.

В юридической литературе система мер охраны подразделяется на два больших комплекса: 1) меры защиты пресекающего, эквивалентно-компенсационного, восстановительного и обеспечительного действия; 2) меры ответственности, объединенные по единому признаку направленности на поражение правовых возможностей правонарушителя (пресекающе-поражающие, штрафные и компенсационные)¹.

К первой группе можно отнести, например, защиту права в форме пресечения, которое обеспечивается мерами, направленными на лишение акта силы юридического факта — меры недействительности. В гражданском праве восстановление нарушенного состояния осуществляется посредством кондикции, виндикации и реституции. При этом реституция (приведение положения сторон в первоначальное состояние) является специальным средством охраны права.

Меры ответственности от мер защиты отличает цель их использования. Целью юридической ответственности является наказание нарушителя, а целью мер защиты — распределение неблагоприятных последствий и возложение долга по восстановлению нарушенных прав на началах справедливости.

Функция защиты имеет единую целевую направленность, она не несет в себе «карательного» воздействия на нарушителя предписаний закона (к примеру, на лиц, не оформивших должным образом сделку или при виндикации

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 09-06-00156а).

¹ См., например: *Илларионова Т.И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982. С. 47–48.

собственником имущества из незаконного владения другого гражданина). Ее меры всегда зависят от содержания нарушенного интереса. Возможные неблагоприятные последствия применения мер защиты законодательно распределяются на началах риска и, как правило, компенсируются с помощью функционально связанных с ними других мер защиты. Эти признаки отличают защиту права от мер юридической ответственности.

Защита права — это подсистема охранительных мер, представляющая собой единую совокупность взаимосвязанных специальных юридических средств, направленных на пресечение конкретных нарушений, восстановление (компенсацию) нарушенных частных и публичных интересов или на обеспечение условий их удовлетворения в иных формах. Юридическая же ответственность, в первую очередь, направлена на наказание виновного, имеет штрафной, карательный характер. Меры ответственности всегда связываются с составом правонарушения, а меры защиты — с характеристикой охраняемого интереса и социально-правовыми условиями его преимущественной охраны (отсутствие полной дееспособности в составе дефектной сделки требует мер по защите интересов неполностью дееспособного лица и его родителей).

Меры защиты, как уже было отмечено, основываются на началах риска, а не вины, как при назначении мер юридической ответственности. В правовой системе категория «риск» выполняет различные функции. В первую очередь она используется в качестве инструмента, посредством которого осуществляется нормативное распределение неблагоприятных последствий между субъектами охранительного правоотношения¹.

Риск является одним из основополагающих начал по формированию мер защиты. С помощью категории «риск» дается оценка поведения сторон в отношениях-притязаниях, определяются основания возникновения охранительных правоотношений и условия их существования, факторы, с учетом которых возможна и необходима защита нарушенного интереса (без обращения к мерам ответственности или наряду с ними)². Начала риска (например, риск ошибки при вынесении приговора, риск заключения договора с дефектом, риск возникновения дефекта формы правового акта и т.п.) требуют установления мер защиты, своеобразной «страховки от несчастного случая». Законодатель же, устанавливая анализируемые инструменты защиты, применяет прием распределения возможных неблагоприятных последствий, вызванных дефектным фактическим составом, между участниками общественных отношений.

Четкое разграничение инструментов по борьбе с правонарушениями и средств противодействия дефектным фактам необходимо как в теории, так и на практике. У каждой из двух названных групп средств правоохранительной политики имеются свои специфические цели и задачи, установление оптимального баланса в их использовании является неременным условием для осуществления всесторонней и эффективной охраны права.

¹ О категории риск подробнее см.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 163–197; *Илларионова Т.И.* Указ. соч. С. 119–131; *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 116–131; *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972 и др.

² См.: *Илларионова Т.И.* Указ. соч. С. 126.

О.Н. Коржиков,
кандидат социологических наук,
доцент Астраханского государственного
университета, докторант Саратовского
юридического института МВД РФ

Формирование гражданского общества и правового государства в современной России: правоохранительный аспект*

Формирование правового государства требует сбалансированных усилий со стороны и государства, и граждан. Полагаем, что правовое государство не следует понимать как законченную, совершенную формулу, как некую догму, поскольку нельзя проводить правовую реформу в отрыве, скажем, от политической.

В истории политической мысли идея гражданского общества пережила длительную эволюцию, при этом оно практически всегда воспринималось как нечто противоположное государству. Основоположником же самой концепции гражданского общества можно считать английского философа, одного из авторов теории «общественного договора» Д. Локка. Главной идеей в его творчестве была гарантированная законом защита свободы и собственности человека от возможного произвола со стороны государства. Представителем другой традиции в исследовании гражданского общества является Г. Гегель, который рассматривал гражданское общество как объединение индивидов, удовлетворяющих свои потребности с помощью труда.

В современном понимании гражданское общество представляет собой систему социокультурной и духовной жизнедеятельности, воспроизводства и передачи их ценностей от поколения к поколению. Это система самостоятельных, независимых от государства общественных институтов, отношений, обычаев, этнонациональных и культурных традиций, в задачи которой входит обеспечение условий для самореализации отдельных индивидов и коллективов, удовлетворение частных индивидуальных или коллективных интересов и потребностей. Интересы и потребности выражаются через такие институты гражданского общества, как семья, религиозные конфессии, политические партии, ассоциации, организации, научные, профессиональные и иные объединения. Поэтому гражданское общество является суммой отношений между членами общества, которые не находятся под непосредственным контролем государства.

Гражданское общество и правовое государство не могут существовать одно без другого. В то же время гражданское общество первично, оно является социально-экономической основой и составляющей правового государства. Гражданское общество и правовое государство — не изолированные друг от друга части, а взаимообусловленные, хотя и не отождествляемые системы. Связи между ними детерминированы, так как государство — форма организации общества, поэтому они неразрывны.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 09-06-00156а).

В настоящее время российское гражданское общество только формируется. Сегодня этот процесс осложняется нестабильностью общественно-политических отношений, замедленным развитием цивилизованного рынка, отсутствием широкого социального слоя собственников — представителей малого и среднего бизнеса, низкой эффективностью правовой защиты и охраны личности.

Тормозом в процессе развития гражданского общества и правового государства, на наш взгляд, стала несогласованная работа правоохранительной системы и, как следствие, отсутствие концепции правоохранительной политики. Конституцией были формально закреплены основополагающие идеи гражданского общества. Человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства. Провозглашено также разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, установлены гарантии самостоятельности местного самоуправления. Однако это не гарантирует формирования гражданского общества и воплощения в жизнь всего, что декларировано в Конституции, так как для этого необходим высокий уровень правосознания и культуры большинства граждан и чиновников, который, к сожалению, в нашей стране не высок. Это говорит об индивидуальности исторических процессов, проходящих в России, прямо и опосредованно влияющих на социально-политические и правоохранные условия развития и гражданского общества, и правового государства. Полагаем, что без эффективного влияния этих условий на каждого человека о гармоничном формировании гражданского общества и правового государства, балансе этих двух систем можно только рассуждать.

Очевидно, что для успешного управления такими сложноорганизованными системами, как гражданское общество и государство, необходимо разработать концепцию правоохранительной политики России, которая свяжет правоохранительную систему и систему государственного управления с фрагментами существующей правоохранительной политики. Это повлияет на совершенствование законодательно оформленного, сбалансированного механизма взаимодействия силовиков, власти, общества и граждан.

А.Н. Улиско,
*кандидат юридических наук,
доцент Саратовской государственной
академии права*

**Региональные законопроекты —
концепции и разработки:
обзор Всероссийской научно-практической
конференции «Актуальные
проблемы нормотворчества»
(г. Саратов, 6 октября 2009 г.)**

6 октября 2009 г. в Саратове по инициативе Института законодательства Саратовской государственной академии права была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы нормотворчества».

На конференцию приехали ученые-теоретики и практики из Воронежа, Москвы, Самары, Тамбова, Тюмени и других городов России. Ее проведение совпало с юбилеем — 10-летием Института законодательства. На базе Института подготовлены уже около ста высококвалифицированных юристов-специалистов в области нормотворчества для различных ветвей власти и управления, значимость которого в современных условиях приобретает особую роль.

В работе конференции также приняли участие председатель Саратовской областной Думы В.В. Радаев, депутаты Саратовской областной Думы А.С. Ландо, Г.Н. Комкова; председатель Двенадцатого арбитражного апелляционного суда А.И. Гребенников, руководители Управления Министерства юстиции по Саратовской области, Главного Управления внутренних дел, прокуратуры, вузов Саратова, Уполномоченный по правам человека в Саратовской области, профессорско-преподавательский состав и студенты Академии.

С приветственными словами в адрес участников пленарного заседания выступили ректор Саратовской государственной академии права, доктор социологических наук, профессор Сергей Борисович Суоров и директор Института законодательства, заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук, доцент Александр Соломонович Ландо.

Институт законодательства был образован в 1999 г. по инициативе заместителя председателя Государственной Думы В.В. Володина и в соответствии с решением Саратовской областной Думы, Правительства Саратовской области, Ученого Совета Саратовской государственной академии права. Толчком к его созданию явились положения Конституции РФ о необходимости формирования нормотворческой базы субъектов Российской Федерации.

За это время ученые Института совместно с законодательными органами субъектов юга России и Саратовской областной Думой, депутатами местных уровней разработали ряд проектов законов по важнейшим проблемам жизнедеятельности регионов: «О социальной защите населения Саратовской области», «О региональной безопасности в Саратовской области», «О молодежной политике Саратовской области», «Об образовании в Саратовской области» и другие.

Практическое большинство участников конференции, многие в прошлом ученики Академии, начинали выступления с теплых слов в адрес Академии и Института, отмечая их неоценимый вклад в дальнейшее развитие нормотворческого процесса в субъектах Российской Федерации.

С особым вниманием и заинтересованностью участники конференции заслушали доклад главного научного консультанта Института законодательства, крупного ученого, заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Василия Михайловича Манохина, который в 90-х гг. XX в. мобилизовал кафедру административного и муниципального права и сосредоточил все силы и внимание коллектива кафедры на теоретической и практической разработке для ряда областей их уставов, законов о государственной и муниципальной службе, о государственных наградах, о местном самоуправлении, объединив группу способных разработчиков региональных законопроектов. Накопленный солидный опыт удачно систематизирован и обобщен.

Три уровня правового регулирования, соотношение между ними, степени зависимости друг от друга стали объектом пристального внимания и глубокого научного анализа участников конференции. Это соотношение было определено в нескольких аспектах: по объему правового регулирования на каждом уровне, по численности принимаемых актов и их форме, наконец, по месту их роли в общегосударственном русле и процессе правотворчества.

Интересными были также сообщения декана юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктора юридических наук, профессора Галины Николаевны Комковой, доктора юридических наук, профессора Максима Станиславовича Матейковича (г. Тюмень), Виктора Владимировича Полянского (г. Самара) и другие.

На основе конституционных норм и федерального законодательства участники конференции проводили обстоятельный анализ предмета правотворческой деятельности на каждом уровне в отдельности.

После пленарного заседания участники конференции продолжили работу в трех секциях. Было заслушано более 70 докладов и сообщений, состоялось их обсуждение. В секции 1 (председатели — доцент Т.В. Заметина и профессор М.С. Матейкович) «Конституционные основы нормотворчества и проблемы отраслевого нормотворчества в России» были заслушаны доклады профессора И.Н. Коновалова, доцента Е.Г. Лиходаева, доцентов С.В. Рыбаковой, Т.В. Заметиной и др.

В секции 2 (председатели доцент А.С. Ландо, доцент П.Е. Круть) «Региональное нормотворчество в России: проблемы и перспективы. Правотворчество органов местного самоуправления» были заслушаны доклады доцентов К.А. Ишекова, П.Е. Круть, О.А. Лакаева и других участ-

---

ников, в том числе студентов Института законодательства, посвященные нормотворчеству местного самоуправления, а также проблемам кадрового обеспечения регионального нормотворчества.

В секции 3 обсуждалось «Нормотворчество в сфере реализации прав человека. Нормотворчество в сфере разграничения положений органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления». Председатели — доктор юридических наук, профессор Г.Н. Комкова, кандидат юридических наук, доцент Д.А. Красилов. Доклады были посвящены вопросам регулирования образования, соотношения федеральных и региональных начал, отраслевых и правовых дисциплин.

Хочется отметить высокий уровень организации, теплый прием и рабочую обстановку конференции.

По итогам конференции были выработаны рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование нормотворческого процесса, отмечена его роль в укреплении всего государственного механизма.

И.И. Кузнецов,
*кандидат политических наук,
доцент Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

Обзор заседания регионального отделения Российской ассоциации политической науки

28 мая 2009 г. в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского состоялось заседание Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (далее — РАПН). В работе заседания приняли участие политологи из вузов Саратова: Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратовского государственного социально-экономического университета, Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, Саратовской государственной академии права. С докладом на тему «Политические изменения в системе государственной власти в связи с поправками в Конституцию РФ» выступил доцент кафедры политических наук СГУ, кандидат политических наук И.И. Кузнецов.

В центре внимания выступавшего были следующие вопросы:

1. Внесение поправок к российской Конституции в 2008 г.: сущность, основные правовые инструменты реализации, оценки российского политического сообщества.

2. Анализ мотивации инициатора внесения поправок в Основной Закон — Президента РФ.

3. Возможные политические последствия для государственной власти России в среднесрочной перспективе.

И.И. Кузнецов проанализировал основные оценки реализованных поправок к российской Конституции в отечественной и зарубежной прессе,

---

научном сообществе. Принятые поправки в Конституцию России сформировали новую политическую реальность. Во-первых, власть, инициировав данный процесс, предпочла вывести проблему конституционной реформы из актуальной повестки дня, ограничившись констатацией небольших и неизбежных «корректировок». Во-вторых, мнение оппозиции относительно содержания поправок, их необходимости и своевременности не было учтено (это касается и парламентской партии КПРФ, и тех политических сил, которые не представлены в Государственной Думе). Поправки не укрепили легитимность существующей власти, не упрочили авторитета самой Конституции, не позволили сформировать широкую политическую коалицию на основе общего понимания политических задач, стоящих перед страной. В-третьих, открыт путь к активному поиску путей дальнейшего реформирования конституционной структуры государственной власти. Учитывая, что федеральный конституционный закон «О Конституционном собрании» по-прежнему не принят (и пока власть не проявляет заметного интереса к такому политическому решению), велика вероятность появления новых «корректировок» Основного закона. Развитие этого процесса может привести даже в среднесрочной перспективе (3–5 лет) к резкому падению авторитета государственной власти в целом, активным проявлениям недовольства как со стороны отдельных политических групп элиты, так и со стороны широких масс.

Состоялось оживленное и заинтересованное обсуждение доклада по заранее разосланным вопросам. В дискуссии приняли участие доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политических наук СГУ А.А. Вилков, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук СГУ Н.И. Шестов, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук ПАГС В.А. Труханов, доктор политических наук, профессор кафедры документационного обеспечения управления СГСЭУ А.А. Коробов, доктор исторических наук, доцент кафедры политических наук В.А. Митрохин, кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного права ПАГС С.Г. Сергеев, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии СГСЭУ И.Н. Тарасов, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук СГУ М.В. Данилов, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук СГУ В.Г. Семенова, кандидат социологических наук, доцент социологического факультета СГУ Я.А. Никифоров.

Доктор политических наук, профессор А.А. Вилков акцентировал внимание на механизме внесения поправок в Конституцию РФ. Представляется, что наиболее адекватным является термин конституционная «корректировка», так как остается неизменным системообразующее ядро Конституции и закрепляемые ею основные принципы функционирования политической системы. Становление эффективной «дуалистической» системы организации исполнительной власти в Российской Федерации представляется невозможным, даже с учетом конституционных нововведений и годового опыта функционирования «тандема». Последний носит ситуативный характер и

основан на вполне определенном межличностном соглашении, не подкрепленном конституционно закрепленными нормами разграничения сферы полномочий и ответственности Президента и Председателя Правительства Российской Федерации. Тем не менее опыт неформальных практик эффективного взаимодействия может сыграть положительную роль с учетом их последующих конституционных воплощений.

Кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного права ПАГС С.Г. Сергеев обратил внимание на то, что И.И. Кузнецов попытался совместить два подхода, которые на самом деле очень сложно совмещаются — подход конституционного права и подход политологии. Конституция предусматривает, что для того, чтобы внести в нее поправки, от момента предоставления законопроекта в Государственную Думу и до момента вынесения решения должен пройти год. Этот срок может быть, конечно, и меньше. Так и получилось на практике.

Доктор политических наук, профессор СГСЭУ А.А. Коробов отметил, что в России намечается поворот в сторону авторитаризма, факт изменения Конституции большой роли не играл. В нашей стране авторитет Президента довольно высок. Поэтому простое население не высказывает возмущения по поводу срока. А что касается элиты, то было бы неплохо детализировать, какую выгоду получил тот или иной политический клан.

Доктор политических наук, профессор ПАГС В.А. Труханов обратил внимание на то, что политические события в стране происходят алармистским образом. Перед избранием Президентом В.В. Путина, когда он исполнил обязанности премьер-министра, началась война в Дагестане, в Чечне. Когда на должность Президента был избран Д.А. Медведев, война также стала реальностью, но немного позже (события августа 2008 г. в Южной Осетии). В какой-то мере война способствовала решению нескольких задач — укрепился престиж Президента, произошли изменения в Конституции. Видимо, военные события 1999 г., связанные с вторжением боевиков в Дагестан, а также трагедия в Беслане в 2004 г. стимулировали административные изменения — были сформированы федеральные округа, произошла отмена выборов губернаторов, изменилась избирательная система в целом.

Кандидат политических наук, доцент СГУ А.Ю. Цаплин предложил рассмотреть эту проблему сквозь призму существующего сегодня политического режима, который корректируется, но не изменяется на протяжении уже долгого времени. Существующий режим характеризуют такие параметры, как преемственность власти, особый механизм принятия политических решений. Поддержка в регионах тоже свидетельствует о наличии определенных тенденций к стабилизации существующего политического режима.

Кандидат политических наук, доцент СГУ М.В. Данилов указал на то, что в ходе исследования, проведенного И.И. Кузнецовым, использовано 2 вида источников — это юридические документы и мнения политиков. Анализ источников носил традиционный характер. Может быть, стоит подумать о внедрении новых методов, в частности, анализа с помощью программных

средств обработки текстовой информации, которые могут привести к совершенно новому результату. Следует также проанализировать информацию о происходящих событиях, это позволит сделать некоторые обобщения о характере политической системы России, о ее изменениях и трендах этих изменений, их динамике.

Доктор исторических наук, доцент СГУ В.А. Митрохин акцентировал внимание присутствующих на вопросах о том, как будет дальше развиваться эта ситуация — следует ли корректировать или вносить поправки, есть ли генетический код у нашей политической элиты и как относиться в этом случае к понятию «политическая целесообразность»? В реальной политической практике приходится часто сталкиваться с тем, что иногда «политическая целесообразность» является неизбежным аргументом власти. В XX в. вся либеральная политическая элита России «молилась» на Конституцию. Многим казалось, что стоит ее ввести, и все само собой образуется. Однако социальные процессы намного шире и глубже, чем ожидания отдельных социально-политических групп. Реакция большинства российских граждан на инициативу Президента в целом весьма сдержанна и не несет больших издержек для власти. Представляется важным в дальнейших исследованиях этой проблемы учесть видение конституционных корректировок отдельными политическими группами, оценить реакцию на изменения в разных социальных стратах.

Кандидат политических наук, доцент СГСЭУ И.Н. Тарасов считает, что поправки в Конституции — это подготовка к сдаче власти. Мы понимаем, что в условиях либеральной экономики консолидированный авторитарный режим в стране невозможен. Выборы 2012 г., потом 2016–2017, а затем — «стратегия 2020». В любом случае необходимо создать видимость передачи власти. В 1992–1993 гг. была попытка реконструкции Конституции 1978 г., однако она закончилась неудачей. Вообще даже в посткоммунистической Европе поправки в конституции вносились через 4–5 лет. Например, президент Венгрии, который был председателем Конституционного суда, в течение 10 лет развивал идею о реформе конституции. После того, как он стал президентом, он принял решение о сохранении прежней конституции 1949 г. с 273 поправками. Думается, что никакого положительного результата это не принесет.

В Российской Федерации не сложилось правительство парламентского доверия. Для того чтобы его создать, нужно формировать партийное правительство, которое будет нести ответственность в первую очередь перед партией, а затем — перед парламентом. Против изменения Конституции высказались так называемые правые и коммунисты. Ничего удивительного в этом нет, это сегменты, находящиеся вне власти. Кроме того, политическая элита консолидирована для усиления авторитета Конституции РФ.

Доктор политических наук, профессор СГУ, руководитель Саратовского отделения РАПН Н.И. Шестов отметил, что в России конституционно-правовой процесс часто блокирует ментальность. Наше общество «не чувствует Конституцию и закон». Эти понятия не нагружены ни исторически,

---

ни идеологически, ни положительными ни отрицательными эмоциональными реакциями. Понятие «Родина» — значимо, а «конституция» — скорее, проблема. Все это отдаляет от повседневности. Создается параллельное измерение политической жизни, «жизнь информации». А информация — не реальность, от нее можно легко уйти в частную сферу.

Н.И. Матузов,

*доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор Саратовской государственной
академии права*

А.В. Малько,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

В.В. Нырков,

*кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

**Рекламное правовое пространство в
общетеоретическом ракурсе
(Рецензия: Баранова М.В. Право и реклама
(общетеоретический аспект): монография.
Н. Новгород, 2010. 796 с.)**

В условиях рыночной экономики реклама представляет собой многогранный динамично развивающийся феномен, способствует продвижению инновационных товаров и услуг, является относительно самостоятельной разновидностью предпринимательской деятельности. Несмотря на значительную роль рекламы в обществе и на ее широкое распространение в быту, в современной научной литературе вопрос о понятии «реклама», продолжает оставаться дискуссионным. На протяжении многих лет предпринимались попытки дать наиболее четкое и ясное определение понятию рекламы как правового явления, поэтому последняя не раз становилась объектом исследования ученых отраслевых наук. Практически каждый исследователь предлагал свое понятие рекламы, все они характеризовались неоднозначностью и неоднородностью восприятия указанной категории и многочисленностью определений.

В процессе вхождения России в мировое экономическое и рекламное пространство объемы рекламных услуг стали неуклонно расти, а их потребительский рынок — расширяться. Россия — страна «догоняющего раз-

---

вития». Это главная причина, по которой темпы роста рекламного бизнеса столь высоки. Российский рынок рекламы развивается хаотично, причем роль криминально-теневых структур в его развитии довольно значительна.

Соглашаясь с автором, подчеркнем, что до настоящего времени в полной мере не выявлены возможности норм рекламного права в использовании достижений научного прогресса, в содействии развитию инновационных производств, услуг, технологий. Рекламное законодательство выступает одним из действенных элементов этой модели, и общая теория права в состоянии определить основные пути ускорения научного прогресса доступными ему средствами в сфере рекламной коммуникации.

В работе предлагается комплексный теоретико- и историко-правовой анализ института рекламы в России. Центральное место занимают вопросы рекламных отношений, законодательства о рекламе, субъективных прав и обязанностей рекламодателей, рекламопроизводителей, рекламораспространителей, потребителей рекламы, рекламных правоотношений, юридической ответственности за правонарушения в сфере рекламного законодательства. В исследовании не только подвергнуты анализу теоретические основы функционирования рекламы в правовом пространстве России, но и предпринята попытка поиска принципиально нового научного подхода к проблеме взаимодействия рекламы и права.

Следует поддержать мнение автора о том, что развитие исследований современного рекламного права в настоящий момент подошло к такому рубежу, когда становится возможным и необходимым интегративный анализ. Назрела настоятельная потребность в проведении междисциплинарного исследования феномена рекламы на стыке философии, истории, социологии, политологии, культурологии, психологии и юриспруденции. При этом решить подобную теоретическую задачу на уровне отдельных отраслевых юридических наук не представляется возможным. Одним из наиболее продуктивных нам видится путь проведения междисциплинарного исследования на базе науки теории права, который и был вполне оправданно избран М.В. Барановой. Именно в этом состоит одна из особенностей ее работы.

Рассмотрим подробнее наиболее важные моменты, изложенные в монографии. В разделе первом «Методологические предпосылки общетеоретического исследования правового регулирования рекламной деятельности в современной России» предлагается детальный анализ истории правового регулирования рекламной деятельности в России, понятия рекламы в доктрине и действующем российском законодательстве, международно-правовой регламентации рекламы как основы гармонизации российского рекламного законодательства в условиях глобализации, рекламного права как формирующейся отрасли права и учебной дисциплины.

В работе процесс исторического становления и развития рекламы и ее правовой регламентации раскрывается в весьма широких хронологических рамках: период с IX века — образования Древнерусского государства — до 1991 г. — распада Советского Союза. Исторический экскурс позволил автору определить основные этапы развития отечественного рекламного законодательства, выяснить его социально-экономическую и политическую обусловленность.

Заслуживают внимания выделенные в монографии существенные признаки рекламы и авторская дефиниция центрального понятия работы (с. 125): «Реклама — это особая форма юридически значимой коммуникации, оказывающая воздействие на неперсонифицированный круг лиц с целью законной популяризации и/или реализации объекта рекламирования». Из определения видно стремление М.В. Барановой сделать акцент на юридической составляющей феномена рекламы.

Глубокие изменения, произошедшие в отечественной правовой системе, определяют актуальность рассмотрения проблем международно-правового регулирования рекламной деятельности.

Наряду с целым рядом международно-правовых документов особенно тщательно проанализирован в монографии акт универсального характера, посвященный непосредственно регулированию рекламных правоотношений, — Международный кодекс рекламной практики, впервые принятый Международной торговой палатой в 1937 г., пересмотренный в 1949, 1955, 1966, 1973 гг. и последний раз в 1986 г. (47-я сессия МТП, Париж), установивший этические стандарты в рамках национальных законов и международных правил, которыми должны руководствоваться все, имеющие отношения к рекламе, включая рекламодателей, исполнителей рекламы, рекламные агентства и средства массовой информации.

Вызывает интерес обращение автора и к практике Европейского Суда по правам человека, которая несомненно играет значительную роль в формировании международно-правовой политики в сфере рекламы.

В ходе исследования М.В. Баранова приходит к обоснованному выводу о том, что к настоящему времени в регионе Содружества Независимых Государств сформировалась система источников международного рекламного права, дополняющих и конкретизирующих то, что создано и на универсальном уровне, и в европейском регионе. В совокупности они образуют самостоятельную, динамично развивающуюся подотрасль — международное рекламное право, которое выступает высокоценным элементом рекламного права России (с. 226).

Вполне успешно отстаивает автор далеко небесспорный тезис о том, что рекламное право — молодая и активно развивающаяся относительно самостоятельная отрасль действующего российского права. При этом в работе подчеркивается: «законодательству о рекламе нельзя отводить лишь роль подотрасли информационного законодательства» (с. 228).

Подводя итоги анализа содержания и технико-юридических новелл базового нормативного правового акта рекламного законодательства России, М.В. Баранова делает ряд интересных выводов и предложений (с. 270). По ее мнению, Федеральный закон «О рекламе», принятый 13 марта 2006 г., являющийся базовым для всего рекламного законодательства в целом, структурно и содержательно претерпел существенные изменения, стал более громоздким, сложным для восприятия; ряд инновационных положений носит спорный характер. Вызывает сожаление тот факт, что некоторые понятия и положения, оправдавшие себя на практике в период действия прежнего нормативного правового акта, не нашли отражения в новом Законе. Все это, безусловно, негативно отразится на эффективности его реализации.

Наряду с этим, отмечается в монографии, базовый закон содержит новые важные и прогрессивные положения, призванные способствовать повышению уровня защищенности рекламопотребителей, предотвращению их материальных потерь, предостережению от потребления потенциально опасных товаров и услуг.

Вниманию читателя также предлагается в качестве одного из основных итогов работы следующая дефиниция (с. 273): «Рекламное право — система юридически обязательных внутригосударственных и международно-правовых установлений, регламентирующих деятельность по производству и распространению рекламной информации на основе специальных принципов, особыми методами правового регулирования, в особых процессуальных формах, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на стимулирование сбыта товаров, идей, проектов (программ), предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы».

Следует поддержать М.В. Баранову в утверждении о том, что юридическая составляющая существующего Государственного образовательного стандарта по специальности «Реклама» не отвечает современному уровню гуманитарных знаний, потребностям практики рекламного дела. В Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности «Реклама» вместо усеченного учебного курса «Правовое регулирование рекламной деятельности РФ» предлагается ввести учебную дисциплину «Рекламное право». Это сразу поднимет, по мнению автора, статус юридической подготовки специалистов по рекламе, изменится отношение к правовой составляющей обучения самих студентов. Структура и содержание учебного курса «Рекламное право» должны содержать систематизированную информацию о правовом регулировании рекламной деятельности не только как о совокупности норм, но и как о науке, ее основных постулатах, категориях и возможностях. Курс должен содержать обобщенные сведения о правовых явлениях в области рекламы, а его изучение позволит понять логико-гносеологический, культурно-воспитательный смысл правового регулирования, грамотно оценить достоинства и недостатки действующего законодательства. Такой курс целесообразен в качестве самостоятельной учебной дисциплины не только в юридических вузах, но и в вузах, готовящих специалистов по специальности «350700 — реклама».

Раздел второй «Основные виды рекламной информации и специфика их правовой регламентации в современной России» монографии посвящен классификации рекламной информации с правовых позиций и с опорой на действующую нормативно-правовую базу.

Указывается, что первые классификации рекламы появились в рамках экономических наук и охватывали в основном виды коммерческой рекламы. Исследование политической, социальной и других видов некоммерческой рекламы началось значительно позже. Классификации рекламной информации, с точки зрения правового знания, базируются на разработках экономистов, социологов, культурологов с привнесением в них правовой материи (с. 287).

Общеправовая классификация рекламы производится автором по следующим основаниям: по направленности на аудиторию; по территории распространения; в зависимости от способов распространения; по условиям рекламы.

В качестве отдельного вида рассматривается политическая реклама и перспективы ее юридической регламентации в современном Российском государстве. Совершенно справедливо М.В. Баранова отмечает тот факт, что становление системы научных знаний о политической рекламе несколько отстает от процессов, стремительно разворачивающихся на практике. Теоретический базис этой сферы общественной жизни требует углубленной разработки, а существующие на сегодняшний день теоретические положения — внимательного анализа, обобщения и увязывания с реалиями очередного этапа становления коммуникаций данного вида. Сегодня также возникает насущная потребность в четком обозначении структурного содержания политической рекламы, детальном рассмотрении ее особенностей, в установлении причинно-следственных связей между процессами, происходящими в рамках избирательных кампаний (с. 308).

Политическую рекламу предлагается рассматривать как разновидность некоммерческой рекламы, содержащей призыв голосовать в чью-либо пользу и направленной на стимулирование различных форм политического участия граждан, их политической активности. При этом внимание читателя акцентируется на наличии пробелов в сфере правового регулирования политической рекламы, решить которую не в состоянии и Федеральный закон от 13 марта 2006 г. 38-ФЗ «О рекламе»¹. Успешно выполняя роль базового нормативного акта для всего рекламного законодательства, согласно п. 1 ч. 2 ст. 2 Закон не распространяется на политическую рекламу. А это означает, что предусмотренные им меры по защите граждан от всех видов ненадлежащей рекламы на политическую рекламу не распространяются. По мнению автора, отсутствие законодательной дефиниции понятия политической рекламы приводит к неоднозначности ее понимания, что в свою очередь рождает конфликтные ситуации в рекламных правоотношениях.

До сих пор острейшая правовая проблема остается открытой. Регламентацию политической рекламы можно провести в рамках Закона «О политической рекламе» либо в Федеральном законе «О рекламе». Учитывая, что процесс систематизации рекламного законодательства происходит в рамках Закона «О рекламе», автор предлагает регулирование политической рекламы установить именно в нем.

Наряду с коммерческой и политической рекламой отдельному исследованию в работе подвергается социальная реклама. В частности, отмечается, что не теряет своей актуальности вопрос о целесообразности вынесения положений о социальной рекламе в закон о СМИ или отдельный закон. Предложения о расширении правового регулирования социальной рекламы до рамок отдельного закона интересны, по мнению В.М. Барановой, но вряд ли рациональны. Автор придерживается мнения о необходимости внесения изменений и дополнений в действующий базовый Закон «О рекламе» (с. 365).

В разделе третьем — «Комплексный институт юридической ответственности за правонарушения в сфере рекламы по действующему российскому законодательству» автор обращается к проблеме наиболее важных видов ответственности за правонарушения в сфере рекламной деятельности —

---

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 12, ст. 1232.

гражданско-правовой, административной и уголовной. Именно эти крупные разновидности юридической ответственности образуют «ядро», «стержень» комплексного правового института неблагоприятного воздействия за разноплановые правонарушения в сфере рекламной деятельности.

Заслуживает одобрения использование автором при рассмотрении обозначенного вопроса статистических данных и опыта зарубежных стран с целью дополнительного обоснования собственной теоретической позиции.

Указывается, что проблема гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере рекламной деятельности по-прежнему остается малоисследованной. Большинство авторов, рассматривая вопрос об ответственности в сфере рекламы, проводят анализ административной и уголовной ответственности, ограничиваясь констатацией того факта, что привлечение к гражданско-правовой ответственности также возможно (с. 446). Опираясь на действующее законодательство и обширные материалы судебно-арбитражной практики, М.В. Баранова весьма обстоятельно анализирует как договорную, так и внедоговорную формы гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства в области рекламы, выделяет ее специфические особенности.

Кроме того, в работе представлено исследование доктринальных и прикладных проблем, установления и применения мер административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе, содержится выработка рекомендаций по совершенствованию материальных и процессуальных норм российского законодательства, регламентирующих данные отношения. Автором дается определение административной ответственности за правонарушения в сфере рекламы и называются ее признаки (с. 525).

В ходе анализа мер уголовной ответственности в области рекламной деятельности особое внимание уделено двум важным вопросам — анализу законотворческой ошибки, связанной с декриминализацией ст. 182 УК РФ, и особенностям уголовной ответственности за рекламирование порнографических материалов.

В разделе четвертом «Совершенствование системы юридического регулирования рекламной деятельности как фактор повышения правовой культуры в современном Российском государстве» рассмотрены вопросы кодификации норм рекламного права, повышения эффективности правовой основы саморегулирования в сфере рекламы и активизации использования культурно-воспитательных и морально-психологических возможностей юридически значимой рекламы в деятельности правоохранительных органов.

Важной составной частью монографии является теоретическое обоснование предложения о подготовке и принятии Кодекса рекламной деятельности Российской Федерации (С. 660). При этом вниманию читателя предлагается развернутая структура указанного кодекса.

Рассматривая рекламную деятельность как систему, М.В. Баранова обращает внимание читателя, на механизм ее самоорганизации, нашедший непосредственное выражение через создание и деятельность саморегулируемых организаций (с. 680). Этот методологический подход представляется весьма актуальным и продуктивным, так как саморегулирование на современном

этапе развития системы социального регулирования расширяет спектр своего применения, открывает новые возможности организации и упорядочения различных сфер жизнедеятельности. В данном случае следует согласиться с утверждением автора о том, что логика развития рекламного законодательства, возможно, в перспективе пойдет именно по пути допустимой минимализации вмешательства государства в отдельные стороны и элементы рекламной деятельности с синхронной активизацией сферы саморегулирования.

Научный и практический интерес представляет анализ зарубежного опыта в области использования культурно-воспитательных возможностей рекламы в деятельности правоохранительных органов. В работе отмечается, что реклама хорошо зарекомендовала себя в деятельности правоохранительных органов разных стран на протяжении длительного времени. Российская Федерация не является исключением. Активное использование рекламы как особого, специфического, профессионального инструмента ОВД способствует решению целого ряда важных задач. Реклама позволяет улучшить имидж правоохранительных органов, дает возможность наладить сотрудничество милиции и населения, профилактировать правонарушения, помогать в оперативно-разыскной деятельности, решать кадровые проблемы. Автор предполагает, что с течением времени появятся новые направления использования рекламы, соответствующие запросам общества и нуждам ОВД.

В заключении монографии М.В. Баранова обозначает основные проблемы, которые еще ждут своего исследователя, и тем самым обрисовывает «проблемное поле» перспективного научного анализа процессов взаимодействия права и рекламы.

Резюмируя сказанное, отметим, что автором предпринята вполне успешная попытка разработать теорию рекламного права, которая станет со временем неотъемлемой частью общей теории права. Между тем высказываемые положения подчас имеют и общесоциологический характер. При этом автор монографии требует от читателя не пассивного восприятия его идей, но активного их осмысления, самостоятельной работы над высказанными им положениями.

Конечно же, вряд ли читатель согласится со всеми без исключения положениями, изложенными в монографии. В отдельных случаях высказывания автора могут показаться излишне категоричными. Однако это ни в коей мере не свидетельствует о том, что М.В. Баранова воспринимает свои идеи как абсолютную истину. Некоторая категоричность высказываний объясняется скорее желанием автора донести свои мысли до читателей, а также увлеченностью исследователей.

Что касается замечаний, то хотелось бы обратить внимание на следующие спорные положения и выводы рецензируемой монографии.

Во-первых, излишне категорично, на наш взгляд, звучит положение об отождествлении системы права и системы законодательства. Так, автор заявляет, что не существует и не должно существовать различия между системой права и системой законодательства, нет рекламного права «вообще», есть только определенные формулировки законов и других нормативных актов (с. 10). Безусловно, нормативные правовые акты выступают ведущим, основополагающим источником (формой) российского права.

Однако монизм в представлении системы источников современного российского права вряд ли оправдан и неточно отражает существующие реалии, в том числе и в области рекламного права, к источникам которого следует отнести наряду с нормативными правовыми актами и правовые обычаи, и судебную практику. Кроме того, отмеченные категоричные высказывания автора вступают в противоречие с другими положениями монографии.

Например, на с. 128 автор упоминает такие важные источники рекламного права, как общепризнанные принципы международного права и международные договоры: «Теперь отечественные законодатель и правоприменитель должны исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права должны непосредственно применяться во внутригосударственной сфере, восполняя пробелы в законодательстве (включая, разумеется, пробелы в рекламном законодательстве). Что же касается международных договоров, то они подлежат непосредственному применению во внутригосударственной сфере. Притом не только выполняя функцию восполнения пробелов в законодательстве, но и вместо противоречащих им норм отечественного права». Из приведенного отрывка явно вытекает факт признания М.В. Барановой источниками права не только законодательства, но и международных правовых договоров, что уже не согласуется с идеей отождествления права и нормативных правовых актов.

Далее, на с. 272 автор не менее категорично пишет: «Являясь убежденной сторонницей мнения о том, что правовые позиции высших судебных инстанций выступают относительно самостоятельным источником (формой) действующего российского права, полагаю необходимым подвергнуть их единой многоотраслевой систематизации». И в этом случае признание судебной практики источником права никоим образом не соответствует первоначальному авторскому суждению о тождестве права и закона.

Во-вторых, вызывает определенные возражения и отрицание М.В. Барановой позитивной юридической ответственности. Она не разделяет идею «двухаспектной юридической ответственности» и не считает возможным использовать понятие «позитивная правовая ответственность» (с. 11). По сути автором приводится лишь один аргумент со ссылкой на утверждение О.Э. Лейста о невозможности определения юридических свойств у правовой позитивной ответственности, отличающихся чем-либо от уже известных понятий «обязанность», «правомерное поведение», «правосубъектность», «деликтоспособность», «выполнение обязательств». Иные авторские доводы против концепции позитивной ответственности в работе не приводятся. Следовательно, отсутствует аргументация для столь категоричного отрицания реально существующих в правовой действительности явлений.

С мнением М.В. Барановой по данному вопросу можно согласиться лишь отчасти. Действительно, позитивная юридическая ответственность без наличия в ней реализации поощрения за совершение заслуги или добросовестного поступка так и останется некоей теоретической «фикцией», не отражающей никакого реально существующего феномена, либо просто будет дублировать иные юридические категории, что также не имеет смысла.

Однако полное отрицание наличия позитивного аспекта ответственности так или иначе сводит понимание юридической ответственности к реализации негативной санкции; к обязанности претерпевать лишения и ограничения, возлагаемые на правонарушителя; к мерам принуждения за совершение правонарушения; к государственному осуждению противоправного поведения и т.д. Такой шаг был бы большой ошибкой, ибо есть реально существующая связка в правовой жизни — «правомерное заслуженное поведение — поощрение», требующая своего теоретического осмысления. В данном случае лучше всего для отражения в мышлении указанной пары подходит категория «позитивная правовая ответственность».

В литературе в той или иной степени отмечается связь между указанными явлениями¹, и даже можно найти совершенно справедливые утверждения о том, что «заслуга и соответствующее поощрение — есть естественный итог реализации позитивной ответственности»² или «позитивная ответственность есть реализация поощрительных санкций»³. Однако указанные положения до сих пор не получили своего дальнейшего развития, а, следовательно, не были восприняты должным образом их противниками или просто ими не замечаются.

В связи с этим возникает вопрос: если теоретики признают в качестве негативной ответственности связь «правонарушение–наказание», то разве не будет логичным представление противоположной пары «правомерное активное поведение–поощрение» в качестве позитивной юридической ответственности? На наш взгляд, никакие возражения противников идеи позитивной ответственности не мешают осуществить данный теоретический ход. Кроме того, на наличии у любого вида социальной ответственности двух противоположных сторон (аспектов) настаивают и философы, и социологи. Таким образом, под концепцию единства позитивной и негативной стороны юридической ответственности заложен мощный методологический фундамент⁴. И для того, чтобы смело отрицать существование позитивной ответственности в праве, необходимо сначала опровергнуть методологические основы данной идеи. А этого М.В. Барановой сделано не было.

¹ См., например: *Гущин Д.И.* Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ). СПб., 2002. С. 33–34; *Липинский Д.А.* Формы реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7–9; *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 206; *Мелешиников А.В.* Законодательное определение понятия «правовая ответственность» как проблема юридической техники // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. статей : в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 501; *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 152; *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985. С. 134–135 и др.

² *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 238.

³ *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 93.

⁴ См.: *Гряданова Л.И.* Социальная ответственность личности в условиях социализма. Киев, 1971; *Жеребин В.С.* Диалектика социальных противоречий и право. М., 1986. С. 109; *Косолапов Р.И., Марков В.С.* Свобода и ответственность. М., 1969; *Плахотный А.Ф.* Проблема социальной ответственности. Харьков, 1981; *Его же.* Свобода и ответственность (социологический аспект). Харьков, 1972; *Сперанский В.И.* Социальная ответственность в системе общественных отношений (социальный аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990; *Черменина А.П.* Проблема ответственности в этике : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ленинград, 1965 и др.

В-третьих, автор монографии обходит своим вниманием проблему рекламы юридических услуг. Так, например, российское законодательство не ограничивает право нотариуса на рекламу собственных услуг. Необходимо отметить, что органами самоуправления нотариусов восполнены многие пробелы в правовом регулировании, в том числе в части рекламы нотариальной деятельности. В то же время зарубежная практика свидетельствует, что помимо вышеназванных ограничений активно используется законодательный запрет на рекламу нотариальных услуг. В целом же вопрос о рекламе юридических услуг является сложным и дискуссионным с точки зрения этики, наименее разработанным концептуально. Кроме того, стремительный рост численности адвокатов в России и значительное увеличение «коммерческой» составляющей в их работе повлекло за собой активное обсуждение многими учеными, да и самими адвокатами вопросов, связанных с рекламой адвокатской деятельности. Точки зрения, высказываемые при этом, порой диаметрально противоположны. Одни выступают за фактический запрет рекламы в деятельности адвокатов, другие, напротив, не видят существенного отличия адвокатской деятельности как объекта рекламы от иных рыночных услуг. В настоящий момент назрела настоятельная необходимость в определении степени дозволенности, допустимой в рекламе такого специфического продукта, как юридическая услуга адвоката. Частично эта грань определена в Кодексе профессиональной этики адвоката, принятом на первом Всероссийском съезде адвокатов, ст. 17 которого специально посвящена регламентированию рекламы адвокатских услуг.

Высказанные замечания ни в коей мере не умаляют высокого теоретического уровня исследования.

Рецензируемая работа отражает современный уровень обобщения научных знаний в области теории права, специально-юридических и иных гуманитарных наук, охватывает основные теоретические разработки, концепции и доктрины отечественных и зарубежных исследователей, вопросы состояния действующего рекламного законодательства и практики его применения.

Монография представляет бесспорный интерес для специалистов, занятых в сфере рекламы, преподавателей, студентов, аспирантов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется современными общетеоретическими проблемами правового регулирования рекламной деятельности.

Е.В. Колесников,
*доктор юридических наук,
профессор Саратовской государственной
академии права*
Ю.В. Степанова,
*студентка Саратовской государственной
академии права*

**Рецензия:
Гук П.А. Судебное нормотворчество:
теория и практика: монография / под ред.
Н.И. Матузова. Пенза, 2009. 148 с.**

Монография посвящена малоисследованным вопросам судебного нормотворчества, рассмотрены как теоретические, так и практические аспекты этой актуальной темы.

Вопрос о существовании в Российской Федерации судебного нормотворчества и о необходимости его официального признания является весьма важным и своевременным. Автор, будучи практическим работником судебной системы (председателем районного суда в Пензенской области), исходит из позиции фактического существования судебного нормотворчества в современной России.

Содержание работы представлено в виде предисловия и 4 глав. Каждая глава в свою очередь подразделена на разделы (параграфы).

В первой главе кратко, но достаточно емко рассматривается процесс становления прецедента в странах общего права, отражена специфика его развития в Великобритании и США, а также показано возникновение, развитие и действие судебной практики в романо-германской правовой семье.

Автор правильно отмечает, что «судебный прецедент как источник права не только действует в правовой системе общего права, но и все больше проявляет свое действие в странах романо-германской правовой системы» (с. 17). Более того, приведены примеры крупных судебных решений Франции, Германии и других государств, оказавших влияние на законодательство и судебную практику.

При характеристике отечественной правовой системы анализируется процесс становления права посредством формирования судебной практики (сквозь призму истории Российского государства, начиная со времен княжеского правления).

В работе приводится суждение о фактическом правотворчестве высших судебных органов, о том, что они могут не только применять норму права при рассмотрении дел, но и в случае отсутствия юридической нормы или закона создать норму судейского права (с. 40).

Вторая глава посвящена формам судебного нормотворчества: судебному прецеденту и судебной практике. При выделении указанных форм судебного нормотворчества авторская позиция сводится к тому, что «на протяжении длительного времени судебный прецедент и судебная практика являлись

своеобразным ориентиром для единообразного рассмотрения судебных дел, правильного применения установленных нормативно-правовых актов, толкования и восполнения пробелов в законодательстве» (с. 43).

Охарактеризованы отдельные специфические признаки судебного прецедента и дан их анализ. Выделены административный и судебный прецеденты. Показано, что судебный прецедент создается не любым судом, а только высшими (верховными) судами и по конкретному делу, которое становится обязательным для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных дел (с. 60).

Подробно изучена категория судебной практики, но при этом обоснованно разграничена с такими понятиями, как социальная и юридическая практика.

Удачным является показ специфических особенностей судебной практики, ее характерных, сущностных признаков. Сформулировано оригинальное понимание судебной практики. Это определенный результат, итог судебной деятельности, основанный на опыте и судебном усмотрении, закрепленный в судебном акте, содержащий правоположения, толкование юридической нормы, правовые позиции, принципы и служащий образцом для применения (с. 82).

В третьей главе рассмотрены элементы судебного нормотворчества. Несмотря на то, что представленный в ней материал излишне теоретизирован и стоит несколько обособленно по отношению к другим главам, отдельные ее положения заслуживают внимания и выполнены в контексте работы.

В качестве элементов судебного нормотворчества, по мнению автора, выступают судопроизводство и судейское усмотрение. При этом он исходит из позиции, что судебная власть — одна из ветвей государственной власти, в функции которой входит осуществление судебной защиты в форме правосудия посредством установленного судопроизводства (с. 87). Судопроизводству свойственны определенные признаки, выделены его принципы. Показано, что судопроизводство и правосудие — понятия весьма близкие, но не тождественные, поскольку по своему содержанию, структуре, функциональной деятельности они несут различную смысловую нагрузку.

Убедительно суждение о необходимости классификации судопроизводства по следующим основаниям — по отраслям права, процедуре рассмотрения, историческому типу, государственно-правовому устройству, форме осуществления (с. 91–92). Автор справедливо высказывается о необходимости исследования, изучения теоретических основ судопроизводства для выработки единых подходов ко всем видам судопроизводства (с. 93).

Уделено внимание судейскому усмотрению в судебном нормотворчестве, которое определяется как «представленное судье право свободного анализа и выбора единственного возможного варианта решения в правовых рамках, способного урегулировать отношения при разрешении юридического спора, или формулирование судейской нормы в определенном виде судопроизводства с закреплением результата в судебном акте» (с. 97).

Усмотрение основывается на выборе права либо правовой позиции, правоположения для разрешения спора. В данном случае

усмотрение используется судьей, когда необходимо выбрать и применить соответствующую правовую норму, правовой прецедент (правовую позицию) к конкретному случаю для большей убедительности приведенных аргументов, подтверждения основного юридического источника дополнительным (с. 48).

Выделены признаки судейского усмотрения, которые свойственны этой деятельности судьи (судей) в процессе судопроизводства и при разрешении правовых споров и характеризуются наличием свободы выбора в правовых рамках, предоставляют судье право выбора наиболее приемлемого решения из нескольких вариантов, имеют соответствующую мотивацию, выражены в конкретном судебном акте (с. 99).

В последней, четвертой главе затрагиваются проблемы становления судебного нормотворчества в российской правовой системе.

Особую ценность для предупреждения и устранения коллизионных трактовок отдельных положений Федерального конституционного закона 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» имеет подробное описание процедуры конституционного судопроизводства, выделение последовательно сменяющих друг друга стадий этого юрисдикционного процесса (с. 104). Проанализировав деятельность федерального органа конституционного контроля, был сделан правильный вывод, что судебный прецедент толкования, созданный этим высоким Судом, дополняет своим содержанием основную норму и создает возможность для более точного и однообразного применения в спорных случаях.

При изучении судебной практики Верховного Суда РФ дифференцирована процедура обобщения практики судов общей юрисдикции и выделены специально постановления Пленума Верховного Суда РФ как результат изучения и обобщения юридической практики, протекающей в виде определенного формализованного процесса.

Доступный язык изложения при анализе большого количества постановлений Пленума Верховного Суда РФ, отдельных решений Верховного Суда РФ и его Президиума, имеющих принципиальное значение для судебной практики в целом, является достоинством работы.

В конце исследования сделан важный вывод о необходимости учета прецедентов Европейского Суда по правам человека, которые являются своеобразным ориентиром для национальной судебной системы (с. 146).

Работа изобилует интересными историко-правовыми фактами, примерами оригинальных судебных решений. Привлечен большой круг нормативно-правовых и литературных источников.

Несмотря на несомненный вклад в разработку обозначенной темы, в работе есть отдельные положения и выводы, требующие пояснений или являющиеся спорными. Отметим важнейшие из них.

Так, некоторые предложенные определения не носят обобщающего характера, не всегда полностью отражают особенности и специфику изучаемого явления. Следовало бы дать более подробное определение судебного прецедента (с. 65) и показать его соотношение с понятиями нормативно-правовое положение, нормативный правовой акт и правовая позиция.

К вопросу о признании в Российской Федерации судебной практики как источника права в работе наблюдается односторонний подход. Например, при оценке оппозиционной точки зрения П.А. Гук ограничивается цитатой известного правоведа В.С. Нерсесянца и фразой «это позиция незначительного меньшинства» (с. 56). В то же время ее поддерживают и другие видные юристы. Это тем более важно, что доктрина прецедентного права в России не сформулирована и официально не признана.

При характеристике подобного специфического нормотворчества в гл. 2 уделено внимание актам Конституционного Суда РФ. В целом следует согласиться с прецедентным характером некоторых решений этого важного государственного органа. Однако автором не указано, какие решения этого высокого Суда выступают в качестве судебных прецедентов и можно ли к их числу относить многочисленные определения. В юридической литературе на этот счет высказаны самые разные суждения, на которых следовало бы остановиться и только после соответствующего анализа сделать определенный вывод.

Вызывает возражение утверждение о существовании самостоятельной отрасли права — конституционного судебного процесса (с. 84). Оно является, как минимум, весьма дискуссионным и не подтверждается ни практикой, ни юридической наукой. Конституционный судебный процесс — это подотрасль конституционного права России.

Каких-либо оснований говорить о «первобытнообщинном судопроизводстве» нет (с. 91). Работы абсолютного большинства юристов, историков, этнологов данный тезис не подтверждают. В лучшем случае, с оговорками можно предполагать наличие в тот исторический период только архаичных «протосудебных органов», действовавших по примитивным и нестабильным правилам.

Отсутствие заключения, в котором следовало поместить обобщающие выводы по всей работе, несколько снижает целостное восприятие весьма интересного рецензируемого труда.

В целом монография заслуживает высокой оценки, ее несомненными достоинствами являются как новизна темы, тщательный анализ сложных положений законодательства и судебной практики, так и широкое использование многочисленных литературных источников.

Работа заинтересует не только профессиональных юристов, но и широкий круг читателей, в частности, студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов.

Т.А. Золотухина,
*кандидат юридических наук,
преподаватель Ростовского филиала
Российской академии правосудия*

Отзыв:
**Иванников И.А., Рубанова Н.А. Медицинское
право: учебное пособие. М., 2008. — 208 с.**

Социальная защита, благополучие и здоровье граждан России составляют одно из важнейших направлений ее правовой политики. Этим, в сущности, и обусловлено бурное развитие правотворчества в данной области общественной жизни и формирование самостоятельной отрасли российского права — медицинского права, которое, по оценкам авторов, в последние 10–15 лет стало развиваться в России стремительными темпами. На сегодняшний день правоотношения в области медицины формируют весьма обширное направление правотворческой политики России. Появление значительного количества законов, регулирующих общественные отношения в сфере охраны здоровья граждан и медицинской помощи, а также разработка новых федеральных законов «О здравоохранении в Российской Федерации», «О правах пациента», «О частной медицинской деятельности», «О государственных гарантиях медицинской помощи» и др., назревшая необходимость принятия Медицинского кодекса, который вобрал бы в себя нормы права, рассредоточенные ныне в гражданском, трудовом, семейном, административном, уголовном и других отраслях права, в Основах законодательства Российской Федерации и других нормативно-правовых актах, свидетельствуют о развитии законотворчества и законодательства в данной области социальной жизни. Поэтому совершенно очевидно, что «взаимосвязь медицины и права вызывает большой интерес в обществе» (с. 5) и обращение к этой теме можно только приветствовать.

Анализируемый труд появился в результате проведенной авторами масштабной исследовательской работы и является одним из первых, в котором на высоком уровне рассмотрена такая важная и не до конца урегулированная отрасль российского права как медицинское право. Поднятые в работе вопросы носят сложный и в то же время актуальный характер. Все главы отличаются новизной поставленной проблемы и своеобразием ее решения посредством способа изложения материала.

Продемонстрирован комплексный характер отрасли медицинского права, в формировании которой объективно используются положения теории государства и права, а в самой правовой конструкции присутствуют такие отрасли права как гражданское право, семейное право, административное право, уголовное право. Особо наглядно комплексный характер данной отрасли проявляется при исследовании правонарушений в области медицины и юридической ответственности. В связи с этим

гл. 10, посвященная исследованию указанных вопросов, представляет особую ценность.

Работа выполнена на высоком теоретическом уровне с применением исторического, сравнительно-правового, системно-структурного методов исследования при привлечении большого количества законодательных, подзаконных актов, фундаментальных трудов видных отечественных и зарубежных ученых, публикаций из различных периодических изданий. Изложение теоретического материала богато проиллюстрировано примерами медицинско-правовой практики.

Опираясь на структуру представленного пособия, рассмотрим подробнее наиболее важные проблемы, проанализированные в работе. Прежде всего авторами определено такое общетеоретическое понятие, как медицинское правоотношение, дано весьма емкое определение отрасли медицинского права (гл. 1, 2). Под медицинским правом понимается совокупность юридических норм, установленных или санкционированных государством, международными организациями, регулирующих общественные отношения в сфере медицинской деятельности (в системе медицинского обеспечения прав на жизнь, здоровье, физической и психической неприкосновенности, по оказанию медицинских услуг, а также действия или деятельность медицинских работников по сохранению, представлению последним достоверной информации о их диагнозе, динамике протекания болезни, методах и предполагаемых конечных результатах лечения, обязанностях пациента, трансплантации органов и тканей человека, вопросы эвтанази, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз) (с. 28).

Обращает на себя внимание проведенное соотношение между правом граждан на охрану здоровья и правом на медицинскую помощь (с. 44, 60), а также выделение права отдельных групп населения в области охраны здоровья (гл. 4).

Справедливо проведена связь между правом граждан на жизнь и охраной их здоровья, получением ими в случае необходимости медицинской помощи (с. 59).

В рамках проведенного исследования права на жизнь (гл. 5) дана оценка проблеме эвтаназии, проанализированы все доводы за и против легитимации подобного института в условиях России (с. 74–84).

В главе 6 поднимается весьма актуальная в современных российских условиях и ранее не рассматривавшаяся в юридической науке проблема трансплантации органов и тканей. Авторы обращают внимание на закрепленную в законе о трансплантации органов и (или) тканей презумпцию согласия на изъятие органов и (или) тканей, однако утверждают, что в юридической литературе нет единства мнений по поводу правовой обоснованности этой презумпции (с. 103).

При исследовании относительно нового для России института репродуктивных прав (гл. 7) особое внимание справедливо обращено на проблему аборт, ее историческое развитие и современное состояние (с. 112, 115, 117, 120). При этом справедливое внимание обращено на отсутствие законодатель-

---

ного регулирования интересов мужчины при решении вопроса о производстве аборта (с. 121). Далее Н.А. Рубанова предлагает весьма аргументированное решение проблемы суррогатного материнства (с. 127–128).

Научный интерес вызывает и изучение гл. 8, в которой приведена система медицинских экспертиз.

Исследуя договорный порядок оказания медицинских услуг (гл. 11), Н.А. Рубанова справедливо отмечает роль рекламы медицинских услуг (с. 167).

Особая ценность книги заключается в том, что авторами сформулированы дискуссионные вопросы, которые заставляют размышлять и находить собственные ответы, не всегда совпадающие с позицией авторов пособия. В частности, подобный дискуссионный характер носит исследуемое Н.А. Рубановой право на смерть (с. 74–99), в том числе формулировка его определения (с. 81). Представляется, что речь все же идет о праве на распоряжение жизнью (с. 61).

При этом важное значение приобретает исследование эволюции понятия смерти, ее признаков и видов, проблемы суицидов, количество которых за последнее время значительно увеличилось (с. 84–99).

Подобная работа позволит обратить самое пристальное внимание на нашу отрасль, но пока малоисследованную отрасль медицинского права.

Очевидно, что данное пособие является отправной точкой для дальнейших исследований в социальной сфере и, в частности, в области медицины, поскольку, как отмечают сами авторы, «книга не исчерпывает все проблемы медицинского права». Необходимость в их проведении обусловлена тем, что социальная ситуация в нашей стране остается очень сложной. При этом социальное законодательство адресовано обществу в целом либо отдельным индивидам, то есть приближено к народу, который согласно ст. 2 Конституции РФ является высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Проводимый сегодня в стране курс активизации социального развития, повышения роли институтов гражданского общества, стимулирования юридической культуры населения требует эффективного правового обеспечения, возможного только в рамках научно обоснованной политики в области правотворчества.

Думается, что проанализированная работа с интересом будет прочитана не только юристами, врачами, но и пациентами медицинских учреждений.

П.П. Баранов,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки,
профессор Ростовского юридического
института МВД России*

А.И. Овчинников,

*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой Ростовского юридического
института МВД России*

Рецензия:

Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М., 2010. — 392 с.

Монография А.П. Мазуренко представляет собой оригинальное и весьма актуальное исследование, посвященное проблемам формирования и реализации российской правотворческой политики. В ней впервые в отечественном правоведении предпринята попытка комплексно осветить природу данного сложного политико-правового феномена как в теоретико-концептуальном, так и в практическом аспекте. Глубокое знание автором предмета исследования гарантировало высокий уровень раскрытия темы, а многолетнее изучение существующих в теории и правотворческой практике проблем позволило ему найти оптимальную форму научного изложения полученных результатов.

Значительная интенсификация правотворческой деятельности в постсоветской России — факт общеизвестный. По данным статистики сегодня только на уровне федерального парламента принимается до 350 законов в год. Между тем далеко не во всех случаях содержание законодательных актов юридически безупречно. По оценкам экспертов, каждый седьмой закон содержит серьезные ошибки. Типичность таких правотворческих ошибок, как бессистемность правовых актов, их внутренняя противоречивость и излишняя многочисленность, обилие в законодательстве декларативных норм, не снабженных механизмом реализации, а также повторяемость подобных ошибок на протяжении многих лет свидетельствуют об их системном характере. Кроме того, субъекты правотворчества так и не могут в полной мере синхронизировать федеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческого процесса, не успевают «латать дыры» в отечественном законодательстве.

Все это говорит о пока еще низком качестве нормативных правовых актов, принимаемых в нашей стране, о большом количестве правотворческих ошибок и иных просчетов в правовом регулировании. В связи с этим в монографии делается справедливый вывод о том, что справиться с ними одноразовыми, эпизодическими действиями невозможно. Требуется соответствующее системное реагирование — правотворческая политика, которая отличается именно системным характером, соединяющим многие инструменты правотворческого процесса во взаимосвязанный механизм.

Автор полагает, что правотворческую политику следует рассматривать как путь к усовершенствованию правотворчества, повышению его эффективности. Подобный вид политики требуется для выстраивания непротиворечивого, внутренне единого, согласованного, последовательного правотворческого процесса, для внесения в него системности и юридической точности. В данном контексте весьма наглядно проявляет себя необходимость изучения особенностей, выявления сущности и разработки основных направлений правотворческой политики как важного способа оптимизации правотворчества в Российской Федерации.

В монографии обосновывается мысль о том, что исследование проблем правотворческой политики является одним из новых, перспективных направлений в теории государства и права. Однако на сегодняшний день данная тема еще не нашла своего должного освещения в отечественной правовой доктрине.

По справедливому мнению автора, правотворческая политика нуждается сегодня в концептуальном осмыслении. Формирование концептуальных основ такой политики является важным фактором, неотъемлемой составляющей современного этапа правового развития российского общества. Построение данного вида правовой политики на теоретически выверенных концептуальных началах позволит повысить степень ее эффективности и жизнеспособности, создаст необходимые условия для поступательного и научно обоснованного преобразования всей системы нормативных правовых актов, повышения степени их согласованности и непротиворечивости.

В связи с этим востребованность и практическая значимость рецензируемой работы обусловлены не только выявлением в ней проблем правотворческой политики на современном этапе развития российского общества, но и анализом процессов ее исторического развития, а также выработкой действенного механизма данной политики, направленного на всестороннее совершенствование правотворческой деятельности и, как следствие, отечественной системы права. Многоплановость и комплексность проблем, поднимаемых в монографии, а также исследовательские акценты, сделанные в работе, безусловно, требуют не только научной смелости, но и достаточно широкого кругозора, осведомленности как в теоретико-методологических разработках юридической науки, так и в правотворческой практике, что и было продемонстрировано автором в его новой книге.

В качестве позитивной оценки рассматриваемой работы следует отметить глубокий анализ форм и методов правотворческой политики, возможность их реального использования в деятельности многочисленных субъектов, вырабатывающих стратегию и тактику нормативно-правового развития общества и создающих условия для их практического применения в повседневной правотворческой работе.

Научное качество представленных в монографии А.П. Мазуренко выводов и их научная новизна не вызывают сомнений. Со многими предложениями, содержащимися в работе, необходимо согласиться. При этом значимость последних для развития юридической теории и практики также не вызывает

сомнений. Сформулированные в ней предложения и выводы аргументированы на основе адекватных предмету исследования методов научного познания и подтверждены конкретными запросами современной теории государства и права.

Автор выбрал для исследования действительно важную и актуальную на сегодняшний момент тему, разработка которой позволила представить историческую ретроспективу этого непростого феномена; отразить представления различных субъектов правоотношений о содержании и назначении правотворческой политики в условиях современной России; оценить информационные ресурсы правотворческой политики, в том числе использование в ходе ее реализации новейших информационно-коммуникационных технологий и мониторинга действующего законодательства; вскрыть влияние на развитие правотворческой политики процессов глобализации и отразить возможности использования отечественного и зарубежного опыта для повышения ее эффективности и прочее.

Рецензируемое исследование также вносит определенную ясность в соотношение смежных с правотворческой политикой категорий: правотворчество, правотворческий процесс, правотворческая стратегия и т.п. Выделение в работе признаков правотворческой политики позволяет дифференцировать данное понятие и отграничить от других разновидностей правовой политики. Эти и другие положения монографии оказывают позитивное влияние полученных в ней новых знаний на дальнейшие исследования проблем правотворческой политики, позволяют использовать их в качестве теоретической основы, создают дополнительные возможности для более углубленного изучения данного политико-правового феномена.

Автору удалось осветить большой блок актуальных вопросов, которые на сегодняшний день практически не разработаны на монографическом уровне. Выводы и положения исследования вносят значительный вклад в развитие юридической науки, а также приглашают научное сообщество к предметной дискуссии по остро стоящим перед Российским государством и обществом проблемам.

Вместе с тем приходится высказать некоторые замечания по тексту работы. На наш взгляд, автор в своем исследовании хотя и указывает на ряд приоритетов правотворческой политики на ближайшую историческую перспективу, но делает это слишком лаконично и фрагментарно. Следовало более обстоятельно раскрыть содержание таких приоритетов, как обеспечение необходимых правовых условий для реального всестороннего развития личности, строительства демократического правового государства и становления институтов гражданского общества; разработка законодательства в сфере формирования нового качества жизни населения; всесторонняя гуманизация права; оптимизация нормативной базы по повышению эффективности механизма правового регулирования и других, а также более убедительно аргументировать их особое место в ряду иных стратегических ориентиров отечественной правотворческой политики.

Кроме того, автору следовало уделить внимание проблемам правотворческой политики в сфере национальной безопасности и национальных ин-

---

тересов России, а также подробнее остановиться на вопросах, касающихся технологии и методов противодействия негативному влиянию на развитие отечественной правотворческой политики современных глобализационных процессов.

Однако, несмотря на некоторые неточности и спорные положения, рецензируемое исследование является весьма интересным и своевременным, позволяет читателям получить всестороннюю информацию по актуальным теоретико-прикладным вопросам формирования и реализации правотворческой политики в Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость рецензируемой монографии определяется тем фактом, что ее положения, обосновывающие концепцию правотворческой политики, восполняют пробел в юридической науке, касающийся содержания и назначения данного вида правовой политики государства. Положения работы представляют значимость также в том смысле, что они уточняют и в значительной степени обновляют понятийный аппарат по названной проблематике, вносят свой вклад в развитие общей теории права, способствуют более глубокому осмыслению рассматриваемых в науке проблем.

Хочется надеяться, что с данной книгой познакомится широкий круг ученых, практических работников правотворческих и исполнительных органов власти, всех тех, кто интересуется проблемами отечественной правотворческой политики и может по достоинству оценить ее содержание.

К юбилею Н.М. Конины

Известный в России ученый, крупнейший специалист в области административного права — Николай Михайлович Конин — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» отмечает в 2010 г. юбилей.

Н.М. Конин родился в 1935 г. в г. Ярославле. В 1961 г. окончил с отличием Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского и был направлен на работу старшим следователем УВД Тульской области по г. Новомосковску, а в ноябре 1963 г. поступил в аспирантуру СЮИ по специальности «Административное право», где в декабре 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию, уже с 1964 г. будучи преподавателем кафедры административного права.

В 1979 г. Н.М. Конин защитил докторскую диссертацию в специализированном совете юридического факультета Ленинградского государственного университета на тему «Организационно-правовые основы государственного управления социалистическим общественным производством (административно-правовое исследование)».

Свои научно-педагогические и организаторские способности Н.М. Конин проявил и как основатель и декан факультета правовой службы в народном хозяйстве Саратовского юридического института (1977–1984), а затем в должности проректора по научной работе (1984–1996) и председателя специализированного диссертационного совета (1985–1994). С сентября 1999 г. работает заведующим кафедрой административного и муниципального права СГАП, в 2009 г. избран заведующим кафедрой на третий пятилетний срок.

Н.М. Конин является автором многочисленных (более 120) работ в области административного права, в том числе монографий «Хозяйственные и иные объединения в отраслях государственного управления», «Основы правовой организации и управления производством». Шесть монографий изданы в соавторстве. Н.М. Конин опубликовал ряд резонансных статей в межвузовских научных сборниках, например: «Некоторые организационно-правовые проблемы становления и развития президентской власти в политической системе РФ», «Конституционная Россия и некоторые проблемы становления государственной исполнительной власти», «Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения», «Реформирование государственной службы: проблемы кадровой политики и пути решения», «Конституция РФ и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к 10-летию Конституции РФ)».

Н.М. Конин — один из известнейших в стране авторов учебников и учебно-методических пособий. Крупными тиражами вышли широко при-

---

знанные учебники по административному праву для юридических вузов под его редакцией и с его личным авторским участием. В 2004 г. Н.М. Конин опубликовал авторский курс лекций «Административное право. Общая и Особенная части», в разных издательствах страны трижды выходило учебное пособие «Административное право России в вопросах и ответах». Учебник «Административное право России» выпускался московским издательством «Проспект» ежегодно с 2006 по 2009 гг., а в 2010 г. в этом же издательстве вышло исправленное и переработанное второе издание этого авторского учебника. Учебно-методические комплексы по административному праву, подготовленные с участием Н.М. Конины, на протяжении длительного времени остаются в числе наиболее востребованных как студенческой аудиторией, так и практикующими юристами.

Во многом благодаря творческому потенциалу Н.М. Конины в Саратовской государственной академии права — одном из ведущих юридических вузов страны — получила дальнейшее развитие Саратовская научная школа административного права, основателем и патриархом которой был и остается профессор В.М. Манохин — заслуженный деятель науки РФ. Из нее вышли многие известные в настоящее время специалисты в области административного, муниципального, информационного права. Под научным руководством Н.М. Конины успешно защищено более тридцати кандидатских диссертаций и три докторских. Ученики Николая Михайловича живут и работают во многих городах России, а также странах СНГ и продолжают славные научные традиции Саратовской научной школы административного права.

В настоящее время Николай Михайлович по-прежнему активно работает с аспирантами и докторантами, выступает в качестве официального оппонента на защитах докторских диссертаций, в том числе и в других городах.

Все эти годы профессор Н.М. Конин вместе со своими учениками и коллегами активно участвовал в грантовой деятельности, неоднократно принимал участие в разработке проектов законодательных актов.

Колоссальная творческая энергия Н.М. Конины реализуется в разных областях и сферах научной жизни: он является заведующим секцией административного и информационного права Учебно-методического совета Приволжского федерального округа по юридическим наукам, членом редколлегии научного журнала «Вестник СГАП», членом совета по защите докторских диссертаций Воронежского государственного университета и, конечно, членом диссертационного совета Саратовской государственной академии права. Кроме того, Н.М. Конин — действительный член Российской академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, а также академик Евразийской академии административных наук.

Более сорока пяти лет своей жизни Николай Михайлович Конин посвятил весьма продуктивной и результативной научно-педагогической работе в Саратовском юридическом институте, преобразованном впоследствии в Саратовскую государственную академию права.

Профессионализм Н.М. Конины, значительные успехи в практической подготовке юристов с высшим юридическим образованием и научно-

---

педагогических кадров, в становлении и развитии саратовской научной школы, в организации и совершенствовании учебного процесса в свете современных достижений юридической науки и практики, обеспечения единства обучения и воспитания в целях профессионального, интеллектуального, культурного и нравственного развития личности признаны и утверждены не только дипломами кандидата и доктора юридических наук, аттестатами доцента и профессора, званием «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1998), но и наградами: медалью «Ветеран труда», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования», памятной медалью Международной наградной палаты «Элита науки» (2004), почетным знаком «Международное признание».

Огромная творческая энергия, глубокая порядочность, искренняя увлеченность своей профессией, высочайшая ответственность в любом деле, доброжелательность, интеллигентность, другие многочисленные личностные достоинства снискали ему заслуженный авторитет и уважение среди представителей российской юридической общественности.

В день юбилея редакция журнала, коллеги, многочисленные ученики, юридическая общественность сердечно поздравляют профессора Николая Михайловича Кони́на со знаменательным юбилеем и от души желают ему крепкого здоровья, счастья, оптимизма, жизнелюбия, новых творческих замыслов и свершений!

Малько А.В. (г. Саратов) *igr@sgar.ru*,

Ю.А. Саломатин (г. Пенза) *valeriya_zinovev@mail.ru*

Сравнительное правоведение: необходимость интеграции науки и образования

Авторы провозглашают необходимость применения достижений научных исследований в сфере Сравнительного правоведения к его преподаванию. Они дают обзор различных подходов к этой дисциплине в различных учебниках и предлагают наилучший трехэтапный способ получения сравнительно-правового образования. Ключевые слова: сравнительное правоведение, международная академия сравнительного правоведения, интеграция сравнительно-правовых исследований и образования.

Malko A.V. (Saratov), *Salomatina A.Y.* (Penza)

Comparative law: necessity of the integration of science and education

The authors claim the necessity of application of the research achievements of Comparative Law to its teaching. They review different approaches to this discipline in different studying books and propose the best three stages way of comparative legal education. Key words: comparative law, international academy of comparative law. integration of comparative law research and education.

Кочубин О.А. (г. Москва) *ksg56@mail.ru*

Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества

Статья посвящена проблеме развития Шанхайской организации сотрудничества. В ней рассматриваются перспективы деятельности ШОС в сфере безопасности, интересы Российской Федерации, отношение к ШОС Соединенных Штатов Америки. Ключевые слова: шанхайская организация сотрудничества, безопасность, геополитика, интеграция, национальные интересы, геостратегические интересы, стабильность.

Kochubin A.O. (Moscow)

Shanghai Cooperation Organization Security Development perspectives

The article is devoted to the issue of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) development. The author considers SCO security perspectives, interests of the Russian Federation, the USA attitude towards the SCO. Key words: Shanghai Cooperation Organisation (SCO), security, geopolitics, integration, national interests, geostrategic interests, stability.

Хатунов С.Ю. (г. Ставрополь) *seka209@mail.ru*

Тяжкие телесные повреждения в средневековой Англии

В статье исследуется место и роль тяжких телесных повреждений как уголовного преступления в средневековой Англии. Тяжкое телесное повреждение принадлежало к числу фелоний, которые

наказывались не смертной казнью. Анализ автором судебных протоколов уголовных дел, показал, что рассмотрения этого преступления очень близко по своей сути с рассмотрением дел об убийстве. Ключевые слова: тяжкое телесное повреждение, ранение, felonия, уголовное право, средневековое право, общее право, история права Англии, средние века, история Англии.

Khatunov S.Y. (Stavropol)

Maims in the medieval England

In the article author examines the place of maim as a felony in the medieval England. Maim was a felony not to be punished by death. With the help of plea rolls analysis author shows the proceedings case of maim actually is the same in case of homicide.

Key words: maim, felony, wound, criminal law, medieval law, common law, legal history of England, middle ages, history of England.

Слободнюк С.Л. (г. Магнитогорск) gumilev65@mail.ru

Утопическое правосознание, естественное право и соблазн свободы

В статье С.Л. Слободнюка «Утопическое правосознание, естественное право и соблазн свободы» анализируется, каким образом проявлялось генетическое родство исканий русской правовой мысли с деструктивными утопиями начала XX в. Ключевые слова: естественное право, правосознание, свобода, справедливость, утопия.

Slobodnyuk S.L. (Magnitogorsk)

Utopian legal conscience, natural law and freedom temptation

In the article by S. L. Slobodnyuk "Utopian legal conscience, natural law and freedom temptation" the author analyzes the way genetic relationship of striving Russian legal thought with destructive utopian of the beginning of the 20th century was manifested.

Key words: natural law, legal conscience, freedom/liberty, justice, utopia.

Ченус А.В. (г. Ростов-на-Дону) alexal_2004@mail.ru

Кодификация законодательства как одно из направлений правовой политики Российского государства

Статья посвящена проблемам и перспективам кодификации российского законодательства, как основного направления правовой политики государства. Предпринимается попытка осветить существующие проблемы кодификации, а также проследить закономерности, на основе которых должно происходить успешное развитие кодификационной деятельности в правовой жизни государства. Ключевые слова: кодификация; законодательство, правовая политика, правотворчество, проблемы, Свод закона.

Chepus A.V. (Rostov-on-Don)

Codification of legislation as one of the directions of a legal policy of the state

The article is devoted problems and prospects of codification of the Russian legislation, as basic direction of a legal policy of the state. Attempt is undertaken to

---

---

cover existing problems of codification, and also to track laws on which there basis should be successful development activity of codification in a legal life of the state. Key words: codification; legislation, the legal policy, right creativity, problems, the law arch.

Голубев В.Б., Секретарева Т.М. (г. Йошкар-Ола) tatsecr@yandex.ru

Права человека в сфере охраны здоровья при применении принудительных мер медицинского характера

Аннотация: авторы статьи исследуют права человека в области охраны здоровья. Авторы анализируют нормы гражданского и уголовного законодательства, обращая внимание на его достоинства и недостатки и указывают на необходимость его дальнейшего совершенствования. Ключевые слова: права человека, психическое заболевание, охрана здоровья, гражданское и уголовное законодательство, принудительные меры медицинского характера.

Golubev V.B., Sekretareva T.M. (Yoshkar-Ola)

Human rights in the sphere of health protection concerning application of compulsory treatment

Annotation. The authors of the article research Human rights in the sphere of health protection. The authors analyze norms of criminal and civil legislation and pay attention to its dignities and lacks and say about necessity of its improvement. Key words: Human rights, mental illness, health protection, criminal and civil legislation, compulsory measures of medical treatment.

Данилов М.В. (г. Саратов) super9999@yandex.ru

Политизация современного общества: теоретические и прикладные аспекты

Статья посвящена анализу взаимосвязи политической и неполитических сфер в современном обществе. Автор приходит к выводу, что логика подобного взаимодействия может фиксироваться категорией «политизация». Политизация может пониматься как фундаментальный социальный процесс, так и прикладная политическая технология. Ключевые слова: политика, общество, политизация, технология.

Danilov M.V. (Saratov)

The politization of modern society: theoretical and applied aspects

Article is devoted to analysis of the relation of political and non-political spheres in modern society. The author concludes that the logic of this interaction may be category "politicization". Politicization can be understood as a fundamental social process and applied political technology. Key words: Politics, society, politicization, technology.

219

Иванов С.С. (г. Саратов) sergsergivanov@rambler.ru

Персоналистская экономика: возможности и перспективы

В статье выявляются цели и задачи персоналистской экономики — экономического устройства общества, ориентированного на личность.

Концепция нравственной организации материальной жизни исследуется на основе трудов философов-персоналистов России и Запада. Ключевые слова: христианский социализм, персонализм, персоналистская экономика, личность, нравственность.

Ivanov S.S. (Saratov)

Person-oriented economy: opportunities and prospects

Article analyses objectives and tasks of the specific economic condition – person-oriented economy. Concept of moral basics of material forms of life is studied by the scientific works of the Russian and western philosophers. Key words: christian socialism, personalism, personalistic economics, person, morality

Кoшкин А.П., Мельков С.А. (г. Москва) 160957@mail.ru

Коммуникации власти с российским обществом: проблема институционализации политико-общественных импульсов

В статье анализируются несколько политических проблем коммуникации российской власти с обществом. Отмечается, что процесс институционализации политико-общественных импульсов, включает в себя всеобъемлющую модернизацию, медийные, поведенческие, идеологические и имидживые институты. По мнению авторов, разные комбинации взаимодействия этих институтов позволяют создавать новые коммуникационные схемы. Авторы утверждают, что российская власть достаточно эффективно выстраивает коммуникации с обществом. Однако поведенческие институты используются властью не достаточно эффективно. Реакция общества и граждан, полагают авторы, далеко не всегда адекватны ожиданиям, поскольку процесс формирования коммуникативных общественных институтов еще не завершен. Ключевые слова: коммуникации власти с обществом, модернизация, медийные институты, поведенческие институты, идеологические институты, имидживые институты.

Koshkin A.P., Melkov S.A. (Moscow)

Authority communications with the Russian Society: the problem of political and social impulses insttutualization

The article analyses some political problems of authority communications with the society. It is noticed that the process of political and social impulces institution includes universal modernization, media, conduct, ideological and –image institutions, According to the authors' opinions, different combinations in cooperation of these institutions let create new commicative schemes. The authors state that the Russian Anthonities communicate with the society quite efficiently. Although institutions of conduct do not use the power quite efficiently. The reaction of the society and its citizens, as the authors believe, are not always adequate to the expectations, because the process of forming communative social institutions has been finished yet. Key words: authority communications with the society, modernization, mass institutions, conduct institutions, ideological institutions, image institutions.

Верещагин С.Г. (г. Владивосток) vladserg2007@mail.ru

Формы разрешения социально-политических конфликтов в налоговой сфере: революции, восстания, бунты

Как свидетельствует история, одной из основных причин социально-политических конфликтов в обществе являются налоги, т.е. борьба за сбор и распределение собранных налогов с использованием политических средств, которые включают в себя и политическое насилие. В статье анализируются формы реализации социально-политических конфликтов в налоговой сфере посредством революций, восстаний и бунтов. Ключевые слова: политика, налоги, история налогов, революция, восстание, бунт, политическое насилие.

Vereschagin S.G. (Vladivostok)

Forms of resolving of social political conflicts in the sphere of taxation: revolution, revolts and riots

As the history testifies taxes are one of the principal causes of politico-social conflicts in a society, i.e. contention for collection and distribution of the taxes using political means which also include political violence. The modes of resolving social political conflicts in the sphere of taxation by means of revolutions, revolts and riots are analyzed in the article. Key words: Politics, policy, taxes, history of taxation, revolution, revolt, riot, political violence.

Костишко Б.М., Беспалова М.П. (г. Ульяновск) artemovast@mail.ru,

Кириллов М.В. (г. Ульяновск) mk-85@rambler.ru.

Ульяновский государственный университет: 20 лет успеха

Ключевые слова: Ульяновский государственный университет, юридический факультет, юридическое образование.

Kostishko B.M., Bepalova M.P., Kirillov M.V.

Ulyanovsk state university: 20 years of success

Key words: Ulyanovsk state university, law faculty, legal education.

Магомедов А.К. (г. Ульяновск) armagomedov@gmail.com

Восточный поворот российской энергетической политики: мотивы и оценки

Цель данной статьи—попытка исследовать политические стимулы, стоящие за новообретенной азиатской энергетической стратегией России. В работе анализируется то, как в последние годы происходил серьезный стратегический сдвиг российской энергетической политики в азиатском направлении. Показан характер геополитических вызовов и текущих стимулов, которые лежали в основе этого поворота по мере политического усиления России в пост-ельцинскую эпоху. Ключевые слова: Энергетическая геополитика, ЭнергодIALOG, Нефте- и газопроводы, Восточная Сибирь—Тихий Океан, Азиатский вектор.

Magomedov A.K.

Eastern paradigm of modern Russian energy policy: motives and apprais

The paper consists an arguments to dominant export-oriented industry in Russia, oil is a major source of tax revenues and wealth. The Russian state led by Putin has increased its direct control of the oil industry. The author notes that East Siberia—Pacific Pipeline Project which was start December 2009 by Vladimir Putin, significantly changed the geostrategic meaning of the Russian Far East's energy potential. The paper will examine the conflict between Russian national policy agenda and different Europe-oriented expectations. Key words: Energy geopolitics, Energy-Dialog, Pipelines, East Siberia—Pacific Pipeline Project, Asian paradigm.

Артемова С.Т. (г. Ульяновск) *artemovast@mail.ru*

Развитие идей о конституционном правосудии в России в дореволюционный период

В статье приводится краткий анализ развития законодательства и проектов, затрагивающих вопросы конституционной законности в России дореволюционного периода. Теоретические и практические разработки в области права, которые имеют не только исторический интерес, но и важное практическое значение, поскольку именно эти разработки были использованы в нашем государстве при решении вопросов правовой охраны конституции, конституционного надзора и контроля, включая создание органов конституционной юстиции. Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционный контроль и надзор.

Artyomova S.T.

The development of the ideas about constitutional justice in Russia during the pre-revolutionary period

The article gives a brief analyses of the development of the legislation and the projects, touching upon the questions of the constitutional legality in Russia in the pre-revolutionary period. Theoretical and practical workings out in the field of law which have not only historical interest but also important practical meaning because these very workings out were used in our state at the decision of the questions of the legal protection of the Constitution, the constitutional supervision and the control, including the creation of the bodies of the constitutional justice. Key words: constitutional justice, constitutional control and surveillance.

Беспалова М.П. (г. Ульяновск) *artemovast@mail.ru*

Особенности развития местного самоуправления в российском государстве в советский период

В данной статье рассматриваются наиболее проблемные и актуальные вопросы в сфере правового регулирования местного самоуправления в России советского периода.

Ключевые слова: местное самоуправление, выборы, власть на местах.

Bespalova M.P.

Features of the development of local self-government in Russia during the Soviet period

This article addresses the most problematic and topical issues of the legal regulation of local self-government in Russia of the Soviet period.

Key words: local self-government, election, local government authorities.

Романов В.В. (г. Ульяновск) artemovast@mail.ru

Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг.

В статье приводится краткий анализ исторического развития нормативной базы деятельности местных подразделений политической полиции Поволжья в период с 1825 по 1860 гг., по регламентации деятельности ярмарочной торговли, как основы нормального экономического развития страны. Раскрываются основные направления деятельности жандармерии, их функциональные обязанности и организация работы в данном направлении. Ключевые слова: политическая полиция, жандармерия, ярмарочная торговля.

Romanov V.V.

Functioning of local units of the political police in the context of trade fairs 1825–1860

The article provides a brief analysis of the historical development of the regulatory system of activities of the political police local units of in the Volga region during the period from 1825 to 1860, as to regulate the functioning of fair trade as the basis for sound economic development.

The main gendarmery's activities, their functional responsibilities and the organization of work in this direction are represented in the article. Key words: political police, gendarmery, fair trade.

Кириллов В.М. (г. Ульяновск) mk-85@rambler.ru

К вопросу о циркуляции политических элит в постсоветский период развития политической системы Ульяновской области

В данном материале описаны механизмы циркуляции политических элит и их воплощение на примере отдельно взятого региона в рамках регионального политического дискурса. Выделение определенных этапов политического конструирования Ульяновского региона связано напрямую с двумя взаимосвязанными факторами: региональными электоральными циклами и федеральными политическими трендами. По нашему мнению Ульяновский регион может стать определенной моделью политического развития страны в целом. Ключевые слова: ульяновский регион, политические элиты, политическое развитие, региональный электоральный цикл, федеральный политический тренд.

Kirillov V.M.

To the question of circulation of political elites in the Post-Soviet period of development of political system of Ulyanovsk region

In the given material we described some mechanisms of circulation of political elite and their embodiment on an example of separately taken region within a regional political discourse. Allocation of certain stages of political designing of the Ulyanovsk region is connected directly with two interconnected factors: regional electoral cycles and federal political trends. In our opinion the Ulyanovsk region can become certain model of political development of the country as a whole. Key words: Ulyanovsk region, political elite, political development, regional electoral cycle, federal political trend.

Передерий С.В. (г. Пятигорск) perederii1@rambler.ru

Российская государственность в свете вызовов глобализации: некоторые проблемные вопросы

В статье российская государственность в свете вызовов глобализации: некоторые проблемные вопросы рассматривается государственная политика в контексте национальной политики властных структур современной России. Выделяется и рассматривается положение русского народа как государствообразующего.

Ключевые слова: российская государственность, национальная политика, русский этнос, русский народ, проблема самоопределения русского народа в своих национальных целях, национальная идентичность.

Peredery S.V.

Overestimation of priorities: about undecided problems of Russian national policy

The point of the article is policy in the context of national politics of authoritative structures in modern Russia. It is emphasized and considered that the status of the Russian nation is stategenerative. Key words: state system of Russia, national policy, Russian nation, the problem of Russians' self-determination in their own national way, national identity.

Сучков М.А. (г. Пятигорск) max-suchkov@yandex.ru

США на Кавказе: интересы и цели

Данная статья призвана проследить динамику становления ключевых интересов Соединенных Штатов Америки на Кавказе, а также выявить инструменты их влияния на данный регион. Помимо этого, в работе анализируются современные американские экспертные оценки значимости Кавказского региона для внешней политики США. Ключевые слова: США, Кавказ, безопасность, внешняя политика, национальные интересы, геополитика, энергоресурсы.

Suchkov M.A.

US in the Caucasus: interests and objectives

The article traces the dynamics of shaping of U.S. key interests in the Caucasus, as well as identifies its instruments of influence over the

---

region. Besides, the paper analyzes contemporary expert assessments of the importance of the Caucasian region for the U.S. foreign policy. Key words: The U.S.A., the Caucasus, security, foreign policy, national interests, geopolitics, energy resources.

Миргород Д.А. (г. Пятигорск) denmirgorod@yahoo.com

Влияние глобализации на государство

Статья посвящена одному из важнейших явлений современности — глобализации. В статье рассматривается суть этого феномена, освещается его противоречивость. Анализу подвергается влияние глобализации на государство, как политическую систему. Ключевые слова: Глобализация, многополярность, однополярность, государство, вестернизация, американизация, интеграция.

Mirgorod D.A.

The influence of globalization on a state

The article is devoted to the one of the most important phenomena of modernity. In the article we look through the essence and contradictoriness of this phenomenon. Also we analyze the influence of globalization on a state as a political system. Key words: Globalization, multipolarity, unipolarity, state, westernization, americanization, integration

Парастатов С.В. (г. Пятигорск) stavroskmv@yandex.ru

«Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах

Статья посвящена актуальной проблеме ирредентизма в балканском регионе на примере «македонского вопроса». Автор ссылается на определяющий фактор «мировых держав» в разрешении греко-македонского конфликта вокруг названия. Ключевые слова: Ирредентизм, невооруженный конфликт, историческое наследие, этнический лоббизм, конфронтация, сотрудничество.

Parastatov S.V.

«The Macedonian question» in the context of modern geopolitical process in Balkans

The article is devoted to an urgent problem of irredentism in the Balkan region in “the Macedonian question” example. The author refers to the determinative factor of the world powers in the Greek-Macedonian name dispute solution. Key words: Irredentism, unarmed conflict, historical heritage, ethnic lobbyism, confrontation, collaboration.

Драганов А.А. (г. Пятигорск) alex_dron2002@mail.ru

Иран и Большой Ближний Восток в парадигме современных региональных геополитических процессов

В статье рассматриваются геополитические интересы Ирана на Большом Ближнем Востоке в рамках современных международных отношений. Подробно анализируются отношения между Ираном и странами Центральной Азии, в частности Пакистаном, Афганистаном и Туркменистаном.

Ключевые слова: Иран, «ядерное досье», Турция, Пакистан, Афганистан, Россия, ядерная программа, Россия и Иран, ключевое положение ИРИ, региональный геополитический центр силы.

Draganov A.A.

Iran and Big Middle East in the paradigm of modern regional geopolitical processes

The article deals with the geopolitical interests of Iran in Big Middle East in the paradigm of modern international relations. The relations between Iran and countries of Central Asia, specifically Pakistan, Afghanistan and Turkmenistan are thoroughly analyzed. Key words: Iran, «nuclear file», Turkey, Pakistan, Afghanistan, nuclear program, Russia and Iran, key position of IRI, regional geopolitical centre or force.

Зинченко М.С. (г. Пятигорск) zinch81@mail.ru

Проблема политизации ислама в современном мире: вопросы теории и практики

Статья посвящена проблеме политизации ислама в современном мире. Автором рассматриваются теоретические и практические аспекты данного явления, на основании которых дается определение политическому исламу, определяются его причины и общие тенденции распространения. Ключевые слова: политический ислам, исламизм, исламский сценарий глобализации, исламский радикализм, исламский фундаментализм, террористическая деятельность, политическая практика ислама.

Zinchenko M.S.

The problem of politicization of Islam in the modern world: questions of theory and practice

Article deals with the problem of politicization of Islam in the modern world. The author analyzes the theoretical and practical aspects of this phenomenon, on which the definition of political Islam is based; its causes and general spreading trends are also revealed. Key words: political Islam, Islamism, Islamic project of globalization, the Islamic radicalism, Islamic fundamentalism, terrorist activities, political practice of Islam.

Осинов С.К. (г. Пятигорск) stanislavosipov@inbox.ru

Религиозный фактор в эволюции политической системы России

В данной статье говорится о месте и роли православия в формировании политической системы, политических институтов и политической культуры России. Проводится историко-психологический анализ взаимодействия религии и политики в прошлом и настоящем. Приводятся аргументы того, что православная модель может сплотить общество и задать созидательный вектор общественного развития. Ключевые слова: политическая система, политические институты, политическая культура, религия, православие, российская государственность, национальная политика.

Osipov S.K.

The religious factor in evolution of political system in Russia

This article refers to the place and the role of Orthodoxy in shaping the political system, political institutions and political culture of Russia. In the article is performed a historical and psychological analysis of the interaction of religion and politics in the past and present. It is asserted that the orthodox model can unite the society and set the creative vector of social development.

Key words: political system, political institutes, political culture, religion, Orthodoxy, state system of Russia, national policy.

Соловьева В.А. (г. Пятигорск) solovevakmv@mail.ru

Управление Интернет-пространством в условиях информационного противоборства

Статья посвящена рассмотрению стратегий управления Интернет-пространством в условиях информационной борьбы. Автором представлены результаты исследования причин неудач РФ в информационном противоборстве России и Грузии в августе 2008 г., обуславливающие необходимость совершенствования механизмов использования ресурсов киберпространства в современных и будущих локальных войнах и военных конфликтах. Ключевые слова: сетевое информационное противоборство, управление информационным пространством, стратегический политический анализ, информационно-психологическое воздействие, информационное противодействие.

Cyberspace using in the context of informational confrontation

The article is devoted to the examination of the control cyberspace strategies in the context of informational confrontation. The author has presented the results of research the reasons of Russian faults in informational confrontation between Russia and Georgia in august 2008 specifying the necessity of development of using cyberspace resources mechanisms in the modern and future local wars and military conflicts.

Key words: informational web-confrontation, cyberspace management, strategic political analysis, informational psychological influence, informational counteraction

Грачев Т.С. (г. Пятигорск) grachevt@mail.ru

К вопросу о «классическом» понимании принципа единства прав и обязанностей

Статья посвящена анализу традиционного понимания важнейшего принципа права — единства прав и обязанностей. Согласно «классической» точки зрения, право и обязанность рассматриваются как два равноправных элемента. Ключевые слова: право, обязанность, единство прав и обязанностей, свобода, ответственность.

Grachev T.S. (Pyatigorsk)

To the question about «classical» understanding of the principle of unity of rights and duties

The article is devoted to the analysis of the traditional understanding of the very important principle of law — unity of rights and duties. According to the «classical» point of view, rights and duties are considered as two equal elements. Key words: right, duty, unity of rights and duties, freedom, responsibility.

Карабеков М.М. (г. Пятигорск) ur-pgtu@mail.ru

Правовые акты Президента РФ как средство реализации правовой политики

Статья посвящена анализу роли и места правовых актов Президента РФ в осуществлении правовой политики. Отдельное внимание уделяется классификации правовых актов Президента РФ и их потенциалу в определении стратегии развития государства. Ключевые слова: Президент Российской Федерации, правовые акты, правовая политика, стратегия развития.

Karabekov M.M. (Pyatigorsk)

Law documents of the President of the Russian Federation as mean of realization of legal policy

This article is devoted to the analysis of the role and place of in the realization of legal policy. Special attention is given to the classification of law documents of the President of the Russian Federation and their potential in the definition of development strategy of the state. Key words: President of the Russian Federation, law documents, legal policy, development strategy

Пестова Т.П. (г. Бузулук) pestova1975@mail.ru

Понятие и признаки локально-правовой политики

Статья посвящена характеристике основных признаков локальной льготно-правовой политики. Автор отмечает, что локальная льготно-правовая политика — это планомерная, системная деятельность субъектов локально-правовой политики с учетом специфики деятельности организации, ее экономических возможностей и реальности обеспечения, направленная на создание локальных льгот временного и внутриорганизационного характера в целях повышение уровня жизни и социальной защищенности работников организации путем согласования интересов конкретной личности и организации в целом, повышения стимула трудовой активности граждан, более эффективного регулирования социально-трудовых отношений в рамках деятельности той или иной организации, повышения ее конкурентоспособности на рынке предоставления рабочих мест, привлечения граждан на работу с вредными и опасными условиями труда. Ключевые слова: локальная льготно-правовая политика, влияние социокультурных особенностей, исторических традиций, специфики национального менталитета на льготно-правовую политик, специфические признаки локальной льготно-правовой политики.

Pestova T.P. (Buzuluk)

Concept and signs of a local privilege-legal policy

Article is devoted the characteristic of the basic signs of a local privilege-legal policy. The author notices, that the local privilege-legal policy is a systematic, system activity of subjects of a privilege-legal policy taking into account specificity of activity of the organisation, its economic possibilities and the maintenance reality, directed on creation of local privileges of time and intraorganizational character with a view of increase of a standard of living and social security of workers of the organisation by the coordination of interests of the concrete person and the organisation as a whole, increases of stimulus of labour activity of citizens, more effective regulation of sociolabor relations within the limits of activity of this or that organisation, increase of its competitiveness in the market of granting of workplaces, attraction of citizens for work with harmful and dangerous working conditions. Key words: the local privilege-legal policy, influence features, historical traditions, specificity of national mentality on the privilege-legal policy, specific signs of a local privilege-legal policy.

Выступления на круглом столе «Проблема формирования правоохранительной политики

Малько А.В. igr@sgap.ru

Синюков В.Н. vsinyukov@yandex.ru

Игнатенкова К.Е. igr@sgap.ru

Михайлов А.Е. igr@sgap.ru

Петров М.П. igr@sgap.ru

Нырков В.В. igr@sgap.ru

Коржиков О.Н. kor.ol@bk.ru

Обзоры и рецензии

Улиско А.Н. (г. Саратов)

Региональные проекты — концепции и разработки:

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы нормотворчества» (г. Саратов, 6 октября 2009 г.)

Кузнецов И.И. (г. Саратов) politbum@mail.ru

Обзор Заседания регионального отделения Российской ассоциации политической науки

Матузов Н.И., Малько А.В., Нырков В.В. (г. Саратов) igr@sgap.ru

Рекламное правовое пространство в общетеоретическом ракурсе (Рецензия: Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): Монография. Н. Новгород, 2010. 796 с.

Колесников Е.В., Степанова Ю.В. (г. Саратов) ktr@sgap.ru

Рецензия: Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика: Монография / Под ред. Н.И. Матузова. Пенза, 2009. 148 с.

Золотухина Т.А. (г. Ростов-на-Дону) ttzoloto@yandex.ru

Рецензия: Иванников И.А., Рубанова Н.А. Медицинское право: Учебное пособие. М., 2008. 208 с.

Баранов П.П., Овчинников А.И. (г. Ростов-на-Дону) igr@sgap.ru

Рецензия: Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М., 2010. 392 с.

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), Н.И. Матузов (зам. главного редактора — председатель редакционного совета), М.П. Петров (зам. главного редактора), К.Е. Игнатенкова (ответственный секретарь), В.А. Абалдуев, С.Ф. Афанасьев, Е.В. Вавилин, А.А. Вилков, М.В. Гаврилов, А.В. Голикова, М.В. Данилов, А.Н. Иванов, Е.В. Кобзева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, И.Н. Коновалов, Т.Н. Митрохина, В.В. Нырков, В.В. Попов, Л.А. Тимофеев, В.Д. Холоденко, Е.Ю. Чмыхало, Н.И. Шестов, А.Е. Михайлов (зав. редакцией)

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), Ф.А. Григорьев, А.И. Демидов, И.А. Иванников, В.Б. Исаков, И.Ю. Козлихин, С.А. Комаров, Ю.А. Крохина, В.И. Липунов, А.Г. Лисицын-Светланов, Н.А. Лопашенко, М.Н. Марченко, С.Ю. Наумов, В.А. Номоконов, В.Д. Перевалов, Н.А. Придворов, О.Ю. Рыбаков, Ю.Н. Стариков, С.Б. Суоров, Н.А. Сыродоев, Ю.А. Тихомиров, Р.Л. Хачатуров, Ю.Л. Шульженко

Издается Саратовским филиалом Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН

Полнотекстовая версия номеров журнала, а также аннотации статей и
ключевые слова на русском и английском языках доступны на сайте
<http://www.sgap.ru>

Редакция академического и вузовского
юридического научного журнала «Правовая политика и правовая жизнь»
Адрес: Россия, 410028, г.Саратов, ул.Чернышевского, 135
Тел.: (845-2) 29-91-22, тел./факс: (845-2) 29-92-18, e-mail: igp@sgap.ru

Банковские реквизиты:
ИНН: 7704067766 КПП 645402001
УФК по Саратовской области
(Саратовский филиал государственного учреждения
Институт государства и права РАН, л/с 0361103050)
Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по Саратовской обл. г.Саратов
Р/сч— 40503810800001000431 БИК: 046311001
КБК 31930202041010000440 ПЗ разрешения № 73

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-5708 от 30 октября 2000 г.

ISSN 1608-8794

© Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2010
© Саратовская государственная академия права, 2010
© Ассоциация юридических вузов, 2010

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

1 (38) • 2010

Редактор *С.Н. Сисикина*

Обложка художника *В.К. Иванова*

Компьютерная верстка *О.Л. Солдаткиной*

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77–5708 от 30 октября 2000 г.

Подписано в печать 16.03.2010. Формат 70X100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Диапозитивы предоставлены редакцией.

ЗАО «Типография «Полиграфист»
410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.